

DUBIA

БИБЛИОГРАФИЯ ЖУРНАЛЬНЫХ СТАТЕЙ
ПО ВОПРОСУ ОБ УСТРОЙСТВЕ И УЛУЧШЕНИИ БЫТА
ПОМЕЩИЧЬИХ КРЕСТЬЯН¹

С обращением общего внимания в России на вопрос об устройстве и улучшении быта помещичьих крестьян появилось в нашей литературе много статей по этому предмету и возникли даже два специальные по сему вопросу журнала².

Все вообще сочинения и статьи такого рода можно, кажется, подвести под три главные категории: в одних описывается историческое развитие быта земледельческого сословия в разных государствах, что может иметь целью указать нам примеры, достойные подражания, или предостеречь нас от ошибочных мер, навлекших бедствия на другие страны. В других статьях заключаются общие юридические и административные рассуждения, клонящиеся к разъяснению способа применения мер, какие следует принять для улучшения быта помещичьих крестьян в России. Третьи статьи, наконец, более практического содержания, излагают лишь местные сведения о сельскохозяйственном устройстве имений в разных краях России и могут служить, с одной стороны, некоторым пособием при определении частных и подробностей в предполагаемых правилах об устройстве крестьянского быта, а с другой стороны, могут указать частным лицам удобнейшие и выгоднейшие способы к преобразованию хозяйств своих сообразно с потребностями времени.

В статьях первого рода мы находим историческое описание устройства крестьянского сословия во Франции, в Пруссии, в Польше, в остзейских губерниях и, наконец, в самой России.

История *французских крестьян* изложена в статьях гг. Чичерина и П. Ш. — ва, напечатанных — первая в «Атенее», вторая в 1 № «Русского вестника» за нынешний год³. Составление этих статей было авторам облегчено изданием в недавнее время во Франции нескольких сочинений по этому предмету. Из них по

полноте и последовательности изложения более замечательно сочинение Лемари (Leymarie — Histoire des paysans en France), которым преимущественно руководствовался г. П. Ш — в. Но сочинение это доведено лишь до времени революции; потому, чтобы ознакомиться с позднейшим развитием быта французских земледельцев, следует обратиться ко второй половине второй части сочинения г. Бонмера (Bonnemère — Histoire des paysans). К сожалению, это сочинение, все вместе взятое, не представляет довольно ясной и верной картины истории устройства французских крестьян. В г. Бонмере слишком высказывается стремление растрогать читателей изображением постоянных бедствий, претерпенных французскими крестьянами, что вредит последовательности и беспристрастию, которые совершенно необходимы историку. Одним словом, книгу г. Бонмера правильнее было бы назвать *Martyrologie des paysans en France*.

Из приведенных статей и сочинений видно, что французские земледельцы, образовавшись частью из рабов, частью из свободных людей, покоренных новыми обладателями Галлии или закабаливших себя добровольно, чтобы избавиться от притеснений и насилий, слились в первые времена французской монархии в сословие крепостных людей (*serfs*). С развитием феодальной системы крестьяне получили во многих местах право потомственного пользования землями за повинности, определенные местными обычаями. Наконец крепостная зависимость на деле почти уничтожилась, так как она не лишала уже крестьян права перехода с места на место, а выражалась только в лежавших на них личных повинностях или услугах, считавшихся унижительными. Крестьянин мог продать свою землю другому, принимавшему на себя исправление в пользу господина поземельных повинностей; но крестьянин, считавшийся крепостным, не освобождался при этом от личных своих повинностей. Помещики во второй половине XVIII века мало вмешивались в управление крестьянами, а старались только умножать под разными предлогами их повинности. Крестьяне, считавшие уже землю своею и не видевшие от господ ни участия, ни помощи и не чувствовавшие даже над собою их власти, смотрели на них как на чуждых себе соседей, которые по сословному праву рождения требуют с них разных поборов; потому крестьяне и помещики поставлены были между собою в опасный антагонизм. Настала революция, уничтожившая феодальные права и преимущества. Многие крестьяне сделались полными собственниками своих участков. Быт их, конечно, улучшился, но еще не везде. В настоящее время благосостоянию французских крестьян вредит чрезмерное размельчение поземельных участков (многие владеют лишь $\frac{1}{2}$ десятины), а в других местах непомерное возвышение арендной платы на землю⁴.

Об истории крестьян в Пруссии помещена в 1, 2 и 4-м №№ «Сельского благоустройства» замечательная статья г. Самарина⁵,

которая, впрочем, еще не окончена. Статья эта весьма замечательна по полноте, последовательности и правильности своего изложения. Она представляет нам живую картину не только прежнего положения прусских крестьян и мер, принятых к улучшению их быта, но и различных воззрений современников на эти меры, порядка составления и приведения в исполнение новых правил, последствий применения их и впечатления, произведенного реформой на крестьян и на дворянство. В первой части статьи г. Самарин описывает устройство имений в Пруссии под влиянием феодальных начал: тут мы видим вредные и невыгодные последствия прикрепления лица к лицу, лица к земле и земли к сословию. Люди, поставленные по рождению в тесную и определенную сословную рамку, стеснены в приложении к делу своих способностей. Купля и продажа земли подвержены разным ограничениям, понижающим поземельную ценность и препятствующим хозяйственным усовершенствованиям. К счастью, Пруссия не закоснела в слепой приверженности к старому порядку вещей, не стала, подобно Франции, дожидаться насильственного ниспровержения этого порядка. Явился великий государственный муж, Штейн, мудрым начинаниям которого Пруссия наиболее обязана настоящим своим благоустройством и благосостоянием. Описанию государственной деятельности Штейна по крестьянскому вопросу посвящена вторая часть статьи г. Самарина. В 1807 году прусские крестьяне приобрели личную свободу, сохранив при этом право пользования землею, исстари носившую название крестьянской. Личные повинности крестьян, истекавшие из крепостной зависимости, были упразднены; поземельные же господские повинности крестьян изменены не были. Оставалось определить справедливый размер сих повинностей и облегчить крестьянам возможность приобрести поземельную собственность. Описание принятых в этом отношении мер, возбудивших сперва сильное сопротивление и порицание дворянства, но увенчавшихся благими для всего края последствиями, заключается в третьей части статьи г. Самарина. Принято за правило, что повинности крестьян в пользу помещика не должны превышать трети всего чистого дохода с владеемых ими участков. Крестьяне, владевшие участками своими наследственно за постоянные повинности, могли выкупить их в собственность или, уступив помещику одну треть своей земли, сохранить в своей собственности остальную часть. Из участков, владеемых крестьянами по срочным условиям, они должны были уступить половину помещику для освобождения себя от повинностей. Был назначен срок для добровольных сделок между помещиками и крестьянами, по истечении коего регулирование производилось особо назначенными для того чиновниками. Наконец, прусское правительство содействовало выкупу крестьянских земель финансовыми учреждениями, о которых,

верно, будет более подробно говорено в последней статье г. Самарина.

Что касается истории устройства польских крестьян, то об этом напечатана довольно подробная и дельная статья в последних двух номерах «Русского вестника»⁶. Но читатели наши могли уже познакомиться с этим предметом, прочитав статью г. Карновича, помещенную в июньской книжке «Современника»⁷.

Довольно много статей вышло относительно устройства крестьян в остзейских губерниях, а именно: 1) Очерк истории эстляндских крестьян — в 3-м № «Журнала министерства внутренних дел» за 1857 год⁸; 2) Очерк истории лифляндских крестьян — во 2-м и 3-м №№ «Отечественных записок» за 1858 год⁹; 3) Извлечение из законоположений о крестьянах остзейских губерний П. Шульда, напечатанное сперва в «Журнале министерства внутренних дел»¹⁰, а потом отдельной брошюрой; 4) Письма о крестьянах Прибалтийского края, напечатанные в «Le Nord» и переведенные в «Русском вестнике»¹¹. Последнее сочинение довольно краткое, но достаточно полное изложение постепенного изменения устройства крестьянского сословия во всех трех остзейских губерниях. Все вообще писанное по этому предмету приводит к убеждению, что дарование крестьянам одного только права перехода из одного имения в другое без права собственности или постоянного пользования на землю неминуемо должно иметь вредное влияние на быт крестьян; потому-то пришлось изменить и исправить эстляндское положение 1816 года и лифляндское 1819 года, коими не было предоставлено тамошним крестьянам такого права.

У нас нет еще полной, хорошей истории крестьянского сословия в России; все, что мы имеем, пока заключается в небольшой статье, помещенной в «Le Nord» и переведенной с некоторыми замечаниями, дополнениями, возражениями и цитатами разных документов г. Вельтманом в первой книжке «Журнала землевладельцев»¹². Статья г. Вельтмана с полным знанием дела разобрана во 2-м № «Русской беседы» за нынешний год.

Перейдем теперь к разбору статей, посвященных разъяснению вопроса о лучшем устройстве помещичьих крестьян в России. Но скажем наперед несколько слов о самых журналах, специально посвятивших себя этому предмету или открывших для того особые отделы.

Более всего внимания обращает на себя в этом отношении «Сельское благоустройство», издаваемое при «Русской беседе». Вот какими словами издатель, г. Кошелев, объясняет назначение своего журнала: «У нас, — говорит он, — об устройстве крепостного сословия еще не было *общего суждения*. Теперь необходимо вознаградить упущенное время. Теперь каждый из нас обязан спешно приобретать все нужные сведения, соображать их и

придумывать средства к разрешению подлежащей нам задачи. Сверх того — и это еще важнее первого — мы должны свои мнения высказывать, чужие выслушивать и таким образом *уяснять и вырабатывать общее мнение*».

Статьи, помещенные в первых четырех номерах «Сельского благоустройства», довольно разнообразны. Не говоря уже об упомянутой нами выше статье о прусских крестьянах, укажем сперва на прекрасно составленные статьи г. Самарина¹³ о теперешнем и будущем положении помещичьих крестьян. Г. Самарин в первой статье доказывает, что конечная цель улучшения быта помещичьих крестьян должна состоять в образовании состояния крестьян-собственников, но что внезапный выкуп всей крестьянской земли посредством финансовой операции представлял бы огромные затруднения, что даже общее превращение барщинных повинностей в оброчные было бы вдруг невозможно и что потому необходимо переходное состояние. Издатель журнала в примечании к этой статье объяснил, что, соглашаясь во многом с мнением г. Самарина, он считает, однако, нужным представить в следующей книжке некоторые замечания на эту статью. Но г. Кошелев, видно, переменял намерение, потому что замечаний этих мы в следующей книжке «Сельского благоустройства» не читали.

Во второй статье, помещенной в 4-м № «Сельского благоустройства», г. Самарин возбуждает вопрос: не лучше ли вместо немедленного обязательного выкупа усадеб предоставить крестьянам усадьбы их в постоянное неотъемлемое пользование вместе с пахотною землею и дозволить им выкупить впоследствии, когда сами пожелают и будут иметь к тому средства, всю отведенную им землю вместе с усадьбами?¹⁴

В третьей книжке «Сельского благоустройства» помещен проект устройства крестьянского быта г. Шишкова¹⁵. По мнению его, следовало бы наделить крестьян землею по две десятины на душу, брать с них оброк по 4 руб. серебром с десятины, что составит 20 руб. с тягла; затем крестьяне платили бы в казначейство для составления выкупного капитала по 5 руб. серебром с души (то есть 12½ руб. серебром с тягла); через это в 18 лет составила бы сумма, достаточная для выкупа отведенной крестьянам земли, и тогда крестьяне получили бы землю эту в собственность и избавлены были бы от всех повинностей в отношении к помещику. Хотя, конечно, трудно опровергать человека практического, но трудно также понять: каким образом крестьяне, которые, пользуясь значительным количеством земли, могли до сих пор платить только 20 руб. серебром с тягла, — что составляет средний оброк у нас, — будут в состоянии с отнятием у них части земли платить сверх оброка еще 12½ руб. с тягла за выкуп. Едва ли можно также надеяться, чтобы крестьяне, не бывавшие прежде на оброке, а исполнявшие барщинные работы,

могли бы вдруг сделаться способными к ежегодной уплате 33½ руб. серебром, то есть суммы, превышающей обыкновенные оброки крестьян в самых промышленных и богатых губерниях.

Другие статьи, помещенные в «Сельском благоустройстве», более практического содержания и указывают на способы применения новых правил к отдельным местностям или особым случаям.

Так, например, в статье г. Кошелева¹⁶ высказаны предположения об устройстве быта крестьян, принадлежащих мелкопоместным владельцам, посредством выкупа мелких имений.

Г. К — и в статье своей рассматривает вопросы, относящиеся собственно до Рязанской губернии, а именно, каким количеством земли следует наделить там крестьян, каким образом лучше устроить вотчинное управление и обеспечить исправный взнос податей и повинностей крестьян¹⁷.

В других статьях и в письмах, адресованных к издателю журнала, заключаются разные местные сведения и соображения, сообщенные помещиками.

Такие практические замечания и данные составляют полезное дополнение к общим предположениям и к историческим исследованиям, о которых говорено выше. Все это вместе дает журналу надлежащую полноту и разносторонность. Нельзя покуда сказать того же о «Журнале землевладельцев», издаваемом г. Желтухиным. Тут мы находим почти исключительно практические сельскохозяйственные данные и соображения. Впрочем, г. Желтухин и не имеет, кажется, прямого намерения вырабатывать, как г. Кошелев, общественное мнение. Он желает соединить в своем журнале даже самые противоположные мнения, хочет сам быть до того беспристрастным, что журнал его не будет иметь определенного цвета. Он не берет на себя соглашать противоречий, но «избегая голословного выражения собственных мнений, постарается выразить их в подробном и откровенном рассказе о своем деревенском хозяйстве». Зато, независимо от вопроса об устройстве быта помещичьих крестьян, г. Желтухин обещает нам статьи, касающиеся разных усовершенствований в сельскохозяйственном устройстве. Он указывает, например, на недостаток у нас в ветеринарах, землемерах, хороших мельниках, бухгалтерах, приказчиках и проч. и приглашает практических людей указать на способы к устранению этого недостатка; обещает помещать статьи о гонке смолы, о поташном производстве, о виноделии, о фабриках и т. п., лишь бы статьи эти имели отношение к улучшению быта крестьян и усовершенствованию помещичьего хозяйства*.

После предисловия от издателя следует в первом номере «Журнала землевладельцев» статья «По поводу речей гг. Пого-

* «Журнал землевладельцев», № 1, «От издателя», стр. 7, 11 и 22.

дина и Кокорева»¹⁸. Статья эта замечательна по отсутствию всякого определенного цвета. Прежде, нежели мы прочли ее, мы о ней слышали от двух лиц: один господин хвалил ее, говоря с приятной улыбкой, что это — претонкая, но преколкая ирония насчет г. Кокорева; другой не нашел в ней ничего, кроме преувеличенной похвалы нашему Монтекристо¹⁹. Прочитав статью со вниманием, мы не могли вполне разъяснить нашего недоумения и сказать положительно: чего хотелось автору, похвалить или посмеяться. Скорее должно принять эту статью за похвалу, но похвалу не совсем ловкую. Если же самую неловкость эту должно объяснить в смысле преднамеренной иронии, то она так тонка, что даже человеку, заранее предупрежденному, трудно ее понять. Где тонко, там и рвется, гласит пословица. Если хвалить в человеке то именно, чего в нем недостает, — это, пожалуй, будет ирония довольно горькая; тут хвалят «светлый практический ум» г. Кокорева, которого у него никто не оспаривал, даже говоря о его влечении к гласности. Вместе комментарии и дополнения к речи г. Кокорева, помещенные в этой статье, кажется, совершенно согласны с его собственными словами и мнениями. Где же тут ирония? В одном только месте автор статьи делает что-то вроде возражения на слова г. Кокорева, что, где доходы помещиков при будущем устройстве крестьян не возместят доходов, ими получаемых, там нужно *пожертвование*. Слово это не нравится автору статьи, но он «так убежден в чувствах деликатности и благоразумия г. Кокорева», что он объясняет это выражение следующим образом: автор говорит, что г. Кокорев имел в виду не даровое пожертвование в пользу помещиков, а ссуду крестьян выкупным капиталом. Сколько нам известно, вывод этот совершенно верен мысли самого г. Кокорева, который мог думать об устройстве банка для выкупа крестьянских земель или усадеб, но, конечно, не предполагал выдавать даровые пособия помещикам. И тут опять нет иронии, а просто развитие собственной мысли г. Кокорева. С другой стороны, трудно поверить, чтобы автор статьи этой хотел просто выразить свое искреннее одобрение речи г. Кокорева и не умел сделать это попроще, поестественнее, так, одним словом, чтобы не было места истолкованию статьи в противную сторону. Нет, это — верно, ирония! Но если так, то в чем она заключается? That is the question, и не легко разрешить этот вопрос; разве сам автор потрудится написать к своей статье пояснительные комментарии.

Мы слишком долго заговорились об этой статье, увлекшись любопытством, возбуждаемым всем тем, что остается для нас неразгаданным.

Из других статей «Журнала землевладельцев» мы заметили в 3-м номере статью г. Протасьева²⁰ и письмо в редакцию о быте нынешнего харьковского крестьянина²¹. Г. Протасьев, подтверждая свои выводы подробными числовыми данными, доказывает,

что если его барщинное имение Рязанской губернии, заключающее в себе 201 душу крестьян и приносящее ему 3 000 руб. серебром среднего годового дохода, обратить в оброчное, причем отдать крестьянам в аренду всю землю по существующим в тех местах вольнонаемным ценам, то имение принесет ему 3 300 руб. серебром чистого дохода. Вместе с тем каждое крестьянское семейство будет иметь 45 руб. серебром ежегодной чистой прибыли. Тем не менее он считает, что он потеряет часть своего дохода с уничтожением обязательного труда, потому что ему придется содержать вольнонаемную прислугу, покупать провизию и сено, рубить и привозить на свой счет дрова и т. д., что составит в год расход до 1 200 руб. серебром более против того, что издерживается ныне на содержание дворовых, которых у г. Протасьева мужского пола 29. Значительная разница в расходе объясняется тем, что у г. Протасьева 24 человека домашней прислуги обоего пола дворовых, а вместо них вольнонаемных он считает необходимым иметь в услужении 16. Показанная сумма 1 200 руб. должна, по мнению г. Протасьева, быть заменена процентами с соответственного капитала за отходящие от помещика собственность и рабочую силу. «Конечно, — говорит далее г. Протасьев, — выведенный мною расчет расходов *на удовлетворение потребностей* не может служить нормой для определения выкупного капитала по имениям вообще, потому что размер потребностей не может быть пропорционален количеству душ; так, например, владельцу имения в 2 000 душ не потребно же 160 человек прислуги и т. д.».

Вот новый взгляд на вещи! Оставим в стороне то, что помещик, получая собственно поземельного дохода с имения более, чем ему приносил обязательный труд крестьян, не имеет ни сколько права требовать выкупной суммы. Положим, что отходящая от него рабочая сила должна бы быть выкуплена (что не согласно с смыслом высочайших рескриптов, по коим выкуп полагается только за отходящую от помещика недвижимую собственность — крестьянские усадьбы), и тогда цена выкупа должна бы соразмеряться с размером местной вольнонаемной платы, со средствами и местными выгодами крестьян, а уж никак не с *потребностями помещика*. Иначе можно бы дойти до самых странных выводов: потребность помещика — вещь весьма относительная. Холостой помещик 1 000 душ довольствуется иногда пятью человеками домашней прислуги, а если не живет в деревне, то часто и теперь вовсе не держит при себе крепостных людей, кормит лошадей и теперь покупным сеном и т. д. и потому по системе г. Протасьева не потерпит вовсе убытка. Семейному же помещику ста душ, может быть, по прежним привычкам его нужно человек двадцать прислуги, а вместо них человек пятнадцать вольнонаемных людей; нужно много разной провизии, сена, дров и т. п. Взамен всего этого он потребует от крестьян

большого вознаграждения. Впрочем, ошибочность вывода г. Протасьева так очевидна, что нечего более доказывать, к каким явно несправедливым в отношении крестьян результатам могла бы привести его система. Недаром г. издатель «Журнала землевладельцев» обещал помещать у себя самые противоположные мнения!

Письмо из Харькова, о коем мы упомянули выше, статья совсем другого рода. Тут есть очень интересные факты о прежнем бедственном положении тамошних военных поселений и благотельных последствиях обращения военных поселян в государственные крестьяне и некоторые статистические сведения о быте харьковских крестьян вообще.

Кроме этих двух издаваемых в Москве специальных журналов по крестьянскому вопросу, «Русский вестник» посвятил этому вопросу особый отдел.

В статье от редакции, помещенной в начале сего отдела в 5-м № «Русского вестника» за 1858 год, высказан следующий взгляд на крепостной вопрос: «Главную целью предполагаемых мер к устройству крестьянского быта должно быть предоставление крестьянам полных гражданских прав. Прежде всего надлежит собрать точные местные сведения, по коим следует определить надел крестьян землею и повинности их сообразно с настоящим порядком вещей. Дальнейшим шагом должно быть превращение барщины в денежный оброк. Окончательною мерою в последствии времени могла бы быть капитализация оброка и выкуп крестьянских повинностей с предоставлением крестьянам права собственности на состоящую в их пользовании землю. Последняя мера при помощи финансовой операции со временем, вероятно, была бы охотно принята многими помещиками.

Из статей по крестьянскому вопросу, сообщенных «Русскому вестнику» и помещенных в 5-м и 6-м №№ сего журнала, обращают на себя внимание статьи: 1) «О необходимости поземельной собственности» — Х. Д., и 2) «О возможности выкупа крестьянских участков без участия правительства» — г. Пушкина. Выкуп, по мнению г. Пушкина, могут произвести дворяне при участии других сословий, если согласятся вносить ежегодно $\frac{1}{100}$ часть оценочной суммы земли, уступаемой крестьянам. Образующийся таким образом ежегодно складочный фонд был бы употребляем на выкуп имений по очереди; оброк с выкупленных крестьян присоединялся бы к складочному фонду и обращался бы на выкуп других имений. По расчету г. Пушкина, выкуп по всей Тульской губернии (о которой собственно он говорит) продолжился бы 34 года, но взнос помещиками по 1% с оценки — лишь 31 год. При этом дворяне внесли бы на 100 руб. — 31 руб. в течение 31 года, а получили бы выкупной капитал разом, то есть не по частям, хотя и не все вдруг; но всякий, пока до него дойдет

очередь получить выкупную сумму, стал бы попрежнему пользоваться доходами с имения.

Трудно составить себе положительное мнение о таком проекте, не зная, как смотрят на него сами тульские помещики, до коих дело касается и которых г. Пушкин приглашает к ежегодному пожертвованию 1% с ценности своих имений. Очень может быть, что такое временное пожертвование оказалось бы впоследствии выгодным и для самих помещиков; но все-таки нужно знать, согласятся ли они сами с этим мнением.

Из замечательных статей, появившихся в других журналах, относительно предметов, связанных с устройством крестьянского быта, мы могли бы указать на статьи г. Я. Соловьева «О поземельном пользовании в России»²². Но автор представил покуда только свод мнений разных поборников и противников общинного владения землею и сравнительные сведения о поземельном владении в Европе. Лучше поговорить подробнее об этих статьях, когда г. Соловьев доведет их до конца и выскажет собственные свои взгляды и заключения.

БИБЛИОГРАФИЯ ЖУРНАЛЬНЫХ СТАТЕЙ ПО КРЕСТЬЯНСКОМУ ВОПРОСУ

Наконец в прошедшем июле месяце вышел давно ожидаемый 5-й, майский, номер журнала «Сельское благоустройство», с которого мы и начнем настоящий разбор.

Книжка эта начинается статьею Е. С. Г — ко под заглавием: «Мысли об улучшении сельского хозяйства и быта землевладельцев». Автор начинает с описания различных способов владения землею и доказывает необходимость точнейшего определения у нас права собственности и различия между общинною и личною собственностью. Потом он выводит необходимость законного ограничения делимости имений и поземельных участков. «В Англии, — говорит он, — считают наиболее выгодными имения от 150 до 200 десятин. Размер, впрочем, зависит от местных условий. У нас при трехпольном хозяйстве, при неизобилии воды объем этот можно определить от 800 до 1000 десятин в черноземных губерниях». Предела дробимости имений в прочих губерниях автор вовсе не указывает. Объем крестьянского участка он определяет по 4 десятины в клину, кроме выгона общинного и двух десятин сенокоса. Здесь автор опять имеет в виду одни многоземельные губернии. Жаль, что автор не разобрал этого вопроса более подробно. Если он знаком с устройством помещичьих имений в разных местностях России (что можно предположить из общих замечаний его о помещичьем хозяйстве), то он имел бы возможность разделить Россию на полосы сообразно местным условиям и затем определить для каждой полосы предел, до которого

Могут быть раздробляемы помещичьи имения и крестьянские участки без нарушения выгод владельцев, то есть без допущения такого размера владения, при котором земледелие не вознаграждает уже достаточно трудов хозяина. Такая статья — будь она написана добросовестно и с полным знанием дела — была бы весьма занимательна, а главное — практически полезна, особенно если бы выводы автора были подкреплены точными числовыми данными.

Далее автор делает сравнение между временным и потомственным владением землею и доказывает невозможность внезапного и насильственного уничтожения общинного владения; между тем он предлагает «образовать особое сословие фермеров или арендаторов. Оно может состояться: а) из мелкопоместных дворян, б) из чиновников заштатных, с) из купцов и других лиц, владеющих капиталами.

Не знаем, понимает ли автор под словами «*нужно образовать сословие фермеров*» необходимость принятия в этом отношении каких-либо особых правительственных мер. В таком случае с ним согласиться трудно. Фермерство, конечно, образуется в свое время и, может быть, довольно скоро само собою: найдутся люди, готовые посвятить земледелию свои труды и капиталы — и в землях им у нас недостатка не будет. Все, чего можно желать в этом отношении, это — содействия правительства и высших сословий к распространению между лицами среднего состояния агрономических сведений; а возможности принять какие-либо правительственные меры собственно для образования особого *сословия фермеров* мы не понимаем. Притом мы желаем образования ферм лишь в том смысле, чтобы рядом с нынешними крестьянскими хозяйствами возникли на пустопорожных или вообще на господских или казенных землях, не состоящих ныне в пользовании крестьян, фермы, которые, превосходя способом обработки своей, так же как и самым размером, крестьянские участки, могли бы служить соседним крестьянам живым примером земледельческих усовершенствований. Но никак нельзя желать, чтобы фермы заменили крестьянские хозяйства, то есть, чтобы вместо крестьян образовались два сословия: фермеров, или хозяев, и бездомных батраков. С этим, конечно, согласится сам автор разбираемой нами статьи.

За этой статьей следует в «Сельском благоустройстве» статья г. Лободы по поводу статьи г. Кошелева «*О мелкопоместных дворянах*».

Г. Кошелев предлагал при устройстве быта помещичьих крестьян принять для обеспечения средств к существованию мелкопоместным дворянам следующие меры: 1. В имениях, где хлебопашество прибыльно, оставить в собственности и непосредственном распоряжении помещика всю землю, а крестьянам доставить

прочную оседлость на иных землях. 2. В таких же местностях, где земля плоха и доход доставляется лично крестьян, там крестьянам отдать всю землю, а помещикам дать возможность приобрести земли в более хлебородных местах. Из мелких владельцев этих могут образоваться впоследствии фермеры. В этом случае, конечно, предполагается выкуп земли крестьянами при известном пособии.

Г. Лобода разбирает невыгоды и неудобства переселения помещиков и крестьян, выводит вредное влияние крупного фермерства на массу земледельческого сословия, когда большие владения и фермы поглощают мелкие хозяйства, и приходит, наконец, к заключению, что «состояние мелкопоместных дворян будет самое прочное только в таком случае, когда они составят из себя отдельные общины с правом общинного владения землею или, еще лучше, если войдут с крестьянами в общий состав общин».

Через это, по мнению г. Лободы, устранится надобность переселения и разъединения мелкопоместных дворян и крестьян их. Помещик, получив от крестьян вознаграждение за усадьбы и нарезанную им землю, будет пользоваться оставшеюся ему землею и войдет в состав общины как равный. Лишнюю землю он может продать; если ему земли мало, он может прикупить на полученные с крестьян выкупные деньги. «К такому сближению двух различных классов нужно, — говорит г. Лобода, — откинув вкоренившиеся исстари в нас предрассудки, стараться всевозможно содействовать. Польза, от того истекающая, нами хорошо оценима и сознаваема еще быть не может (так она для многих должна показаться дика), но она вместе с тем и видима с первого же раза».

Предоставляем читателям отдать преимущество предположению г. Кошелева или г. Лободы, статья которого написана ясно, последовательно и, как видно, с искренним убеждением. Мы убеждены, что статьи, написанные в таком духе, — если бы они и не во всех отношениях были практически верны и удобоприменимы, — должны, однако, много содействовать к уяснению разбираемого вопроса.

Следующие за этой две статьи о наделе крестьян землей и вознаграждении, какое следует помещикам за эту землю, представляют практические и притом местные данные и соображения.

Затем помещена в «Сельском благоустройстве» статья г. Кошелева «О дворовых людях».

Автор в живом и верном описании настоящего положения дворовых людей показывает нам, что содержание их в большей части имений невыгодно, а если и приносит материальную пользу помещику, то у небогатых владельцев, при низведении дворовых до самого грустного положения. Из этого г. Кошелев выводит, как полезна была бы замена дворовых вольнонаемными людьми.

Для самого же освобождения дворовых он предлагает следующие меры:

Допустить выкуп их на волю на прежнем основании по соглашению с помещиком, но вместе определить высшую норму выкупной суммы для взрослого мужчины от 20 до 30 лет в 200 руб. серебром, пропорционально уменьшая эту сумму для не достигших или перешедших этот возраст. Жен и малолетних детей откупающихся дворовых увольнять бесплатно; девок и вдов от 18 до 30 лет — за 40 руб., также уменьшая эту сумму сообразно возрасту. Если же помещик издержал сумму на обучение дворового какому-либо мастерству, то, когда это будет доказано, допустить требование за то вознаграждения сверх выкупа на следующем основании. Издержанная сумма (которая, однако, не должна быть признана превышающею 200 руб. для мужчины и 40 руб. для женщины) делится на 20 (считая срок службы дворового от 20 до 40 лет); затем помещик может требовать уплаты издержанной на обучение дворового суммы по числу лет, остающихся последнему до достижения сорокалетнего возраста: например, если за обучение дворового заплачено 200 руб. и ему от роду 28 лет, то он должен уплатить помещику сверх выкупа за остающиеся до 40-летнего возраста 12 лет по 10 руб. за каждый год, а всего 120 руб.; если же ему 25 лет, то 150 руб. и т. д. Вместе с тем позволить помещикам отпускать безвозмездно на волю дворовых людей без согласия последних, но с тем, чтобы при отпуске на волю калеки, больного или старика, имеющего свыше 50 или 60 лет, помещик вносил 150 руб. в пользу общества, в которое отпущенный поступит и которое обязано иметь о нем попечение; за женщин старше 40 или 50 лет вносить 75 руб. Сверх того постановить, что все дворовые, рожденные с 19 февраля 1855 года, уже свободны, а также определить 12-летний срок, по истечении коего все невыкупившиеся люди освобождаются уже бесплатно.

Конечно, хотя личный выкуп вовсе нет необходимости устанавливать в отношении к крестьянам, но в отношении к дворовым он имеет свое основание, так как помещик, очевидно, пользовался тут доходом исключительно с личности людей, без всякого участия поземельной ренты. Этот доход помещика может быть вознагражден или единовременным выкупом, или срочною обязательною службою, как это было в Остзейском крае. Г. Кошелев признает оба способа вознаграждения, так как он, кроме выкупа, полагает постановить, что через 12 лет все дворовые освобождаются безвозмездно. С этим нельзя не согласиться, потому что один выкуп без назначения срока общего освобождения не достиг бы своей цели, даровав свободу одним только зажиточным дворовым. С другой стороны, и при назначении срока общего освобождения необходимо определить норму выкупа для ограждения ремесленных, промышленных и вообще способных к хоро-

шим заработкам дворовых от вымогательств некоторых алчных помещиков или недобросовестных управляющих. Мы видали кучеров из дворовых людей, на обучение коих помещик не истратил ни копейки и которые платили до 60 руб. серебром оброка в год; для иных даже оброк не был ясно определен, а с них требовали почти все их жалованье, а в случае малейшего замедления в высылке денег не высылали им паспортов и через это лишали их мест. Хороший человек легко бы нашел хозяина, который заплатил бы за него выкуп 200 руб. серебром с постепенным вычетом этой суммы из его жалованья. Таким образом, многие дворовые люди избавились бы от грустной необходимости трудиться 12 лет, отдавая господину все плоды трудов своих и не имея возможности улучшить свое положение. Потому мы убеждены, что норма выкупа принесла бы во многих отдельных случаях несомненную пользу, уничтожив возможность налагать на дворовых тяготительные оброки, но это не привело бы к общему выкупу дворовых, большинство коих освободилось бы не раньше общего срока. Потому нам казалось бы достаточным определить одну высшую цифру выкупной суммы, присоединив к ней, пожалуй, вознаграждение за издержки на обучение дворового мастерству без распределения выкупа по возрастам. Вымогательства можно ожидать лишь в отношении к дворовым, платящим весьма высокий оброк; остальных помещики согласятся отпустить и за небольшую сумму, имея в виду, что через 12 лет они получат свободу даром.

Еще одно предложение г. Кошелева нам кажется неуместным: он предлагает признать свободными дворовых, рожденных с 19 февраля 1855 года. К чему это, если через 12 лет он предлагает даровать свободу всем дворовым? Неужели мальчику, не достигшему 12 лет, будет легче от того, что он вольный? С другой стороны, малолетние эти могут осиротеть; оставаясь дворовыми, они были бы в течение 12 лет, то есть до всеобщего освобождения, на попечении помещика; родившись свободными, они будут иметь лишь меньше права на его заботливость. Вот все, что мы можем заметить на статью г. Кошелева, которая, без сомнения, не останется в настоящее время без пользы и применения.

В статье г. Д. Самарина под заглавием «*Барон Шульц фон Ашераден и доктор Меркель*» выставлены две личности, замечательные по влиянию, какое они имели на освобождение крестьян в Лифляндии.

Барон Шульц, человек в высшей степени благородный и проникнутый искренней любовью к справедливости, далеко опередил свой век истинно-человеколюбивыми своими стремлениями и ясным, беспристрастным, просвещенным взглядом на современные ему вопросы. Он сам был богатый лифляндский помещик, но подчинял свои расчеты попечениям о благосостоянии крестьян своих. Для доставления крестьянам своим надлежащей

самостоятельности и тех льгот, на которые они, по его мнению, имели полное право, он издал в 1764 году для своих имений особое положение, определявшее в точности права и обязанности крестьян и ограничивавшее произвол помещика. Таким образом, он прежде всего выразил свое стремление к улучшению быта крестьян собственным примером, самым делом, а не одними рассуждениями. Потом он принимал живое участие в прениях ландтага, предшествовавших изданию положения 1804 года, и под конец получил на ход этого дела значительное влияние, хотя сначала высказанные им либеральные убеждения до того не понравились некоторым дворянам, что его чуть не выбросили в окошко!

Честь и слава людям, которые для пользы человечества и для поддержания справедливых убеждений не страшатся ярости и нареканий людей с узкими и отсталыми понятиями и алчных эгоистов. А без сопротивления, без нареканий от противной стороны никакая полезная реформа совершиться не может. Чем менее противники реформы могут представить в свою пользу оснований доводов, тем более они горячатся, тем превратнее толкуют они значение, цель и последствия реформы, тем скорее доходят до резких выражений, до брани, даже до насилия, как чуть не случилось на лифляндском ландтаге при выслушании предположений барона Шульца. Но вспышки эти истощают последние силы противодействующей партии, роняют окончательно партию эту в глазах людей благомыслящих и уступают место спокойным прениям, служащим к уяснению и здравому решению вопроса. Тогда разливается и растет влияние людей, подобных барону Шульцу, память коего глубоко уважается теперь между потомками тех самых дворян, которые некогда на него восставали.

Что касается доктора Меркеля, то сочинения его об остзейских крестьянах, живо представлявшие несчастное положение их и убедительно высказывавшие новые еще в то время мнения о способах к улучшению крестьянского быта, много содействовали к распространению по этому предмету более справедливых понятий.

К этим двум достойным всякого уважения именам г. Самарин мог бы еще присоединить имя г. Самсона фон Гиммельштерна, который в позднейшее время и по сочинениям своим и по участию в прениях дворянства также не мало содействовал к улучшению положения лифляндских крестьян.

За этой статьей помещена в «Сельском благоустройстве» перепечатанная из «Журнала министерства внутренних дел» статья *«О положении крестьянского сословия в Молдавии, о занятиях нынешнего молдавского дивана по предмету освобождения крестьян»*.

Издатель присоединил к ней примечание следующего содержания:

«Мы перепечатаваем статью сию из «Журнала министерства внутренних дел», будучи уверены, что читатели наши найдут весьма любопытные сведения, здесь сообщаемые, о занятиях нынешнего молдавского дивана по предмету освобождения крестьян. Думаем, что из сей статьи мы можем для себя извлечь несколько полезных предостережений и уроков. Дай бог, чтобы наши комитеты не презрели плодов опытности соседних стран, чтобы они все более и более убеждались в необходимости для крестьян прочной, в собственность переходящей оседлости и чтобы паче всего они воздержались от наложения на одно сословие в пользу другого обязанностей многосложных, не строго определенных».

Из статьи этой видно, что в Молдавии крестьяне находятся в некоторой степени крепостной зависимости, так как переход их из одного имения в другое затруднен множеством условий и формальностей и повинности их в отношении к помещикам определяются законом, а не добровольным договором. Порядок этот установлен более 100 лет тому назад и был в отношении к размеру повинностей крестьян неоднократно изменяем, однако норма барщины и оброка часто не соответствует теперь действительной ценности земли и вольнонаемной арендной плате. Из этого возникают между помещиками и крестьянами разные недоразумения и неудовольствия. Там, где законная норма повинностей ниже вольной арендной цены, помещики весьма стеснены правилом, которое обязывает их наделять землей прибылых крестьян за узаконенные повинности. Теряя через это часть своего дохода, помещики стараются вознаградить свои убытки вымогательством у крестьян лишних против положения повинностей всякими неправдами, возбуждающими в народе негодование. Крестьяне не могут свободно располагать своим трудом, а помещики своею землею. Те и другие тяготеют своим положением. Все это происходит оттого, что воображали возможным постоянное сохранение порядка, который мог быть хорош лишь как мера временная, переходная. Теперь весьма многие сознают в Молдавии, что как для помещиков, так и для крестьян всего лучше было бы окончательно развязаться с обязательными взаимными своими отношениями. Если бы крестьянам дали право и открыли бы возможность и средства откупиться от своих обязательных повинностей и сохранить состоящие в постоянном пользовании их земли или хотя часть их на правах полной собственности, то помещики с помощью выкупного капитала быстро увеличили бы доход и ценность остальных своих земель, которыми они могли бы уже вполне распоряжаться по собственному усмотрению. Взаимные интересы сблизил бы помещиков с крестьянами; теперешний антагонизм между ними исчез бы, не

было бы поводов к спорам, жалобам, притеснениям. Все это ясно сознается уже в Молдавии большинством; вопрос в том лишь: каким способом выкупить крестьянские повинности и какое количество земли предоставить в собственность крестьянам? Вопрос этот по разногласию мнений и по волнению, возбужденному шумною оппозициею некоторых бояр, не мог быть решен диваном и представлен на рассмотрение Парижского конгресса.

В последнее время вышел еще 6-й, июньский, номер «Сельского благоустройства». В нем заключаются между прочим следующие статьи.

Статья «О крестьянских усадьбах» Г. С. Голубцова имеет значение чисто практическое, то есть не разбирает самого вопроса, а указывает на способы применения предполагаемых правил к особым местным случаям. Такие статьи могут быть на деле весьма полезны, но они все-таки имеют интерес преимущественно для людей специальных; притом достоинство и польза их заключаются не в развитии новой идеи, но в точности и верности подробностей, которых в разборе сочинения передать вполне невозможно. Потому, отдавая полную справедливость подобным статьям, мы будем вкратце только указывать их содержание, не вдаваясь в подробный разбор их, который бы утомил большинство читателей. Те же, которые хотели бы с практической целью вникнуть в подобные статьи, те должны изучать их в подлиннике: для них недостаточно и самого полного разбора. Итак, ограничимся насчет статьи г. Голубцова указанием, что автор в статье этой разбирает значение крестьянских усадеб, состав их, случаи переноса усадеб, способ оценки и выкупа их.

В статье г. Харламова «О наделе крестьян землей и об ее оценке» автор доказывает, что лучше предоставить крестьянам в пользование всю владеемую ими теперь пахотную землю, и опровергает доводы лиц, предполагающих, что выгоднее было бы отделить в постоянное пользование крестьян возможно меньшее количество земли. Далее автор примерно определяет размер obroka, рассчитанный соразмерно ценности известной части хлеба и других произведений, которые крестьяне могут получить с отданной им в пользование земли.

Далее помещена статья Е. С. Г — ко «О народных нравах и обычаях». Автор выставляет леность малороссиян, склонность их к пьянству, недостаточное уважение к праву собственности (он говорит, что хотя в Малороссии почти нет воров по ремеслу, но крестьяне не считают грехом лесную порубку или поправу чужого хлеба¹⁾), недостаток кредита и взаимного доверия, отсутствие людей специально технически образованных и страсть крестьян раздроблять свои хозяйства, то есть страсть сыновей жить отдельными домами от отцов своих и друг от друга и т. п. Леность крестьян, конечно, происходит отчасти от зависимого положения их. Трудолюбивым часто приходится отдавать гос-

подину значительную часть добытого ими: ленивых барин поневоле кормит. Когда каждый будет сам от себя зависеть, сам о себе пеших, когда ленивому не на кого будет надеяться, а усердный крестьянин будет уверен, что заработанное им пойдет впрок ему и его семейству, тогда лениности верно будет меньше. Что касается лесных порубок и т. п., то мы читали в сочинении г. Сарганта (*Economy of the labouring classes*), что и во Франции они не считаются в народе грехом; это общая черта нравов народа, недостаточно еще образованного, а не исключительно мало-российских крестьян. Прочие обличения автора основательны, но должно надеяться, что все это год от году будет исправляться. Но не можем не заметить, что гнев г. Г — ко на пьянство увлекает его очень далеко: он выводит, что каждое семейство в Харьковской губернии тратит ежегодно на водку до 15 руб. серебром, и затем высказывает желание, чтобы «правительство вовсе запретило употребление пенного вина и установило прямой налог на каждое семейство по 15 руб. серебром за право пить его!»

В статье г. Половцева *«Мысль об освобождении крестьян в XVIII столетии»* заключается рассказ о предложенном в 1766 г. С.-Петербургским вольным экономическим обществом конкурсе на тему *«О пользе для государства от развития крестьянской поземельной собственности»*. Премию на конкурсе этом получило сочинение на французском языке доктора прав Беарде (*Béardé de l'Abbaye*). В сочинении этом выведены все выгоды, которых должно ожидать в государственном и экономическом отношениях от предоставления крестьянам личной свободы и поземельной собственности. Для своего времени появление такого сочинения и напечатание его в России — факт весьма замечательный.

К 6-му № *«Сельского благоустройства»* приложена составленная И. В. Сабуровым *«Хозяйственно-статистическая программа для описания дворянских имений»*. Этот труд весьма полный, обдуманный и во многих отношениях полезный.

Перейдем теперь к обзору вышедших с издания последней нашей библиографической статьи 4, 5 и 6 номеров *«Журнала землевладельцев»*.

В 4-м № помещен составленный г. Шульцем разбор сочинения г. Сарганта об устройстве рабочих классов в разных государствах — *«Economy of the labouring classes»*, London, 1857. В разборе этом извлечено из сочинения г. Сарганта преимущественно все то, что относится до быта земледельцев.

Систему хозяйственного устройства земледельческого сословия г. Саргант рассматривает в четырех видах, а именно: «1) система патриархальная, под именем которой автор разумеет отношение главы семейства к домохозяевам у первобытных кочую-

щих племен; 2) система *покровительственная* (*patronage*), существующая там, где сохраняется еще рабство или крепостное состояние, где работник служит господину не по найму, а по обязанности, но вместе с тем находится на его попечении; 3) *общинное устройство* и 4) система *личной самостоятельности и личного владения*».

Г. Саргант доказывает, что каждая из систем этих, представляя свои выгоды и неудобства, свойственна известной эпохе жизни народов и что каждая в свое время может быть в известной степени полезна, хотя последняя система одна только возможна в государстве вполне развитом. Затем г. Саргант приводит в пример существующие ныне системы устройства земледельческого сословия в разных государствах и разбирает последствия различных систем, выражающиеся в большем или меньшем нравственном и материальном благосостоянии крестьян. Примеры патриархального устройства автор находит в Аравии и на Урале; примеры крепостного права — у нас в России и в Болгарии. Положение у нас крепостных людей он еще видит в довольно розовом свете, хотя и сознает, что Россия вступает в тот период гражданского своего развития, когда уничтожение крепостного права делается полезным и необходимым. Между тем г. Саргант сильно нападает на существование невольничества в Соединенных Штатах, и, сравнивая страну эту с Россиею, где принимаются уже меры к улучшению быта помещичьих крестьян, он доказывает, что для низшего класса народа самодержавное правление часто благодетельнее республиканского. Общинного владения с переделом земли по тяглам г. Саргант не знает, а под этим именем указывает нам лишь на общинное пользование угодьями. Наконец, из стран, где развита личная самостоятельность крестьян, автор выставляет наилучшим положение крестьян в Норвегии, где значительно развита мелкая поземельная собственность, а самым жалким в Ирландии, где население состоит из бездомных батраков или мелких фермеров, нанимающих клочки земли с полуразвалившимися хижинами за огромную цену.

Сравнивая положение земледельцев в разных государствах, г. Саргант представляет довольно любопытные факты о пище, жилищах, рабочей плате, нравах и смертности крестьян. Но тем, кто желал бы ближе ознакомиться с влиянием, которое имеет на крестьян развитие между ними мелкой поземельной собственности, мы можем посоветовать прочесть сочинение Джона-Стюарта Милля или по крайней мере одну главу сочинения этого известного экономиста, посвященную описанию положения крестьян-собственников. Глава эта отдельно переведена в №№ 5—8 «Сына отечества» за нынешний год. В 30-м № этого журнала начат перевод другой части сочинения г. Милля, а именно:

«О системах пользования землею». Но возвратимся к «Журналу землевладельцев».

В 4-м же номере помещена статья г. Гелинга «Об устройстве крестьян и помещичьих имений в литовских губерниях». Описав происхождение там инвентарей, существо крестьянских повинностей и устройство там отдельных ферменных хозяйств, автор приходит к весьма основательному заключению, что усадьбы крестьянские, представляющие отдельные фермы, следовало бы вместе с прилегающими к ним полевыми участками отдать в потомственное пользование крестьян за умеренную ренту с облегчением крестьянам средств приобретения поземельной собственности.

В том же номере «Журнала землевладельцев» еще весьма достойна внимания статья под заглавием «Крестьянин-торговец». Это верный и во многих отношениях весьма занимательный очерк быта промышленных и торговых крестьян Калязинского уезда. Тут мы знакомимся не только с общими характеристическими чертами этого быта, но вникаем в самую внутреннюю, повседневную жизнь крестьянина-торговца, следим за ним со вступления его на поприще торговли до преклонных лет его, видим хорошую и дурную сторону его образа жизни, видим богатство, которое крестьянин-торговец быстро накапливает благодаря своей сметливости и могучей силе воли и нередко также быстро расточает по разгульной и беспечной своей натуре. Не отвергая материальных выгод, доставляемых краю промышленным и торговым направлением его жителей, автор жалеет о непрочности богатства в руках крестьянина-торговца, а еще более об упадке нравственности торгового сельского населения вследствие столичной жизни молодых людей и разъединения их с семьями.

Для отвращения этого зла автор полагает полезным развить нравственно-религиозное образование крестьян, воспретить им жить на стороне без жен, обязать одного из трех братьев остаться земледельцем. Нравственно-религиозное образование, без сомнения, полезно; но мы не можем решиться желать вместе с автором вмешательства закона в семейные и хозяйственные отношения крестьян. Неужели хорошо, если бы полиция стала привязываться к каждому женатому крестьянину, пришедшему в город, отсылать его обратно в деревню, если он не привез с собой жены! Да этого достаточно было бы во многих случаях, чтобы удержать крестьян от брака, а иначе как же исполнить закон, предлагаемый автором статьи о крестьянах-торговцах? Обязание одного из трех братьев оставаться дома тоже было бы иногда стеснительно для крестьян. Богатому и еще бодрому крестьянину-торговцу, имеющему трех взрослых сыновей, удобнее и выгоднее может быть отпустить всех троих в город, а заведовать хозяйством самому с помощью наемного работника.

Нам кажется, что все подобные меры будут не нужны с распространением между крестьянами частной поземельной собственности и с развитием в них охоты к приобретению ее. Теперь разбогатевший крестьянин оставляет детям лишь капиталец да хорошую избу (оставаясь крепостным, он ничем более не может обеспечить благосостояния их); или же он откупается на волю и вовсе оставляет свое сословие. Со временем, близко ли, далеко ли — не знаем, расторговавшийся крестьянин непременно постарается купить в полную и потомственную собственность порядочный участок земли, где он устроит детям своим прочное хозяйство. Если в Англии разбогатевший работник, сделавшийся торговцем, но никогда не бывший земледельцем, почти всегда старается сделаться поземельным владельцем и, оставив торговлю, берется для отдыха за сельское хозяйство, то неужели это стремление будет слабее в нашем крестьянине-торговце, родившемся среди полей? Тогда каждый ловкий и дельный крестьянин, вступая в торговлю, будет иметь перед собою ясную и определенную цель: нажить капитал и с помощью его сделаться вблизи родного селения маленьким помещиком. Конечно, эта мысль будет лестнее для него, чем надежда перейти навсегда в город: там он был бы мещанином, человеком незначущим; у себя, в своем сельском обществе он, владея порядочным имением, будет лицом значительным. Удастся это одному, другие всеми силами будут стараться добиться того же, и тогда нечего бояться, чтобы земледелие в Калязинском уезде было заброшено. Сыновья разбогатевшего торговца сами, пожалуй, не пойдут в город, а останутся у себя хозяйничать. Мы вполне убеждены, что именно промышленные и торговые уезды России должны быть, и со временем непременно будут, даже без вспомогательных к тому мер, центром крестьянской поземельной собственности.

В 5-м номере «Журнала землевладельцев» мы можем указать на статью г. Жеребцова «О распространении знаний в России». Тут сравнивается современное состояние просвещения в России и в западных государствах Европы. Автор доказывает, что Западная Европа далеко опередила нас в этом отношении, но что это происходит от некоторых особых обстоятельств государственной жизни России в последних полтора века, а не от недостатка восприимчивости русского народа, так как еще при царе Алексее Михайловиче Россия вовсе не уступала Европе в просвещении и даже шла впереди ее по развитию некоторых государственных понятий.

Далее следует небольшая статья «О возможности выкупа для крестьян не только усадеб, но и части полевой земли». В этой статье излагается, впрочем, не система выкупа, а только оценка земель и определение цифры ежегодного платежа, который следовало бы возложить на крестьян. Затем автор подлагает пре-

доставить крестьянам заключать с помещиками частные сделки о постепенном погашении долга за уступленную землю. Мы не спорим с автором статьи этой относительно верности его вычислений и соглашаемся вполне, что крестьяне будут в состоянии и рады выкупить земли по его оценке погашением долга в 33 года; но вопрос в том: согласятся ли помещики отдать землю за постепенно погашаемый капитал? Ведь имение приносит обыкновенно до 7% или хотя 6% с капитала и при этом еще возвышается понемногу в цене. Согласится ли помещик вместо постоянных 6% или 7% с капитала получать в течение 33 лет только 5%, а потом ничего? Другое дело, если бы помещик мог получить выкупной капитал или значительную часть его разом. Тогда бы он сумму эту употребил или на усовершенствование остающейся у него земли и своего хозяйства, или на промышленное предприятие и во всяком случае стал бы рассчитывать так, чтобы получить не менее прежнего процентов с капитала своего. На такую сделку многие помещики, конечно, согласились бы, а крестьяне стали бы платить меньше прежнего (то есть 5½% с ценности земли, а не 6% или 7%) и через 33 года освободились бы от всякого долга и от всяких взносов, кроме казенных податей. Так именно делается с имениями, покупаемыми министерством государственных имуществ; но число их очень ограничено. Где взять капиталы, чтобы расширить эту меру? Будет ли небольшое количество земли, какое автор статьи полагает отделить крестьянам, служить достаточным обеспечением в исправности погашения крестьянами ссуды на выкуп? Наконец, возможен ли выкуп крестьянами земли без ссуды? Вот три существенные вопроса, возбужденные в нас чтением упомянутой статьи.

В статье под заглавием *«В каких имениях замена крепостного труда свободным не будет убыточна»* г. Протасьев сравнивает стоимость обработки земли барщинными и вольнонаемными крестьянами. Тут уже не говорится о вознаграждении помещика *соразмерно потребностям его* за освобождение крестьян, как это было выведено в прежней статье г. Протасьева, разобранной нами в июльской книжке «Современника». Но тут г. Протасьев упускает также из виду сделанный им в прежней статье расчет, по которому, если обработка земли наймом для помещика не выгодна, то отдача земли в аренду по существующим вольным ценам (в Сапожковском уезде Рязанской губернии) еще увеличила бы доход помещиков, если не принимать в расчет выгоды от дворовых и т. п. Теперь г. Протасьев сравнивает только барщинный труд с вольнонаемным и приходит к следующим результатам.

Там, где полевые земли приносят в средней сложности дохода не менее 10 руб. серебром, «владельцы их ничего не теряют от уничтожения барщинской работы и могут без убытка

для себя согласиться на безвозмездное увольнение крепостных крестьян. Получив в распоряжение свое землю, находящуюся теперь в пользовании мира, они за обработкою ее наймом по 5 руб. серебром получают еще чистого барыша по 5 руб. с десятины и на этот доход, которого теперь не имеют, обработают свои поля вольными рабочими».

Другими словами, г. Протасьев вопреки смыслу высочайших рескриптов соглашается на уничтожение крепостного права без личного выкупа (и то при известных выгодных для помещика условиях), только с обращением находящейся в пользовании крестьян земли в распоряжение помещика, то есть с превращением всех крестьян в батраков! Такой вывод и опровергать, кажется, нечего, потому что он, очевидно, применен к делу быть не может. Правительство не допустит такого оборота дела, да верно и весьма немногие дворяне решились бы желать этого².

В имениях, где поземельный доход ниже, г. Протасьев полагает установить выкуп рабочей силы; но при этом следовало бы посредством кадастра определить поземельный доход и потерю помещика от уничтожения обязательного труда. Не говоря уже о самом принципе личного выкупа, мы не можем не заметить, что во всяком случае в имении, которое находится в условиях имения г. Протасьева, личный выкуп был бы крайне несправедлив в отношении к крестьянам, так как хотя обработка господских полей по вольному найму и обошлась бы дороже барщины, но, с другой стороны, отдача господской земли в аренду по вольным ценам, как видно из прежней статьи г. Протасьева, доставила бы 300 руб. прибыли против нынешнего дохода. Убытка же в таком случае г. Протасьев ожидает главным образом от освобождения дворовых людей и от найма домашней прислуги. При таких обстоятельствах может быть речь разве о выкупе дворовых, а уж никак не крестьян, которые будут платить поземельной ренты более, чем доставлял помещику их труд, и ни в каком случае не обязаны платить за увольнение дворовых людей.

В следующей затем статье г. Терпигорева предлагается учредить на акциях земледельческое общество, которое брало бы в аренду помещичьи земли, не состоящие в пользовании крестьян, и вводило бы таким образом усовершенствование в системе хозяйства, старалось бы о размножении мелких собственников, способствовало бы к разведению шелководства и других новых отраслей сельской промышленности и к распространению в народе полезных сведений.

Укажем еще в том же 5-м № «Журнала землевладельцев» на статьи г. Грузинова «Быт крестьянина Тамбовской губернии» и г. А. З.— на «О причинах измельчания и болезненности народа». В первой статье доказывается, что материальное благосостояние

русского крестьянина стоит на гораздо высшей степени, нежели некоторые полагают, что крестьяне в хлебобродных губерниях хотя имеют и худшие жилища против промышленных крестьян и хуже одеваются, но едят хорошо и вообще нужды не терпят. По представленному примерному бюджету тамбовского крестьянина, который преимущественно не только кормится собственными произведениями, но и одевается домашними же средствами, крестьянское семейство расходует, однако, ежегодно деньгами 351 руб. 25 коп. (считая в том числе уплату казенных и частных повинностей и наем земли вместе в 49 руб. 20 коп.), а получает в приходе от продажи разных произведений и от извоза зимою 354 руб. 71½ коп. Стало быть, удовлетворяя всем своим главным потребностям, не отказывая себе по праздникам в мясной пище и т. п., крестьянин имеет еще в остатке по окончании года 3 руб. 46½ коп. серебром.

Во второй статье, напротив, говорится о дурном влиянии на народное здоровье в России неудобных, тесных, душных и неопрятных жилищ крестьян и недостаточность сытной пищи. Впрочем, автор статьи этой кроме того признает причинами болезненности народа слишком ранние браки лиц, не достигших полного развития, частые отлучки из дому мужей и происходящие от того безнравственность и сифилитические болезни, частое употребление вина и чаю и, наконец, недостаток смещения пород.

В 6 № «Журнала землевладельцев» заслуживает особого внимания статья г. Рошаковского «О применении основных начал к улучшению быта помещичьих крестьян Новороссийского края». Статья эта написана ясно, последовательно, просто, без пышных фраз, а главное — добросовестно. Если и нельзя во всем согласиться со взглядом автора, все-таки должно сознаться, что он писал *sub obo fidē*, с искренним желанием пользы, и если ошибался, то невольно, а не с намерением защищать интересы помещиков в ущерб крестьянам.

Говоря о наделе крестьян землей, г. Рошаковский объясняет, что надел этот делается на все время переходного состояния. Из этого выражения можно бы, пожалуй, вывести, что по окончании срочно-обязанного положения крестьян они уже потеряют право на постоянное пользование отведенной им землей. Но мы скорее приписываем это недомолвке со стороны автора и не думаем, чтобы такова была его мысль. Самый надел земли он полагает сделать по числу всех ревизских душ, а не по числу наличных только работников. Выкуп усадеб автор полагает производить по определенной комитетом общей средней цене. Вознаграждение от крестьян помещику за отведенную им землю он полагает ограничить двумя рабочими днями в неделю, с тем чтобы целому обществу было указано заранее количество земли, которое оно должно обработать во весь год по числу причитающихся

рабочих дней. Тогда помещику уже не будет дела до наряда на работу отдельных крестьян. Крестьяне сделаются между собою и могут, если у них есть лишние руки, отпустить скольких хотят из среды себя на посторонние заработки. Это уже будет не барщина, а лежащий на всем обществе годовой урок работы, по исполнении коего крестьяне свободны от повинностей помещику. Пастбища, которые должны быть в Херсонской губернии весьма обширны, г. Рошаковский полагает отдавать в наем не всему обществу, а отдельным крестьянам, взимая с каждого плату пропорционально количеству его скота. Далее автор доказывает необходимость признать неприкосновенную крестьянскую движимую собственность и предоставить крестьянам распоряжаться своим имуществом по собственному усмотрению, без всякого вмешательства помещика. Эта аксиома, казалось бы, и не требовала доказательств; потому и сам автор говорит, что он и не стал бы излагать своих убеждений, «если бы не прочитал недавно одной газетной статьи». Жаль очень, что автор не указал статьи этой. Любопытно было бы узнать, какая газета решилась оспаривать право крестьян распоряжаться собственным имуществом.

Далее автор говорит об устройстве сельских обществ, о пользе заменить общественные сельские магазины, которые дорого стоят и в которых хлеб постоянно портится, запасными капиталами, на которые в случае неурожая легко было бы при помощи железных дорог купить привозный хлеб. К этому автор присовокупляет несколько соображений о способах к распространению грамотности, к обучению крестьян ремеслам, к приречению сирот, больных и увечных.

В статье г. Е. Протасьева «О будущем положении помещиков и крестьян их» изложены предположения об устройстве народных школ и сельских больниц.

Укажем еще на два письма, помещенные в смеси того же номера «Журнала землевладельцев».

Помещик пишет из Симбирской губернии, что он спрашивал крестьян, какое впечатление произвела на них «Печатная правда»; они ответили, что «не мало было смеху от этих прибауток»; некоторые сказали, что «не понимают, правда ли это или сказка». Справедливо все то, что писал о «Печатной правде» г. Жемчужников в превосходном разборе, помещенном в «Русском вестнике»³.

Другое письмо получено редактором «Журнала землевладельцев» от Матвея Зыбина, вольного хлебопашца Пензенской губернии, который прислал начало составленной им статьи. Начало это, занимающее всего одну печатную страничку, говорит покуда только общими словами (и довольно книжными, а вовсе не простонародными выражениями) о необходимости облегчить сбыт сельских произведений, о пользе железных дорог и обществу

для закупки по губерниям хлеба. Посмотрим, что будет дальше. Мы очень обрадовались, увидя в печати первую статью русского крестьянина, но жалею, что он набрался нерусских слов, отнимающих национальный колорит у его статьи, в которой вообще есть лишние мудреные фразы. Странно звучит, например, в устах крестьянина выражение «нормальные цены» и т. п.

В последних четырех книжках «Русского вестника» мы находим несколько довольно замечательных статей, имеющих связь с вопросом об устройстве быта помещичьих крестьян.

В № 11 и 12 помещена статья г. Победоносцева под заглавием «Заметки для истории крепостного права в России». В статье этой встречается много дельных замечаний и указаний на различные древние документы, которые могут уяснить с юридической стороны порядок введения у нас крепостного права в нравы наших предков и в самое законодательство. Из этой статьи видно, каким образом полицейские меры, имевшие целью предотвратить бродяжничество и обеспечить казенный интерес, послужили предлогом к подчинению одного сословия другому; каким образом власть господ над крестьянами постепенно расширялась, а правительство, желая положить пределы произволу, освящало законом то, что до этого времени совершалось самовольно. Это явление можно сравнить с тем, если бы владелец поля, самовольно захваченного соседом, поставил на самой середине поля межевые знаки и сказал бы, что по сю сторону знаков этих сосед его полем владеть не смеет. Это действие, конечно, послужило бы к узаконению права соседа на владение остальной половиной захваченного поля. Если бы, утвердившись тут, сосед стал опять захватывать часть остального поля, а владелец стал бы отодвигать свою границу, кончилось бы тем, что все поле современем сделалось бы полной собственностью соседа. Так-то и у нас крепостное право вкралось сперва в действительную жизнь, а оттуда в законодательство. Заметки г. Победоносцева останавливаются на Уложении царя Алексея Михайловича и на узаконениях XVII века; но он подробным разбором узаконений этих и даже некоторых современных им архивных дел доказывает, что и в то время «закон не достиг еще до понятия о бесправности крепостного человека на суде и что это понятие образовалось уже в ближайшую к нам эпоху!»

Статья г. Победоносцева представляет вообще довольно полное юридическое исследование разбираемого им вопроса и может потому служить весьма полезным источником для тех, кому предстоит важный знаменательный труд составления истории крепостного права в России.

В 13-м № «Русского вестника» помещена статья г. Бутовского под заглавием «Общинное владение и собственность». Статья эта написана очень беспристрастно, и автор не увлекается крайними воззрениями двух партий, из коих одна желала бы

немедленного уничтожения общинного владения, а другая — поддержания его на вечное время во что бы то ни стало. Г. Бутовский сознает, что самый выгодный для государства и для общественного благосостояния способ владения землей есть дробная, крестьянская, поземельная личная собственность; но этот способ владения сроден государствам в окончательном периоде их развития. Эту мысль г. Бутовский подкрепляет полной картиной постепенного образования в государствах понятия о собственности, перехода от захватного способа владения землей к общинному, а потом к личному. Далее он доказывает невозможность скорого и насильственного уничтожения общинного владения и говорит, что у нас земли, которые будут выкуплены общинами, должны принадлежать общинам, но что потягольный способ владения этой землей не должен быть сделан обязательным для крестьян навсегда. Таким образом, общинное владение само собой в свое время уничтожится. С возрастанием в общине числа тягол прибылым будут сперва давать запасные участки; потом, пожалуй, станут увеличивать число тягловых участков при переделах; но когда участки дойдут до такого размера, что их дробить будет невозможно, явятся лишние крестьяне, которые земли уже не получают, и переделы прекратятся, а участки станут переходить по наследству, оставаясь в одном и том же семействе. Тогда необходимо будет определить, кому оставаться в общине и кому за недостатком земли оставить ее.

Г. Бутовский признает вредными всякие меры, которые могли бы насильственно остановить такой исход дела, препятствовали бы образованию личной крестьянской собственности и приковывали бы к малоземельной общине лишних крестьян, стесняя их только через это в способах к заработкам.

Кажется, подобных насильственных мер у нас опасаться нечего, когда теперь уже крестьяне имеют право приобретать земли в личную собственность и когда крестьяне, увольняемые в звание государственных крестьян, водворенных на собственных землях, должны по закону или разделить земли между собою при самом увольнении, или определить в увольнительном договоре способ, по которому они могли бы сделать это впоследствии.

В следующем, 13-м, № «Русского вестника» находится начало другой статьи об общинном владении — г. Неелова. Он сперва в опровержение коммунистических теорий пространно доказывает законность поземельной собственности; далее, основываясь на свидетельстве разных экономистов, доказывает выгоды крестьянской поземельной собственности и превосходство личного владения землей перед общинным и, наконец, для применения своих выводов к России, приводит факты, относящиеся к собственному его мнению и представляющие невыгодные стороны общинного владения. Вообще направление статьи этой односто-

роннее, нежели мнения г. Бутовского. Г. Неелов — безусловный противник общинного владения.

Возвращаясь к предыдущему номеру «Русского вестника», укажем на статью, написанную В. П. Безобразовым в опровержение статьи г. Николая Безобразова, защищающего свое сочинение «об усовершенствовании узаконений, касающихся до вотчинных прав дворянства». В. П. Безобразов смотрит на г. Николая Безобразова как на замечательное физиологическое явление, и действительные рассуждения г. Николая Безобразова представляются нам какими-то некстати воскресшими призраками давно забытых средневековых понятий. Кто бы подумал, что в XIX веке, когда все сочувствует у нас благим преобразованиям, предпринятым мудрым правительством, когда современная литература наша так единодушно содействует развитию в общественном мнении человеколюбивых и справедливых понятий по крепостному вопросу, явится магистр законоведения, человек, стало быть, образованный, который станет доказывать, что в государстве должно быть два сословия — одно властвующее, а другое подвластное; одно просвещенное, предприимчивое, а другое трудящееся; что такой порядок должен быть утвержден и навсегда обеспечен законом и что в установлении такого закона и должно состоять предполагаемое устройство быта крестьянского сословия. Г. Н. Безобразов говорит, что пришел к таким убеждениям посредством изучения исторического хода нашего законодательства. Это обстоятельство мы можем объяснить себе следующим образом: г. Безобразов заметил, что правительство наше в течение известного времени постепенно узаконяло расширявшуюся власть помещика над крестьянами. Приняв явления этой эпохи нашего законодательства за непреложный закон исторический, г. Безобразов, отбросив все бывшее ранее и позже этого времени, заключил, что мы должны следовать прежнему пути, то есть облекать злоупотребления в законную форму! Между тем историческое направление законодательства и жизни народной можно бы, кажется, сравнить с движением маятника; уклонившись до известной степени от закона справедливости, оно непременно под влиянием непреодолимой силы возвращается назад. В постановлениях о крестьянах это обратное шествие к лучшему началось слишком полвека тому назад. Теперь высочайшие рескрипты об устройстве губернских комитетов нанесли уже крепостному праву решительный удар — и тут-то г. Н. Безобразов вздумал предлагать: остановить настоящий ход законодательства и возвратиться к давно оставленной, пагубной для настоящего времени системе!

Понятия, несколько сходные с этими, нам случилось встретить в книжке, изданной бароном Нолькеном в Берлине в 1857 году под заглавием: «Russland hat allein noch die Wahl». Автор доказывает, что европейские государства погубили себя либераль-

ными преобразованиями и что России одной предстоит еще выбор, идти ли по стопам Европы, или возвратиться к *патриархальным началам*, то есть установить полное подчинение одного сословия другому. Автор рассматривает вопрос с духовной стороны и уверяет, будто бы самим богом так установлено, чтобы дворянство властвовало над народом *jure divino*. Возрождение среднего сословия, распространение богатства в народе, всякое правительственное действие, клонящееся к представлению народу участия в управлении, предоставление гражданам достаточной самостоятельности, чтобы обеспечить им возможность трудиться для улучшения своего положения, все это, по мнению барона Нолькена, внушается дьяволом, чтобы развить в людях стремление к материальным благам, то есть поклонение мамоне. Лучше, говорит он, оставаться бедным и терпеть притеснения с уверенностью, что это ниспосылается по воле божией, нежели возлагать надежды на собственные силы, на собственный труд. Для устройства крестьян в России барон Нолькен предлагает оставить крестьян навсегда крепостными; уничтожить деревни, заменив их отдельными фермами и обратив часть крестьян в батраков; запретить оброки и ввести повсеместно барщину по определенной законом норме. Таким образом, по мнению его, увековечится власть и значение дворянства.

Пусть те, которые не поверят возможности существования таких понятий, прочтут брошюру г. Нолькена: они увидят, что мы не исказили мысли его, а только сгруппировали главные его доводы, которые, конечно, таким образом резче бросаются в глаза, чем разбросанные по всему его сочинению и прикрытые громкими фразами, цитатами и текстами из священного писания.

Что подобные идеи могут еще гнездиться и изредка высказываться в стране, где долго господствовала феодальная система, еще понятно. Однако и там, как мы слышали, большинство осудило эту брошюру. Но чтобы подобные понятия могли привиться в России, где ничего феодального никогда не было, этого мы никак не ожидали. Несмотря на то, никак нельзя сказать, чтобы между брошюрой г. Николая Безобразова и сочинением барона Нолькена не было ничего общего. Разница в том, что последнее идет несколько далее, но по тому же направлению. Потому-то книжка барона Нолькена несравненно полезнее: она доводит свои принципы до таких крайних и диких результатов, что служит им самым ярким опровержением. Она хоть кого вылечит от феодального направления. Это, собственно, и побудило нас о ней разговориться.

В следующей затем статье о «Гласности в крестьянском вопросе» «Русский вестник» прекрасно выводит несомненную пользу, которую можно ожидать в таком деле от столкновения противоположных мнений, от критики и антикритики каждого

вопроса, от искренних и основательных прений, посредством которых вырабатывалось бы общественное мнение.

В последнем, 14-м, № «Русского вестника» опять открыт для статей по крестьянскому вопросу особый отдел.

Отдел этот начинается статьей от редакции — вроде *profession de foi* «Русского вестника». Тут доказывается, что первой целью улучшения быта крестьянского сословия должно быть освобождение труда, уничтожение современем обязательных крестьянских работ; что и помещики при этом не потеряют, так как возвышение расходов на обработку земли вознаградится несомненным возвышением ценности произведений и самой поземельной собственности. Но вместе с тем «Русский вестник» признает необходимым предоставить крестьянам в постоянное пользование земли, коими они доселе владели; обмен земель и перенос усадеб он полагает допускать только в виде исключений, в случае действительной в том необходимости, а отнюдь не по произволу помещика. Уничтожение чересполосности может совершиться и впоследствии посредством полюбовных размежеваний и не должно теперь задерживать хода и успеха главной реформы. В подтверждение этого мнения «Русский вестник» приводит замечательные факты о том, что меры к уничтожению чересполосности в Германии приняты были гораздо позже освобождения крестьян и даже выкупа ими земель, а именно в Веймаре в 1848 году; в Ангальт-Дессау и Ангальт-Кетене — в 1850 году; в Ганновере, Готе, Кобурге — в 1853 году; в Мейнингене — в 1855 году; в Шварцбург-Рудольштадте — в 1856 году; в Альтенбурге — в 1857 году и в нынешнем лишь году в герцогстве Гессенском; в Австрии размежевание еще не начиналось. Между тем в Германии существует местами значительная чересполосность в поземельном владении; так приведенная «Русским вестником» в пример община Кирхгейм раздроблена на 5 600 полос, принадлежащих 413 владельцам; и это не помешало выкупу земли.

Конечным, наиболее желательным результатом мер к улучшению быта крестьян «Русский вестник» признает выкуп владеемой ими земли в полную собственность. Но, признавая преимущество полной крестьянской поземельной собственности перед условным пользованием или совладением земли помещиками и крестьянам (когда последние будут иметь ее в постоянном пользовании, а первые получают с нее определенный доход), «Русский вестник» не считает, однако, нужным повсеместного, обязательного выкупа земли крестьянами, а полагает предоставить выкуп этот соглашению помещиков с крестьянами и содействовать оному посредством поземельного кредита. «Русский вестник» полагает, что тогда продажа крестьянам земли, отданной им в вечное пользование, будет выгодна для помещиков, ибо развяжет их окончательно с обязательными отношениями к кре-

ствиям и доставит им оборотный капитал для улучшения обработки господской земли, которая остается в полном и неограниченном распоряжении помещика.

Предположение это совершенно верно. Мы прибавим еще к этому, что распродажа земли по мелочи так выгодна уже сама по себе, что, пожалуй, составит еще предмет спекуляции, как это случилось в Лифляндии. Когда после 1849 года был там учрежден особый банк для выдачи крестьянам ссуд на выкуп поземельных участков, многие помещики (для поддержания ли своего значения и влияния на крестьян, или по другим соображениям) не захотели воспользоваться этим случаем продать свои земли крестьянам; но нашлись люди более расчетливые, которые покупали целые имения собственно с целью распродать тотчас же крестьянские участки, и они остались в барыше. Мы слышали про одно имение, которое было куплено за 80 000 руб. серебром; вслед за тем состоящие в пользовании крестьян земли были отдельно распроданы и с них выручены все эти 80 000 руб. Впоследствии оставшаяся господская земля тоже продана за 80 000 руб. Таким образом, на этом имении в довольно короткое время выручен капитал на капитал!

Остальные статьи, помещенные в этом отделе 14-го № «Русского вестника», не много представляют особенно нового и замечательного.

Г. Дмоховский в статье об усадебном устройстве крестьян, после некоторых общих рассуждений, пространно доказывает, что железные заводы гг. Шепелевых потерпели бы убыток и недостаток в рабочих от предоставления усадеб в собственность приписанным к сим заводам крестьянам.

Г. Тихменев в статье о крепостном праве и его стоимости выводит, что выкуп усадеб должен вознаградить помещика за убытки, которые он может потерпеть при увольнении крестьян. Потому для определения выкупной суммы следует вычислить нынешнюю стоимость имения и вычесть из суммы этой стоимость остающейся земли за отделением усадебной; остаток должно разделить на число крестьянских дворов в имении, и получится сумма, следующая помещику за выкуп каждой усадьбы. Автор полагает возможным по средней стоимости населенных имений и собственно земли определить для каждого уезда нормальную цену крестьянских усадеб.

Наконец, небольшие статьи гг. Р — ва и Ланге, опираясь на наше законодательство, доказывают несправедливость требования с крестьян личного выкупа. Если бы можно было вполне высказаться по этому предмету, то следовало бы когда-нибудь вопрос о личном выкупе крестьян разобрать поподробнее и попытаться опровергнуть основательно все доводы, представляемые в пользу его если не в печати, то весьма часто в разговорах.

БИБЛИОГРАФИЯ ЖУРНАЛЬНЫХ СТАТЕЙ ПО КРЕСТЬЯНСКОМУ ВОПРОСУ

«Сельское благоустройство», № 7

Ответы на некоторые вопросы по сельскому благоустройству
Н. П. Шишкова

Статья эта начинается определением значения крестьянских усадеб и способа их выкупа.

Где усадьбы не имеют большой ценности и как бы соединены с полевою землею, от качества и количества которой зависит главный доход владельца, там крестьянские усадьбы должны быть выкуплены по цене занимаемой ими земли. В Данковском уезде Рязанской губернии г. Шишков ценит усадебную землю в 180 руб. на десятину, а выгонную — в 120 руб. на том основании, что усадебная земля должна цениться втрое, а выгонная вдвое дороже полевой. По этому расчету крестьянам пришлось бы платить с тягла 100 руб. серебром единовременно, или по 8 руб. 33 коп. ежегодно в течение 12 лет, за выкуп $\frac{1}{3}$ десятины усадебной земли и $\frac{1}{5}$ десятины выгонной земли, что будет весьма тяжело крестьянину в такой местности, где усадьбы не имеют самостоятельной ценности и до сего времени не приносили помещику никакого дохода. К счастью, не все помещики разделяют по предмету оценки крестьянских усадеб в хлеботорговых губерниях мнение г. Шишкова. Приведем здесь в подтверждение этого несколько слов из дельного и вполне благонамеренного письма г. Никифорова, помещенного в 7-м № «Журнала землевладельцев». Доказав сперва необходимость выкупа усадеб, чтобы крестьянин был домохозяином, а не бездомным батраком, г. Никифоров определяет следующим образом ценность усадеб: «Думаю, — говорит он, — что ценность усадеб с включением огорода и конопляника должна быть равна цене 1 400 сажен обыкновенной пахотной земли. Почему? Потому, что такую досталась она крестьянину, когда вышла из рук помещика, и хотя в настоящее время ценность ее увеличилась, но усовершенствование принадлежит самому крестьянину; помещик не помогал ему ни в труде, ни в удобрении». Отрадно слышать такое мнение от почтенного и добросовестного помещика, в котором чувство справедливости заглушает всякие личные интересы; отрадно читать это в «Журнале землевладельцев», которого, кажется, никто уже не может обвинить в равнодушии к выгодам помещиков.

В промышленных губерниях г. Шишков ценит крестьянские усадьбы еще дороже, а именно в 260 руб. серебром на тягло; следовательно, для выкупа их крестьянам пришлось бы платить в течение 12 лет по 21 руб. 66 коп. с тягла сверх оброка, что, оче-

видно, для них невозможно кроме редких случаев. Уже легче бы было выкупить всю крестьянскую землю, если бы можно было рассрочить платежи на долгие сроки и помочь крестьянам ссудою из кредитного учреждения. Все имение часто обошлось бы не больше, чем в полтора раза дороже, нежели г. Шишков ценит одни усадьбы; а крестьяне, уплачивая долг в 400 руб. на тягло, стали бы вносить лишь по 22 руб. серебром в течение 33 лет.

Далее следуют в статье г. Шишкова практические рассуждения о размежевании господских и крестьянских полей, о повинностях крестьян и т. д.

Об отношениях между помещиками и крестьянами на время переходного состояния, г-на Петрово-Соловово

Статья эта, перепечатанная в «Сельском благоустройстве» из № 47 и 48 «Одесского вестника», статья весьма дельная и благонамеренная, хотя трудно согласиться с некоторыми отдельными предположениями автора, о которых скажем ниже.

Автор вполне убежден в несправедливости крепостной зависимости крестьян. «Те обязанности, — говорит он, — которые лежали на дворовых и крестьянах вследствие личной их зависимости от помещиков, должны быть теперь уничтожены без всякого за то вознаграждения, по чувству справедливости. Но так как в видах общей государственной пользы крестьянам должна быть оставлена их усадебная оседлость и вместе с тем должны быть они наделены полевой землею в пользование, то помещики как собственники должны быть вполне вознаграждены за то и за другое». Вот коренное основание мнения г-на Петрово-Соловово; дай бог, чтобы все помещики его разделяли. Перейдем теперь к отдельным соображениям почтенного автора.

Крестьянские усадьбы должны быть выкуплены не отдельными семьями, а целым миром. Под усадьбами разумеется земля под крестьянскими строениями с огородами и гуменниками; земля эта по выкупе становится общественною собственностью мира, но строения на ней составляют личную собственность крестьян. На каждую усадьбу можно положить по $\frac{3}{4}$ десятины, то есть по 1 800 квадратных сажень. За выкуп земли этой крестьяне должны платить в течение 12 лет по $\frac{1}{4}$ коп. серебром ежегодно за каждую квадратную сажень, что составит в 12 лет по 72 руб. серебром за десятину. Цена полагается вдвое против обыкновенной цены десятины в Тамбовской губернии (к которой автор относит преимущественно свои предположения) потому собственно, что выкупная сумма получается помещиком не вдруг и что следует принять в расчет проценты на капитал или 12-летний доход с выкупаемой десятины. В имениях, где усадьбы доставляют крестьянам особые промысловые или торговые выгоды, а также в имениях не хлебопашественных, помещики которых более потеряют от

упразднения крепостного права, выкупная сумма может быть возвышена до $\frac{1}{2}$ коп. и даже до 1 коп. серебром за квадратную сажень. Но высшая против нормальной плата за усадьбы может быть допущена лишь по определению губернского комитета. По расчету на $\frac{1}{4}$ коп. за сажень крестьянам придется платить за выкуп усадеб в течение 12 лет по $2\frac{1}{4}$ руб. серебром с тягла ежегодно.

Количество земли, предоставляемой в постоянное пользование крестьянам, должно быть различно, смотря по качеству почвы и местным обстоятельствам. «В Новороссии, где господствует переложная система хозяйства (земля возделывается известное число лет, истощается и должна быть оставляема потом в залежи), следовало бы, по мнению г. Петрово-Солововой, выделить вдвое большее количество десятин против того, какое может обеспечить существование крестьян, — половину его отдать им в пользование и взимать с них за то плату, другою же половиною пока пользоваться самому помещику как землею пастбищною или сенокосною (но без права употреблять ее под посевы); потом, когда первая половина, возделываемая крестьянами, истощит свое плодородие, заменить ее второю половиною до времени, когда и она истощится, а первую употреблять помещику в свою пользу, как было сказано». Против этого г. издатель «Сельского благоустройства» делает следующее весьма основательное замечание: «Как крестьянам также необходимы луга и пастбища, то эта отдыхающая земля могла бы оставаться в пользовании крестьян, и тем было бы исполнено предположение г. министра внутренних дел, в силу коего земля, раз крестьянам отведенная, должна оставаться в их неотъемлемом пользовании».

В Тамбовской губернии г. Петрово-Солововой полагает достаточною отделить в пользование крестьянам $\frac{1}{2}$ десятины земли на каждую ревизскую душу. Те же, кому этого будет мало, могут нанимать себе сверх того земли у помещика, который, если у него затем останется еще по $\frac{1}{2}$ десятины на душу, обязан отдавать им до десятины в поле по цене, установленной за отведенную в пользование крестьян землю, а именно по 3 руб. серебром за десятину, не взимая платы за землю, остающуюся под паром. Крестьяне за пользование землею в размере по $\frac{1}{2}$ десятины на душу, то есть по $\frac{4}{2}$ десятины на тягло, должны будут платить с тягла (за вычетом десятины под паром) за $3\frac{1}{2}$ десятины по $10\frac{1}{2}$ руб. серебром в год.

Недоимщики должны быть обращаемы на господские работы по три дня в неделю с зачетом за мужской день с лошадыю 20 коп., без лошади 15 коп., за женский день 10 коп. Автор вычисляет, что крестьянское тягло, оставаясь на барщине весь год по три дня в неделю, заработало бы по приведенному расчету 36 руб. 80 коп.; таким образом, за уплатою помещику за землею $10\frac{1}{2}$ руб., за усадьбу $2\frac{1}{4}$ руб., а казенных повинностей 6 руб., крестьянину

осталось бы в свою пользу 18 руб. 10 коп. Но вопрос в том, стали бы помещик требовать работ круглый год, не удовольствовался ли бы он заработком крестьянином оброка в летние месяцы, когда помещику весьма выгодно иметь работника по дешевой цене.

Далее г. Петрово-Соловово говорит, что пска пахотная земля состоит лишь в пользовании крестьян и помещик получает с нее доход, то долги кредитным учреждениям должны оставаться на помещике; но если бы он кроме усадеб продал крестьянам и всю состоящую в их использовании землю, то кредитное учреждение рассматривает, обеспечивается ли долг оставшаяся во владении помещика землею, и в противном случае требует себе вырученные деньги.

Справедливость первого предложения очевидна; но при продаже крестьянам земли перевод на них части долга не только не обременил бы их, но весьма облегчил бы им возможность к приобретению поземельной собственности, так как им легче было бы уплатить долг кредитному учреждению, нежели помещику, который не может довольствоваться весьма малыми процентами. Постараемся пояснить это примером.

По расчету г. Петрово-Соловсво, десятина земли стоит в Тамбовской губернии 36 руб. серебром, а помещик должен получать с десятины ежегодно 3 руб. серебром, то есть $8\frac{1}{3}$ процентов с капитала. Для выкупа $4\frac{1}{3}$ десятин крестьянскому тяглу требуется 162 руб. серебром; за неимением же этой суммы в наличности крестьянину придется, если помещик согласится рассрочить уплату выкупной суммы, платить не менее $8\frac{1}{3}$ процентов с неплаченной части суммы этой, то есть прежний оброк, — иначе помещик потерял бы часть своего дохода; легко ли будет крестьянину скопить выкупную сумму при обязанности платить сверх того оброк? Между тем кредитное учреждение может довольствоваться 4 процентами с капитала, взимая сверх того по $1\frac{1}{2}$ процента в погашение долга. Таким образом, уплатив с помощью кредитного учреждения разом всю стоимость выкупаемой земли, — что для помещика удобнее, спокойнее и выгоднее, крестьянин с 162 руб. стал бы платить ежегодно по 8 руб. 91 коп. серебром (то есть менее, нежели прежний оброк) и через это в 33 года погасил бы долг свой. На это могут сказать, что отведенная крестьянам земля не может служить достаточным обеспечением в исправности платежей их для выдачи в ссуду под залог ее полной стоимости, то есть 36 руб. за десятину. Если так, пусть выдадут хоть половину, пусть переведут на выкупаемую крестьянами землю хоть часть лежащего на всем имении долга, — все-таки сумма, зачтенная крестьянам в счет выкупа, послужит им к облегчению в платежах, так как с этой суммы они будут уже платить по $5\frac{1}{2}$ процента с погашением вместо $8\frac{1}{3}$ процента без погашения. Получив, например, в ссуду 81 руб. на тягло (или, что все равно, при переводе на крестьян долга в 81 руб.), им

придется платить помещику за выкупленную в половину землю по 5 руб. 25 коп. с тягла и в кредитные учреждения 4 руб. 45½ коп. серебром с погашением, а всего 9 руб. 70 копеек серебром, то есть все-таки менее, чем прежний оброк. Через 33 года выданная в ссуду половина выкупной суммы будет погашена, и тогда можно будет без всякого риска ссудить крестьянам еще 81 руб. на тягло для окончательного выкупа владеемой ими земли. Очевидно, кажется, что перевод долга на крестьян может быть выгоден и для них и для помещиков.

Переселение крестьян г. Петрово-Соловово полагает допустить во время переходного срочно-обязанного положения лишь с согласия общества и помещика или же с соблюдением следующих условий: на крестьянах не должно быть недоимок, притом те, которые докажут, что ими в другом месте приобретена в собственность земля или что они переходят к другому помещику, согласному их принять и наделить их землею, должны внести обществу сумму, причитающуюся им за выкуп усадьбы; те же, которые такого доказательства не представят, должны объявить, к какому состоянию они желают приписаться, и сверх выкупа за усадьбу внести в мирской капитал по 3 руб. серебром за каждый год, остающийся до истечения срока переходного состояния.

Мелкопоместным владельцам можно предложить на выбор: принять общие для других помещиков правила, или продать в казну все свое имение, или, наконец, оставить всю землю за собою; крестьян же просить переселить на казенные земли.

Для управления сельскими обществами г. Петрово-Соловово полагает учредить *мирские сходки и старост*; для суда же над провинившимся *мирские суды* из 3 до 7 избранных обществом членов.

Мирскому суду подведомы все члены общины по нарушению своих обязанностей и по маловажным гражданским делам между собою. Приговоры мирского суда должны быть безапелляционны. Но если помещик или заменяющий его управляющий заметят, что суд злоупотребляет своею властью, то должны доносить о том земскому присутствию.

Таким образом, по проекту г. Петрово-Соловово мирской суд поставлен в довольно независимое от помещика положение, так как последний не утверждает и не отменяет приговоров этого суда, а только жалуется на него земскому присутствию. А как суд этот разбирает не только дела крестьян между собою, но и судит крестьян за нарушение их обязанностей, то помещик, следовательно, лишается несправедливого права быть судьей в собственном деле и произвольно наказывать крестьян за неисполнение их повинностей, за нарушение какого-либо из поземельных прав владельца.

Все это прекрасно, и тем страннее нам показалось прочитав вслед за этим следующую фразу:

«Но если какой-либо крестьянин или крестьянка провинится лично против помещика, нанеся ему или семейству какую-либо обиду, оказывая ему явное неуважение, то он вправе употреблять и сам против таких домашнее наказание, как, например, содержание до трех дней под арестом на хлебе и воде в здоровом месте или телесное наказание розгами до 40 ударов, а для малолетних и женщин — до 20. Это право свое помещик может передать своему управителю, смотрителю или уполномоченному, но за их злоупотребление этим правом отвечает он сам. Если управитель в отсутствии помещика не решается привести в исполнение какой-либо меры, то испрашивает разрешение от земского присутствия, которое в этом случае вполне заменяет помещика. В имениях малолетних, сумасшедших и др., состоящих под опекой, опекуны и попечители вступают в права помещика за исключением права самовольно изменять существующий порядок хозяйства и управления, что могут делать только с разрешения дворянской опеки и с ведома земского присутствия.

Если наказанный несправедливо или не в меру крестьянин принесет жалобу тому же присутствию и оно найдет ее основательною, то после двукратного выговора и предостережения помещику в третий раз оно отнимает у него право наказания навсегда».

Предположение это так несогласно с общим благонамеренным духом статьи г. Петрово-Соловово, что нельзя на нем не остановиться. Любопытно бы знать: как объясняет и чем оправдывает автор предположение это в собственных своих глазах. На чем основывает он право помещика произвольно наказывать крестьянина за оказанное ему неуважение. До сих пор право это вытекало из личной крепостной зависимости крестьян. Но со вступлением крестьян в срочно-обязанное состояние, по словам программы занятий губернских комитетов, прекращается личное крепостное право на деле и во всех актах. Крестьянин становится, стало быть, гражданином, получает личные права и достоинство человека самостоятельного, и отношения его к помещику определяются уже законом, а не произволом последнего. Почему же произволу этому, ограниченному в отношении надела крестьянина землею и требованиями с него повинностей, должен быть дан простор для унижения личности крестьянина посредством телесного наказания? Очевидно, права домашнего наказания крестьян нельзя основывать на *владельческом праве помещика*.

Но, может быть, автор основывает право это на втором пункте высочайших рескриптов, где сказано: «Помещикам предоставляется вотчинная полиция», т. е. помещик может распоряжаться своими крестьянами уже не по праву собственности над ними, а как орган правительства, которому вверено полицейское управление людьми, поселенными на его земле. Почему же в таком случае г. Петрово-Соловово, устранив почти вовсе влияние помещика

на мирские сходки и мирские суды и предоставив сходкам и судам этим разбирательство всех крестьянских дел, кроме личных обид против помещика, предоставил этому последнему право расправы без суда в том именно случае, где помещик никак не может быть беспристрастным органом правительства, а является судьей в собственном деле, раздраженным самоуправным карателем нанесенного ему оскорбления?

Вотчинно-полицейскую власть мы понимаем в том смысле, что помещик может иметь право и даже обязанность наблюдать в своем имении за порядком, за соблюдением законов, за исполнением крестьянами их обязанностей и затем провинившихся должен отсылать на расправу в мирской суд. В предположении, что крестьяне должны непременно исподволь быть подготовлены к некоторой самостоятельности и самоуправлению, что в переходное время им нужна будет еще опека над ними помещика, иные допускают некоторое влияние его на мирские сходки и мирские суды, право утверждать их приговоры и даже отменять их с ответственностью за несправедливое в этом случае распоряжение. Но г. Петрово-Соловово того не требует, и тем лучше, ибо это доказывает в нем убеждение в достаточной степени развития крестьян для немедленного составления правильного, самостоятельного общинного управления. Но как же, оградив таким образом самостоятельность целой общины, отдать личность каждого из ее членов на произвол помещика или даже его управляющего, человека или вовсе чуждого крестьянам, какого-нибудь немца, или одного из среды их самих, имеющего поэтому множество поводов к лицеприятию?

Предложение это, не оправдываемое, в сущности, никакими началами справедливости и законности, привело бы на практике к самым несообразным результатам, к самым вредным злоупотреблениям. Например, управляющий мог бы высечь по личной вражде или в минуту гнева крестьянина под предлогом, что тот, проходя мимо, не снял ему шапки; ведь это тоже можно назвать «явным неуважением». Наконец это «явное неуважение» сделалось бы постоянным предлогом, условною формою, под видом которой крестьяне за все, про все наказывались бы совершенно произвольно попрежнему, а мирской суд существовал бы только номинально. Легко ли бы крестьянину было идти жаловаться в уездный город, легко ли доказать законным порядком свою жалобу? Да и всего этого было (бы) мало: нужно три вполне доказанные жалобы на несправедливое и жестокое наказание, чтобы лишить помещика права наказания! И неужели помещики могут дорожить правом домашнего, то есть произвольного наказания, которое с приобретением крестьянами некоторой самостоятельности верно станет возбуждать в них негодование и жалобы? Не лучше ли вовсе отказаться от этого постыдного права, предоставив его мирским судам, которые верно не станут

прикрывать виновных? Тогда наказание делается справедливым, законно наложенным взысканием того, кто его налагает, а не того, кто его терпит.

Мы старались потому собственно довольно подробно опровергнуть это предположение, что оно особенно поразило нас в статье, очевидно благонамеренной.

Далее г. Петрово-Соловово излагает следующие предположения об устройстве уездного присутствия, о рекрутстве и о дворовых людях. Уездно-земское присутствие составить из председателя и одного члена по выбору дворян и двух членов из волостных голов по назначению предводителя дворянства *. Отдачу в рекруты производить по приговору общества с назначением сперва порочных и нерадивых крестьян, а потом очередных. Жалованье дворовым определить от 6 руб. до 36 руб. в год, а несовершеннолетним вполовину. Незначительность такого жалованья автор оправдывает тем, что дворовые получают от господина жилище и пищу, держат на господском корму скот и пользуются огородом. Но ведь наемная прислуга везде получает от господ пищу и жилище, а вместе с тем получает жалованье, по крайней мере мужчины, не менее четырех руб. в месяц, а в больших городах не менее шести рублей. Притом не все дворовые пользуются огородом и правом держать скот, а если и пользуются, то это им служит для пищи необходимым дополнением к выдаваемой помещиком муке, тогда как наемные люди получают не одну муку и крупу, а готовую пищу, стало быть и в этом отношении пользуются преимуществом против дворовых, которые должны еще прилагать свой труд для добывания себе овощей, молока и масла, должны покупать соль и разные мелочи. За что же дворовый человек получает жалованье в пять или девять раз менее, чем вольнонаемный? Разве за то, что те из них, которые, как говорит автор, «находятся при какой-либо должности или работе, получают приличную одежду»? Не дешево же достанется им эта одежда.

Дворовый для получения паспорта на отлучку должен внести 25 руб., из которых 6 руб. на уплату податей, 5 руб., представляющие четвертую часть среднего жалованья (часть эту предположено откладывать для образования вспомогательного капитала, который должен быть роздан дворовым по истечении переходного срока), и 14 руб. в пользу помещика **. Осиротелые дети дворовых остаются на попечении помещика до совершеннолетия своего. Дворовый во время переходного состояния посредством уплаты миру по 5 руб. серебром за каждый остающийся

* Стало быть, настоящего представителя крестьян автор не допускает.

** Если сам г. Петрово-Соловово определяет доход помещика с дворовых по 14 руб., то и жалованье дворовым, служащим у помещика, следовало бы определять сообразно вольной цене, вычитая из нее эти 14 руб., а также деньги на уплату податей.

до срока год и помещику за столько же лет половины положенного оброка, то есть по 7 руб. серебром за каждый год. Например, если дворовый человек выкупается через два года по введению положения, то есть за 10 лет до истечения переходного срока, то он должен заплатить миру 50 руб. серебром и помещику 70 руб., а всего 120 рублей. Выкуп платят только мужчины от 18 до 50 лет; прочие же члены семейств их увольняются вместе с ними безвозмездно.

Эти условия кажутся нам довольно умеренными и доставили бы весьма многим дворовым возможность выкупиться.

«Крестьянские повинности» г. Голубцова

В статье этой автор доказывает, что в Михайловском уезде Рязанской губернии можно положить наемной платы по 6 руб. серебром за десятину земли и что крестьянское тягло за пользование шестью десятинами пахотной земли следует обложить оброком в 36 руб. и за полдесятины луга взимать еще 4 руб., а всего 40 руб. серебром. Оброк, без сомнения, слишком высокий. Зато г. Голубцов полагает также весьма высокую плату за рабочие дни крестьян, так что по этим ценам крестьянское тягло может заработать у помещика 52-мя конными, 48-ю пешими и 54-мя женскими днями 47 руб. 80 коп. серебром.

Г. Кошелев по поводу этой статьи весьма основательно замечает, что назначение слишком высокого оброка и несоразмерно высокой заработной платы противоречит высказанному г. Голубцовым стремлению к уничтожению барщины и к замене ее свободным трудом, без чего невозможно развитие самостоятельности крестьян. Если для помещика не обязательно брать крестьянскую работу по установленной цене, то платеж 40 руб. с тягла будет обременителен; если же помещик не может не брать крестьянской работы по этим ценам и в указанном количестве, то барщина сохранена.

О крестьянском вопросе в Польше

Это — краткий разбор вышедшего недавно в Варшаве первого тома сочинения графа Северина Уруского под заглавием «Крестьянское дело, извлечение из новейших экономистов». Некоторые места из предисловия князя Уруского вполне заслуживают внимания. Автор опасается всяких полумер и желал бы окончательного наделения крестьян поземельною собственностью с вознаграждением помещика посредством закладных крестьянских билетов; но он не отвергает, однако, возможности вместо немедленного выкупа крестьянами своих участков предоставить им земли эти в постоянное пользование за *неизменный* оброк,

который с пользою может быть допущен на время и нисколько не будет препятствовать впоследствии выкупу, то есть капитализации оброка, тогда как оброк временный (арендная плата по срочным договорам) становится помехою при наделении крестьян поземельною собственностью.

С этим мнением нельзя не согласиться. При определении неизменного оброка крестьянин тотчас становится в известной степени собственником владеемой им земли, а помещику принадлежит уже только право на известный постоянный доход, который уже не увеличивается с возвышением ценности земли. Крестьянину остается выкупить, капитализировать оброк этот, а не весь доход с своего участка, а это для него с каждым годом становится легче по мере увеличения производительности земли, причем цифра общего дохода все более и более превышает цифру оброка. Зная, что землю эту у него не отнимут, крестьянин не жалеет на нее ни труда, ни денег. С другой стороны, помещик охотно продаст землю, которою он не может распоряжаться по своему усмотрению и дохода с которой он не может получить когда-либо более против прежнего.

Совсем другое выходит при срочной аренде. С каждым возобновлением контракта арендная плата возвышается пропорционально возвышению ценности участка, и плоды трудов арендатора обращаются в пользу землевладельца; при этом почти невозможно арендаторам скопить деньги на выкуп участка. В то же время и производительность земли увеличивается медленнее, — кому охота делать улучшения, которыми не успеешь воспользоваться? Под конец контрактного срока арендаторы иногда еще истощают сколько могут землю, чтобы не отбили у них участка другие. Чем кратковременнее контракты, тем все эти невыгоды ощутительнее. Помещики при этом выигрывают только на первых порах. Истощение почвы и упадок земледелия скоро останавливают приращение их доходов. Примером этого явления может служить Ирландия.

В вышедшем первом томе своего сочинения князь Уруский представляет полный обзор польской литературы по крепостному вопросу.

Приведем буквально некоторые из выводов, заканчивающих том этот:

«Освободить крестьян, не доставив им способов к приобретению поземельной собственности и не утвердив за ними права свободного ею распоряжения, значило бы ухудшить, а не улучшить быт наших крестьян».

«Вечный и неизменный оброк ведет крестьянина к поземельной собственности; временный же, то есть ограничивающий владение землею известным сроком, лишает крестьянина даже пользования, права, приобретенного им издавна, утвержденного за ним веками, не ограниченного никакими законными постановлениями».

ниями. Договоры при временном оброке, хотя бы и носили название добровольных, современем сделались бы выгодными только для одной стороны, то есть для помещиков».

«Крестьянские семьи, поселенные ныне на помещичьих землях, должны получить в наследственную собственность сперва свои дома с огородами, а потом и всю остальную ими обрабатываемую землю».

«Возражение, что наделение крестьян землею будет вредно для помещиков, опровергается тем, что только подобная реформа может доставить помещикам капитал, необходимый для устройства господских хозяйств на настоящем коммерческом основании, и уравнивать ценность земель с ценностью оных в соседних странах».

Весьма было бы желательно, чтобы сочинение князя Уруско-го, составленное с таким дельным и справедливым направлением, появилось у нас в русском переводе в полном своем составе.

Несколько слов о крестьянском труде в барщинном хозяйстве, по поводу статьи «О новых условиях сельского быта», напечатанной в № 2 «Современника» 1858 года, Новороссийского помещика

Г. Новороссийский помещик, как весьма справедливо заметил г. издатель «Сельского благоустройства», представляя барщину в статье своей как нечто вроде образовательной школы и поприща деятельности для отеческих попечений и патриархального быта, счел свои *ria desideria* за действительность и старался выставить общим правилом то, что встречается разве в крайне редких хозяйствах. Таким образом, автор впал в ту самую ошибку (хотя и с противоположной стороны), в которой он упрекает статью «Современника», говоря, что в статье этой несправедливо придан общий характер таким отношениям помещиков к крестьянам, которые свойственны лишь дурным помещикам. Но г. Новороссийский помещик, не довольствуясь этим, все отвергает некоторые факты, приводимые «Современником» насчет существующего порядка отправления барщины и основывает свое опровержение на том, собственно, что у него в имении и в известных ему хозяйствах существует другой порядок. Но ведь если бы стали положительно ствергать существование всего того, чего мы не видели собственными глазами, то пришлось бы перестать верить очень многому, весьма достоверному, и круг знания каждого был бы весьма ограничен. Не думаем, чтобы читатели нашли такой способ опровержения удовлетворительным. Эта система мышления доводит г. Новороссийского помещика до отрицания фактов, даже самых общеизвестных. Например, он говорит: *«нельзя пропустить факт, что бездомных бродяг, просящих милостыни, вовсе нет между крепостными крестьянами»*.

Не будем возражать против этого, что мы сами везде на больших дорогах и в Санктпетербурге и в окрестностях его видели

нищих, называвших себя помещичьими крестьянами; но приведем выписки из «Журнала землевладельцев», которого, конечно, никто не обвинит в предубеждении против помещиков.

В 7-м № «Журнала землевладельцев» в статье г. Чарыкова об улучшении быта крестьян в Пензенской губернии (стр. 123), сказано:

«К несчастью, нищенство во многих местах нашей губернии существует весьма давно». Далее описано, как сильные и здоровые мужики нанимают мальчиков, которых они заставляют просить милостыни, «*странствуя с ними по разным местам по нескольку месяцев*».

В 8-м № того же журнала в статье г. Бэля под заглавием «А что сделать с крестьянами нищими?» сказано (стр. 156): «Есть целые деревни, скажем больше — целые имения крестьян нищих даже, — не знаем, как где, а в губерниях Ярославской, Владимирской и Тверской найдется и не мало таких имений».

Что скажет на это г. Новороссийский помещик? Это написано помещиками, а не «кабинетными политико-экономистами». Может быть, он возразит, что это нищие не *бездомные*; да не все ли это равно, когда они в домах не живут, потому что в них есть нечего, а может быть и жить нельзя; а если некоторые и живут в своих селениях, но не имеют возможности или потеряли охоту снискивать пропитание своим трудом и живут сбором подаяния у соседних крестьян; разве это лучше? Разве это не одинаково доказывает вредное влияние крепостной зависимости?

«Сельское благоустройство», № 8

Этот номер «Сельского благоустройства» начинается статьею г. Кошелева под заглавием «*Общинное поземельное владение, — ответ г. Тернеру*». Нечего, кажется, и говорить, что статья эта заключает в себе полное опровержение всех доводов противников общинного владения. Г. Кошелев всем известен за защитника этого способа владения землею. Что всякие насильственные меры к отмене общинного владения теперь были бы весьма неуместны и опасны, — в этом, конечно, согласятся с г. Кошелевым все здравомыслящие практические люди, и, вероятно, о подобных мерах не может быть и речи в губернских комитетах по устройству быта помещичьих крестьян. Потому вопрос об общинном владении — настолько, насколько он связан с составляемыми ныне проектами об устройстве крестьянского быта, — нам кажется, если не решенным, то уже достаточно разъясненным, чтобы не могли быть сомнения в решении большинства. Но г. Кошелев идет гораздо далее: он «подает решительный голос не только за удержание общинного землевладения в настоящую пору, но и за охранение и поддержание его на будущее время, то есть на-

столько, насколько дано человеку настоящим определять будущее». Трудно в этом безусловно согласиться с г. Кошелевым, трудно вперед сказать, чтобы общинное владение должно было всегда сохранить абсолютное преимущество пред личным, но трудно также и опровергнуть мнение г. Кошелева, так как он требует опровержения, основанного на фактах и притом на фактах местных, русских, а не на примере европейских государств. Трудно на основании фактов современных положительно доказать верность или неверность предположения о будущем. Лучше подождать, и время разрешит задачу самым удовлетворительным образом. Вопрос о личном и общинном владении земель непременно разрешится в смысле наиболее выгодном для большинства. Теория в разрешении этого вопроса будет бессильна, так как интересы всех в этом случае будут между собою сходны. Другое дело — вопрос о выкупе усадеб, о наделе крестьян землею; тут два различные интереса: выгоды крестьян и выгоды помещиков. Несправедливое разрешение вопроса может иметь важные последствия. Одна сторона, опираясь на закон, будет стоять за свои права; другая будет недовольна и, пожалуй, выразит энергическим образом свое неудовольствие. Придется или уступить неудовольствию одной стороны (а вынужденная и сделанная не во-время уступка столь же вредна, сколь своевременная уступка спасительна), или насильственно поддерживать несправедливый закон. В вопросе об общинном владении такого столкновения быть не может. Что бы теперь ни решили, все впоследствии может еще измениться само собою; положим даже, что закон увековечил бы общинное владение, но что через 50, через 100 лет крестьяне и помещики целого округа, целой губернии нашли бы этот способ владения для себя невыгодным и просили бы об отмене его. Какое основание имело бы правительство противостоять общему желанию? Не лучше ли в этом случае допустить в законе личное владение наравне с общинным и предоставить каждой общине решить по соглашению с помещиком, какой способ владения для нее удобнее и выгоднее.

Говоря о желании нашем, чтобы общины были предоставлены собственному своему развитию, без всякого насильственного вмешательства закона к поддержанию или к уничтожению их, мы несколько не хотим предугадывать, чтобы общинное владение должно было непременно исчезнуть в России в более или менее продолжительный срок. Если на Западе, где в народной жизни давно исчезли (если и существовали когда-либо вполне) элементы общинного владения, теперь высказывается стремление к восстановлению общего владения землей, к составлению ассоциаций земледельцев для обработки сообща значительных участков земли; если во Франции существуют такие общины, как, например, община Жо (*communauté des Jaults*), о которой говорит г. Бонмер в своей истории французских крестьян, то почему

общинное начало не может сохраниться и у нас, где оно так сроднилось с духом народным? Чем наша община хуже западных теоретических общин или отдельных ассоциаций? К чему восставать против нее, пока народ еще ее держится? Если она действительно стеснительна, невыгодна, препятствует успехам земледелия и т. д., то это современем поймут сами члены общин; тут все интересы будут на одной стороне; тогда общины уничтожатся сами собою прекращением переделов и обращением тягловых участков в наследственные. Но покуда общины будут держаться, покуда они в сознании народном будут считаться полезными, не следует, кажется, желать уничтожения их.

За статьей г. Кошелева следует статья г. Голубцова «О крестьянских обществах и мирском управлении». В выноске сказано, что издатель удерживается от всяких примечаний к сей статье, потому что в будущем нумере будет предложено об этом же предмете мнение князя Черкасского, с основными положениями которого издатель «Сельского благоустройства» вполне согласен. Потому мы полагаем настоящую статью рассмотреть вместе с статьей князя Черкасского под заглавием «Некоторые общие черты будущего сельского управления», помещенной в 9-м № «Сельского благоустройства».

Г. Голубцов полагает допустить составление отдельных сельских обществ из всех тех помещичьих имений, которые заключают в себе достаточное число душ, дабы иметь средства к содержанию отдельного мирского управления. Мелкие имения соединять в одно общество по соглашению между собою помещиков, вотчинно-полицейскую власть в обществах, составленных из нескольких поместьев, предоставить одному из помещиков по выбору остальных или по жребию на трехлетний срок с тем, чтобы через каждые три года вотчинно-полицейская власть переходила к другому помещику из числа тех, имение которых входит в состав общества. Мирское управление в не очень больших обществах составить по выбору крестьян из старосты, выборных (по одному от каждого селения), смотрителя запасного магазина и сотского или десятского для сношения с земскою полициею. Для имения и общества от 500 до 1 000 душ и более, может быть, потребуются большее число должностных лиц. Жалованье лицам этим назначить от общества. Общественные дела обсуживать на мирских сходах, для разбора же частных споров между крестьянами учредить мирской суд из сельских начальников и допустить третейский суд, составленный из стариков. Приговоры суда утверждать начальнику общества — помещику. Ему же предоставить разрешать собрание мирских сходов. За маловажные проступки налагать на виновных небольшой денежный штраф по приговору мирского суда и помещика; важные проступки представлять к суду уголовному; но за лесные порубки и потраву лугов налагать немедленно штраф по приговору мирского суда.

Тому же суду предоставить расправу за неисполнение крестьянами повинностей перед правительством и помещиком.

Князь Черкасский полагает в основание статьи своей следующие главные начала:

1) Дворянству, из-под непосредственной власти которого ныне выходит сельское сословие, должно быть предоставлено преимущественное право местного наблюдения за его интересами и местного над ним суда, но в новых просветленных формах и с перенесением по возможности на все дворянское сословие как бы в виде местной магистратуры тех из прежних дворянских прав над низшим сословием, которые в прежнем быту принадлежали лицу каждого отдельного помещика и будут еще сочтены совместными с новым порядком вещей.

2) Крестьяне должны быть по возможности ограждены от непосредственного соприкосновения с сословием, так сказать, профессионального чиновничества, к которому они не питают ни любви, ни доверия.

3) С передачею сельского управления и суда в руки местного дворянского сословия правильное управление крестьянскими делами должно с своей стороны быть обеспечено против сословных злоупотреблений посредством подчинения дворянских выборов в местные земские должности контролю как правительства, так и самого крестьянства в заранее определенных законом размерах.

4) Вновь учреждаемые органы местного управления и суда должны быть так устроены, чтобы не могли послужить к дальнейшему искусственному, еще большему разъединению обоих сельских сословий; они, напротив, должны по возможности служить общими центрами, около которых могли бы постепенно более и более группироваться все сельские обыватели, постоянно между собою в течение времени сближаясь и постепенно свыкаясь в общей жизни.

5) Местное устройство должно быть непременно основано на спасительном для государства начале местного самоуправления в ущерб всякой мертвящей централизации.

6) Первообразною единицею сельской жизни и управления должно быть признано не вымышленное какое-либо географическое подразделение, но единица живая, уже существующая, по возможности носящая, так сказать, исторический характер и соответствующая действительным отправлениям народной жизни.

7) Вся общинная автономия должна быть сосредоточена в этой избранной единице, и потому друг над другом не должно быть воздвигаяемо несколько общин, как бы несколько административных ярусов или инстанций, порождающих лишь проволочку в делах и лишние расходы.

8) Сельское и местное управление и суд должны быть крайне сподручны лицам управляемым. Быстрота, гласность и дешевизна должны составить главное достоинство нового учреждения.

9) Сельское управление и суд должны быть снабжены возможными ручательствами; но вместе с тем система народного представительства в этом управлении и суде должна быть по возможности упрощена и согласована с действительными потребностями и обычаем народным.

10) Наконец новое учреждение должно быть приспособлено как к сельским отношениям, имеющим возникнуть в период окончательного устройства крестьянского быта, так и к переходному состоянию, ему предположенному высочайшею волею.

Изложив эти главные основания и указав таким образом цель, к которой он стремится, князь Черкасский разбирает сельское устройство по ведомству государственных имуществ и по Эстляндскому положению 1856 года; при этом он указывает на выгоды и недостатки того и другого устройства и выводит, насколько постановления эти могут служить полезным примером для применения их к России.

Результатом всех соображений этих являются следующие предположения князя Черкасского.

За единицу образуемых из помещичьих имений сельских обществ следует принять приход. Приход же по приблизительному расчету, сделанному автором на основании разных официальных данных, будет заключать в себе средним числом по всем вообще губерниям по 1654 души обоего пола или по 795 душ мужского пола. Средняя цифра значительно возвысится, если откинуть те губернии, где весьма мало помещичьих крестьян и где, следовательно, значительное большинство жителей каждого сельского прихода состоит из государственных крестьян, составляющих из себя отдельные общества. Сравнивая этот средний объем общин с средним населением французских общин (*communes*) и английских приходов (*parishes*), автор говорит, что в первых, то есть французских, считается по 895, а в последних по 1529 жителей.

Различные поместья, входящие в состав приходских обществ, должны образовать каждый отдельный участок, имеющий своего старосту; но каждый участок должен заключать в себе не менее 20 душ.

Князь Черкасский полагает, что устройство крестьянского быта «должно совершиться в двух главных моментах: во-первых, должен быть определен точный и неизменный оброк и крестьянину должно быть предоставлено принятием на себя исправного платежа этого оброка избавиться навсегда от барщины; во-вторых, оброк должен быть капитализирован и крестьянину должно быть дозволено вполне откупиться от него, выкупив при этом занимаемую им землю в полную собственность. Этим двум периодам должны, само собою разумеется, соответствовать и некоторые особые формы сельского управления». На этом основании автор полагает участкового старосту назначать от помещика, пока крестьяне будут на барщине, и лишь по переходе крестьян на

оброк допустить назначение старосты по выбору их. Участковому старосте автор полагает предоставить право наказывать крестьян за проступки 18-ю ударами розог независимо от наказания, какое может быть присуждено за тот же проступок. Мы даже не понимаем необходимости и справедливости вовсе предоставлять участковому старосте право произвольного телесного наказания, тем более что в барщинных имениях староста этот по смыслу предположения князя Черкасского будет нечто более как господский приказчик. Отдавая полную справедливость предположению князя Черкасского относительно предоставления крестьянам права сперва переходить с барщины на постоянный, определенный законом оброк, а потом выкупать свои земли посредством капитализации этого оброка, мы не можем, однако, не заметить, что в проекте автора слишком мало обеспечивается благосостояние и самостоятельность крестьян на то время, пока они будут еще оставаться на барщине. Если участкового старосту будет назначать помещик, то староста этот не может считаться мирским начальником. Конечно, помещик должен иметь право назначать для управления хозяйственной частью своего имения, для надзора за барщинными работами приказчика, которого можно назвать хотя и старостою, но обязанность этого старосты, поставленного для охранения собственно помещичьих интересов, должна, по нашему мнению, быть чисто хозяйственная, а не полицейская, и ему никак не должно быть предоставлено право сечь крестьян без суда. Нерадивых и неисправных крестьян он должен представлять в мирской или приходский суд.

Но князь Черкасский не довольствуется предоставлением помещику права назначать участкового старосту; он говорит, что, покуда крестьяне будут состоять еще на барщине, приходский старшина и его помощник должны быть назначаемы от помещика, а если в приходе несколько помещиков, то самым крупным из них. С переходом же крестьян на оброк староста и помощники его избираются мировым судьей. Этим предположением до перехода крестьян на оброк исключается всякая возможность учреждения хоть сколько-нибудь самостоятельного мирского управления; а скоро ли барщинные крестьяне, оставаясь под гнетом зависимости, близкой к крепостному состоянию, будут в состоянии перейти с барщины на оброк?

Приходский суд, по мнению князя Черкасского, должен состоять из шести или более стариков. Производство должно быть словесное и гласное. Суд этот может решать дела по спорам до 15 руб. серебром и о краже до 10 руб. серебром и может налагать штрафы до 3 руб. серебром и телесное наказание до 50 ударов розгами. Приходский суд должен быть подчинен мировому судье.

Крестьянские мирские сходы должны быть двоякого рода: «во-первых, общий сход стариков: а) для ежегодного избрания

должностных лиц по приходскому сельскому обществу и для неочередного замещения тех из них, которые отрешены высшим начальством или выбыли за смертью или иною какою-либо достаточною причиною; b) для принятия мер ко взысканию недоимок в сборах денежных и хлебных; c) для раскладки недоимок на все общество и для предоставления мировому судье, или для изъявления согласия на его предложение об отдаче в рекруты, или для предоставления в распоряжение правительства неисправимых и злостных недоимщиков; d) для назначения опекунов к сиротам; e) для определения нуждающимся вспомоществования из мирского магазина и для назначения меры вспомоществования. Во-вторых, общий народный приходский сход, в коем должны иметь право участвовать все без исключения совершеннолетние домохозяева, кроме оглашенных за какие-либо особенные вины. Ведомству его исключительно должно принадлежать лишь несколько дел самого всеобщего интереса или для разрешения которых важно нравственное ручательство возможно большей местной гласности. Сюда относятся: a) ежегодная проверка денежных отчетов, представляемых приходским старшиною; b) раздел общественных земель, накладка и снятие тягол; c) раскладка подати, повинностей и сборов; d) прием в сельское общество и увольнение из оногo; e) лишение вследствие предложения приходского старшины, приходского суда или мирового судьи кого-либо из домохозяев права участия в общем приходском сходе или кого-либо из стариков права заседания в приходском суде; f) рассмотрение и назначение очередных рекрутских очередей сообразно местному обычаю; g) наконец, изъявление согласия на предложение приходского старшины, схода стариков или мирового судьи касательно удаления из общества предоставлением в распоряжение правительства или неочередной отдачею в рекруты (кроме как по делам о недоимке, подлежащим особенному течению) члена общества, не могущего быть в нем терпимым».

Помещикам князь Черкасский полагает предоставить право домашнего наказания над дворовыми людьми до 18 ударов розгами.

В заключение князь Черкасский доказывает, что нет надобности учреждать высшую инстанцию мирского управления под названием волости; очевидно, что если учредить, по проекту автора, приходские общества, то волости составили бы уже лишнюю инстанцию.

Предоставляем читателям сравнить сущность предположений князя Черкасского с мыслями г. Голубцова. Затем возвратимся к № 8 «Сельского благоустройства».

В статье «О свободном труде» г. Гордеенко сперва разбирается настоящая стоимость барщинной работы и доказыва-ется, что работа эта обходится помещику вовсе не так дешево,

как иные полагают, и что обработка земли наймом в Западной Европе несравненно выгоднее, чем обработка у нас бесплатными рабочими. Далее говорится о трудности достать у нас исправных вольнонаемных работников. Вывод из всего этого автор делает следующий:

«Если дать крестьянину излишек земли, он делается помещиком, а помещик без рабочих рук сам должен работать. И так каждый будет сидеть не на своем месте».

«Надел земли не составляет еще главного условия для будущего устройства».

«Крестьянину существенно нужно, чтобы он мог приобретать для себя, чтобы труд его был свободен. Русский крестьянин не останется без работы и плата его — довольно порядочная в сравнении с платою работникам в других государствах».

«Для помещика еще мало потери, если он более или менее земли уступит в пользу крестьян. Существенно ему нужно иметь под рукою верных, усердных, трудолюбивых рабочих, чтобы цены были постоянны, чтобы всякие сделки выполнялись честно, чтобы он не был запутан в тяжбы, чтобы собственность его была обеспечена от всяких посягательств, и какою бы ценою труда ни приобрел эти драгоценные права, он не останется в убытке».

Чтобы достигнуть всего этого (прибавим мы от себя, хотя мы, признаться, не совсем убеждены, к этому ли именно конечному выводу хотел привести нас г. Гордеенко вышеприведенными афоризмами), самым верным и лучшим средством может служить предоставление крестьянам прочной оседлости и достаточной для обеспечения их быта поземельной собственности. Крестьяне свободные собственники будут всегда для помещика самыми мирными соседями, самыми усердными рабочими в свободное от обработки собственных полей время. А времени этого у них будет довольно, потому что у них останутся свободными те три дня в неделю, которые они проводят на барщине; уж, конечно, всякий дельный крестьянин предпочтет постоянную и верную заработку у соседнего помещика неверным барышам на стороне. Не будь у крестьян прочной оседлости, они станут бродить из губернии в губернию и искать высоких рабочих цен; тогда трудно будет ожидать постоянства в размере рабочей платы и добросовестности со стороны работников.

Статья князя Черкасского «О биржевом курсе закладных листов в Германии» заключает в себе весьма занимательные данные об успешном действии в разных государствах земских банков.

Учреждения поземельного кредита разделяются на два главные рода: во-первых, учреждения, все выгоды которых обращаются в пользу землевладельцев, которые взаимно друг за друга ручаются и образуют из самих себя поземельный банк,

выдающий им же закладные письма на половину или на две трети стоимости закладываемых ими имений, и, во-вторых, учреждения, основанные столько же для выгод капиталистов, ссужающих свои капиталы (а иногда и правительства, ссудившего капитал), сколько и для выгоды помещиков. В Пруссии существует шесть одновременно основанных обществ земского кредита. Все они принадлежат к учреждениям первого из указанных выше разрядов. Учреждения эти не вдруг получили правильное, основательное устройство; прежние уставы банков были иногда крайне для них стеснительны; например, должники банка не могли погашать долга постепенными взносами, а должны были уплатить его разом; кредиторы имели право требовать уплаты должной банком суммы в шестимесячный срок; банк же, напротив, не имел права заставить кредитора принять по принадлежащему ему обязательству уплату *al pari*. Недостатки в уставах банков исправлены лишь в тридцатых годах. Между тем даже ранее этого времени и несмотря на неудобства, вытекавшие из самого устройства банков, кредит их был весьма значителен; это ясно доказывается тем, что они имели возможность понизить платимые ими проценты в 1776 году с 6% на $4\frac{2}{3}$, в 1788 до 4% и к 1839 году до $3\frac{1}{2}$ %.

Приложенные к статье князя Черкасского весьма любопытные таблицы о биржевой цене прусских закладных писем в разные годы доказывают, что ни голодные 1846 и 1847 годы, ни даже страшный для Западной Европы кризис 1848 года не в силах были значительно поколебать поземельный прусский кредит. В заключение выпишем приводимый князем Черкасским отзыв Жоссо о выгодах земских банков: «Облигации этих обществ, — говорит он, — имеют почти всегда однообразную ценность и не следуют за колебаниями государственного долга. На них мало действует упадок, которому подчас подвергается последний вследствие политических событий, — ажиотаж имеет на них мало влияния... Ни одному из правительств, заблагорассудивших принять некоторые меры к поощрению возникающих такого рода обществ, не пришлось от этого пострадать, а государственное ручательство оставалось всегда в сущности гарантией лишь нравственной, ибо никогда не вовлекало правительство в убытки». Далее Жоссо говорит о несправедливом пренебрежении банкиров к операциям земских банков. Что не все банкиры разделяют такое предубеждение, это доказывается напечатанным недавно в «*Le Nord*» проектом банкиров Френкеля и Гомберга об устройстве земских банков в России.

Нам остается повторить желание, выраженное в примечании к статье князя Черкасского почтенным издателем «Сельского благоустройства», чтобы на статью эту обратили внимание лица, занимающиеся высшими финансовыми соображениями в России.

В 9-м № «Сельского благоустройства» кроме разобранной нами выше статьи князя Черкасского об устройстве сельского управления помещены, между прочим, следующие статьи:

«Мнение о способах к улучшению быта помещичьих крестьян Харьковского уезда».

Неизвестный автор предлагает наделить крестьян землею на тягло до $1\frac{1}{2}$ десятин пахотной земли в каждом поле, $\frac{1}{2}$ десятины сенокоса, $\frac{1}{4}$ десятины под усадьбу и огород; всего, следовательно, $5\frac{1}{4}$ десятин на тягло, и за это требовать двухдневной барщинской работы от крестьянской семьи, то есть от работника тяглового, работницы и подростка, или оброк в 28 руб. серебром. Эту оценку автор основывает на вычислении поземельного дохода с отведенной каждому тяглу земли.

«Беседа о главных основаниях улучшения быта помещичьих крестьян» г. Вишневого. Г. издатель «Сельского благоустройства» в примечании к статье счел нужным объяснить, что он печатает эту беседу потому, что всем мнениям он обещал простор в своем журнале.

Мы не видим необходимости входить в подробный разбор подобной статьи; для указания характера и направления ее достаточно сказать, что автор силится доказать преимущество барщины перед оброком!

«О поземельном кредите в Царстве Польском».

В 9-м № «Сельского благоустройства» помещено только начало этой весьма занимательной и полезной статьи. Автор говорит сперва о важности поземельного кредита и доказывает, что для правильного устройства его необходимы меры двоякого рода: 1) гарантия, внушающая заимодавцам доверие к прочности обеспечения долга, — гарантия эта предоставляется ипотечными законами, — и 2) учреждение кредитных установлений, сообразных с нуждами сельского хозяйства. Затем автор представляет краткое, последовательное и ясное изложение ипотечных законов Царства Польского.

Ипотека означает обеспечение долга каким-либо определенным имуществом, а не личностью должника; потому долг взыскивается со всего имения, которым он был обеспечен, хотя бы имение было перепродано прежним владельцем или даже раздроблено по наследству. Разница ипотеки от залога заключается в том, что заимодавец получает по залладу имущество должника в свое владение; для действительности же ипотеки требуется лишь, чтобы долг был заявлен и внесен в особую книгу, затем имение остается в полном распоряжении должника и может им быть продано третьему лицу, на которого переходит лежащий на имении долг. Ипотечные долги обеспечиваются заложенным имуществом в порядке внесения ипотек в долговую книгу, то есть в случае несостоятельности должника и продажи имущества из вырученной суммы сперва удовлетворяется сполна тот из

кредиторов, долг которого записан ранее, потом второй, третий и т. д., и вырученная сумма не разверстывается поровну между всеми кредиторами, как это делается у нас. Это и составляет главное обеспечение вещественного кредита и главное преимущество ипотечной системы перед нашим способом удовлетворения кредиторов.

При существовании ипотек всякий, желающий дать деньги займа под залог имущества, может справиться по ипотечной книге о ценности имущества должника и лежащих уже на нем долгах; он верит ему ровно настолько, насколько считает имущество достаточным для обеспечения долга и уверен, что последующие долги, сделанные под залог того же имущества, не ослабят этой гарантии. У нас совсем другое. Во-первых, затруднительно определить с точностью стоимость закладываемого имущества и узнать, заложено ли оно и во сколько именно. Но положим, что займодавец удостоверился бы, что имение, под залог которого у него просят 50 000, стоит не менее ста тысяч и что оно не состоит под запрещением и никому не заложено. Разве он этим вполне обеспечен? Разве кто мешает должнику это же имение заложить потом другому или даже выдать безденежную на него закладную в 150 000? В таком случае при продаже имения с публичного торга за 100 000 первый кредитор получит только 50 коп. на рубль. Неудивительно после этого, что кредит может быть основан у нас лишь на личном доверии к должнику и что при недостатке доверия требуют огромных процентов за риск.

В Польше начало первенства в вещественном обеспечении было признано еще конституцией 1588 года. В 1808 году введены там французские ипотечные законы, которые изменены в 1818 году и окончательно дополнены и усовершенствованы постановлениями 1825 и 1830 годов.

Основанием ипотечных прав служат *ипотечные книги*. Книги эти разделяются на две части: первая представляет вкратце содержание всех прав и обязательств, обеспеченных имуществом, и составляет собственно то, что называется ипотечною книгою.

Она состоит из четырех отделов: первый заключает в себе опись недвижимых имуществ; второй — названия владельцев; здесь отмечаются перемены владельцев при переходе имения по наследству или при продаже; в третьем отделе отмечаются все лежащие на имении постоянные обязательства или ограничения в праве собственности, как то: право выкупа, запрещение отчуждать имение или отдавать его в залог, право сторонних лиц на пользование в имении известными угодьями и т. п.; в четвертом отделе указываются лежащие на имении долговые обязательства.

Вторая часть ипотечной книги назначена для внесения всех договоров или актов, которыми устанавливаются права, обеспеченные ипотечным порядком. Ведение ипотечных книг и производство дел по ипотекам поручено членам мировых или окруж-

ных судов под ведомством ипотечного отделения, состоящего при каждом губернском гражданском трибунале. Споры по ипотечным делам решаются в определениях этих большинством голосов членов и оттуда переходят по апелляции в апелляционный суд Царства Польского и, наконец, в правительствующий сенат.

С нетерпением ожидаем продолжения статьи этой, где мы надеемся найти полезные сведения о земских кредитных учреждениях Царства Польского.

В статье под названием *«Крестьянский вопрос не с одной помещицкой точки зрения»* г. Рачинский излагает разные разговоры помещика с крестьянами и представляет сцены довольно натуральные и близкие к характеру русского человека.

Из разговоров этих автор выводит между прочим следующие заключения:

«Оказывается, что у крестьян есть понятия, в чем некоторые доселе сомневались» (надеемся, весьма немногие и притом такие, у которых у самих не было никаких понятий о крестьянах). «Крестьяне опасаются, что за переходное время иные помещики поспешат взять с них все возможное и к наступлению личной для них свободы крестьяне увидят себя попрежнему связанными; только связь эта может принять вид совершенно безразличный». Грустно это слышать; но можно еще, кажется, надеяться, что дворянские комитеты и правительство устанвят такие правила, при которых подобные злоупотребления сделались бы невозможными.

Обозрев таким образом последние три номера «Сельского благоустройства», мы оставляем до другого времени разбор статей по крестьянскому вопросу, помещенных в других журналах; но мы хотим теперь же сказать несколько слов в ответ на *замечку*, сделанную г. Протасьевым в 10-м номере «Журнала землевладельцев» против разбора в июльской книжке «Современника» его статьи под заглавием «Приложение к настоящей системе хозяйства вольнонаемного труда». Г. Протасьев обвиняет нас в том, будто мы перетолковали его статью, приписав ему мысль, которой он не имел.

В разборе статьи г. Протасьева мы говорили о расчете автора, по которому ему придется с уничтожением обязательного труда потерять часть своих доходов, потому что ему нужно будет содержать вольнонаемную прислугу вместо дворовых людей, покупать провизию и сено, рубить и привозить на свой счет дрова и т. п., что составит в год расход до 1 200 руб.; мы сказали, что сумма эта, по мнению г. Протасьева, должна быть заменена процентами с соответственного капитала за отходящие от помещика собственность и рабочую силу, хотя выведенный им

расчет расходов на удовлетворение потребностей не может служить нормой для определения выкупного капитала по имениям вообще, потому что размер потребностей не может быть пропорционален количеству душ. Наконец мы выразили наше мнение, что если бы и следовало допустить личный выкуп, и тогда цена выкупа должна бы соразмеряться с местной вольнонаемной платой, с средствами и выгодами крестьян, а уж никак не с потребностями помещика.

Г. Протасьев в своей заметке вовсе не опровергает нашего мнения, а, напротив, соглашается с ним, говоря, что в последующих статьях, сообщенных им в «Журнал землевладельцев», вопрос о мере вознаграждения помещиков разрешается именно этим путем *. Но, не желая сказать, что в последующих статьях своих он сам изменил прежний свой взгляд на вопрос о выкупе, и через то признать ошибочность прежнего своего взгляда, г. Протасьев вовсе отрекается от мысли, которую мы будто бы приписали ему «по непростительной оплошности», исказив его расчет и «упустив из виду, а может быть и с намерением скрыв», что все его расчеты сделаны собственно для него и для его имения и что он вовсе не думал представлять их в виде проекта «О способе вознаграждения помещиков вообще».

Не принимая к сердцу резких выражений г. Протасьева, мы считаем, однако, обвинение нас в злонамеренном искажении мысли его довольно важным, чтобы постараться оправдаться в этом перед публикой.

Лучшим оправданием могут служить нам подлинные слова самого г. Протасьева. Потому мы выпишем здесь буквально те места из статьи его, на которых преимущественно основаны наши замечания. В статье этой на странице 56-й № 3-го «Журнала землевладельцев» г. Протасьев говорит:

«Помещики всегда найдут возможность отдать внаймы всю свою землю. Рассчитывая, что, за исключением усадебной земли, у меня будет с лишком 1 100 десятин и что я отдаю ее внаймы по существующей ныне цене, не выше кругом как по 3 руб. серебром за десятину, ежегодного дохода получу 3 300 руб. серебром.

С первого взгляда кажется, что при новых обстоятельствах я буду иметь в год 300 руб. серебром лишних против нынешнего, но это потому, что я не упомянул еще о тех выгодах, получаемых с имения кроме чистого дохода, которые прекратятся по уничтожении крепостного права и по отдаче полевой и мировой земли внаймы.

При настоящих обстоятельствах имение доставляет:

1) Прислугу и людей, необходимых для разных домашних и хозяйственных должностей. К разряду этому принадлежат:

* О последующих статьях г. Протасьева мы говорили в 10-м № «Современника».

лакеи, горничные, повара, кухарки, садовники, караульные при доме, ключники, столяры, кузнецы, садовники, прачки, кучера, огородники и т. п.

В число людей, необходимых при имении, не включая скотников, скотниц, овчаров, птичниц, ткачей и т. п., так как жалование и содержание этих лиц должно окупаться доходами от заведываемых ими частей.

2) Содержание на всех должностных людей и часть одежды и обуви.

3) Содержание на необходимое при доме число лошадей, скота и птицы, без которых обойтись нельзя.

4) Привоз около 200 саж. дров, доставляемых ежегодно крестьянами за 9—10 верст на отопление дома, флигелей, дворовых изб, прачечной и иных зданий; также подвоз материалов, необходимых для ремонта строений и поправку их».

Высчитав подробно расходы по указанным четырем статьям, г. Протасьев говорит далее:

«Следовательно, при новых отношениях помещиков к крестьянам, не упоминая уже о прихотях, которые каждый из нас может иметь или не иметь по произволу, собственно на удовлетворение разумных и необходимых потребностей представлятся расходы, достигающие, по моему мнению, до следующей суммы:

На жалование, продовольствие, одежду и обувь наемных людей по разным частям домашнего хозяйства в числе 16 человек	864 р. с.
На содержание 6 лошадей, 5 коров и 200 штук домашней птицы, для которых придется покупать корм	340 —
За привоз дров, материалов для ремонта строений и за поправку их	300 —
<hr/>	
Всего будет расхода . . .	1 501 —

Выше показано, что, отдав поля и луга внаймы кругом по 3 руб. серебром десятину, я получу против настоящего дохода 300 руб. серебром лишних, значит действительных расходов, которые теперь не существуют, так как они заменяются произведениями земли и крепостным трудом, ляжет 1 200 руб. серебром.

Показанная здесь сумма в 1 200 руб. серебром должна быть заменена процентами с капитала, который значится за отходящие от помещика недвижимую собственность и рабочую силу.

Конечно, выведенный мной расчет расходов на удовлетворение потребностей не может служить нормой для определения выкупного капитала по имениям вообще, потому что размер потребностей не может быть пропорционален количеству душ; так, например, владельцу имения в 2 000 душ, следовательно

вдесятеро большего, чем мое, не потребно же 160 человек прислуги, 50 лошадей для разъездов и т. п.

Я привел этот расчет в виде примера, а не для сравнения с ним других имений, из которых каждое может иметь свою особенность; может быть, комитеты, обсуждая норму выкупа, признают нужным разделить имения на разряды, тем более, что здесь в особенности пострадают мелкопоместные дворяне, когда лишатся рабочей силы и иных выгод, проистекающих из крепостного права».

Пусть беспристрастные читатели, сличив эти строки с нашим выводом, сами решат, имели ли мы право заключить из слов г. Протасьева, что он полагает соразмерить цену личного выкупа крестьян с потребностями помещика; могли ли мы угадать, что г. Протасьев вовсе не думал представлять свой расчет в виде проекта о способе выкупа вообще и сделал его *собственно для себя*, когда он говорил, напротив, в своей статье об изменении размера потребностей помещика, судя по величине имений, и о том, что комитеты могут признать нужным, обсуждая норму выкупа, разделить имения на разряды; одним словом, мы предоставляем читателям решить: мы ли «по непростительной оплошности» перетолковали статью г. Протасьева, или сам автор до того теперь удалился от высказанного им прежде мнения, что не только от него отрекается, но даже вовсе забыл о нем?

Г. Протасьев укоряет нас еще в том, будто мы «косвенно обвиняем г. издателя «Журнала землевладельцев» за намерение допускать в свой журнал самые противоположные мнения». Затем г. Протасьев намекает на людей, принадлежащих к какой-то *партии*, и на «желания, несвойственные благомыслящим людям».

Мы не обвиняли ни прямо, ни косвенно г. издателя «Журнала землевладельцев» за намерение допускать в свой журнал противоположные мнения; мы только указали, что он обещал это делать и исполнил свое обещание. Мы вовсе не желали бы, чтобы г. издатель отказывался вовсе помещать статьи, несогласные с здравыми и благонамеренными началами устройства крестьянского быта, потому что мы убеждены, что ложные понятия скорее потеряют всякий вес, будучи гласно высказаны и затем печатно опровергнуты, нежели если понятия эти будут передаваться в частных разговорах и рукописях, так как в последнем случае они могут избежать приговора общественного мнения и увлекать людей даже добросовестных, но мало знакомых с предметом. Нам кажется, однако, желательным, чтобы г. издатель «Журнала землевладельцев», следуя в этом примеру г. издателя «Сельского благоустройства», — взял на себя труд делать некоторые замечания против помещаемых им статей, несогласных с его убеждениями, и слагал бы с себя ответственность за выраженные в подобных статьях понятия.

Не знаем, на какие *партии* и на какие *желания* намекает г. Протасьев. Неужели он называет партией весь разряд людей, искренно желающих справедливого разрешения крепостного вопроса, без убытка по возможности для помещиков, но и без отягощения для крестьян? Неужели не следует всем благомыслящим людям желать действительного, а не мнимого улучшения быта помещичьих крестьян и прочного обеспечения их в средствах к существованию? Г. Протасьев не мог иметь в виду этого нашего желания. Может быть, он хотел тонким образом намекнуть, что мы желали придать ему чуждую мысль, чтобы иметь удовольствие ее опровергнуть. Против такого странного предположения и оправдываться нечего. Мы искренно желаем избегать всяких личностей; мы восставали против вывода, который можно было сделать из статьи Г. Протасьева и который мы считали вредным, а вовсе не желали затронуть самолюбие автора. И в настоящем возражении нашем мы старались избежать всяких резких выражений, всяких колких намеков, на которые так щедр Г. Протасьев в своей заметке. Мы убеждены, что колкости и намеки ровно ничего не доказывают и непозволительны в серьезном деле. Несправедливые же намеки вредят тому лишь, кто их себе дозволяет.

**УСТРОЙСТВО БЫТА ПОМЕЩИЧЬИХ КРЕСТЬЯН
БИБЛИОГРАФИЯ ЖУРНАЛЬНЫХ СТАТЕЙ ПО КРЕСТЬЯНСКОМУ
ВОПРОСУ**

«Журнал землевладельцев», № 7

Статья г. И. Капниста: «Несколько данных, на основании которых можно улучшить положение крестьян в Южной России». Автор начинает ссылкой на статьи Свода законов, на основании которых в каждом помещичьем имении должно быть земли не менее четырех с половиной десятин на ревизскую душу, а крестьяне обязаны работать на помещика три дня в неделю, половину всего рабочего времени. Из этого г. Капнист выводит, что нормальный надел крестьян землею по смыслу законов составляет $2\frac{1}{4}$ десятины на душу, что, однакоже, вовсе не следует из приводимых им статей, потому что в имениях, заключающих в себе *minimum* допускаемого по закону количества земли, часть тяглов обыкновенно сажалась на оброк, а, следовательно, господское хозяйство устраивалось не по полному числу тяглов, а в гораздо меньшем размере и занимало менее половины земли. Затем, полагая тягловое семейство в три души, автор считает, что каждое семейство будет иметь $6\frac{3}{4}$ десятин, которые распределятся следующим образом: $\frac{3}{4}$ десятины под усадьбою и огородом, 3 десятины под посевом хлеба (следовательно, по $1\frac{1}{2}$ десятины в поле; не маловато ли это: по $1\frac{1}{2}$ десятины в поле на продовольствие целой

семьи из 3 душ мужского пола, то есть 6 душ обоего пола?), 1½ десятины под сенокосом и полторы под паром. Относительно тех имений, в которых вся земля составляет менее 4 десятин на душу или где за выделом этой пропорции осталось бы слишком мало земли для помещика, автор полагает, что владельцам следует обратиться к государю императору со всеподданнейшей просьбой о дозволении излишним крестьянам переселиться на пустопорожние казенные земли или на земли других владельцев. (Не легче ли помещику, если он имеет охоту заниматься непременно сельским хозяйством, купить себе землю на те деньги, которые он получит за отданную крестьянам землю? Ведь ему расчет один и тот [же] — остаться при прежних 100 десятинах, стоящих по 50 руб., или, получив за них деньги, купить 100 десятин по 50 руб. в другой даче. Он тут не теряет ничего, а для крестьян переселение — очень убыточное дело. Но об этом после.) За каждую десятину отведенной крестьянскому обществу земли оно должно поставлять одного рабочего на 30 дней по урочному положению с разделением их на четыре времени года, считая рабочий день женщин и мальчиков до восемнадцати лет в половину против дня взрослого мужчины и с предоставлением крестьянам отбывать рабочие дни по произволу натурой или деньгами. (Почему же 30 рабочих дней за десятину, почему не 50, или, вернее сказать, почему не 15 или не 12? Этого мы не видим, а видим только — но и об этом после.) Подати и земские сборы должны быть раскладываемы не подушно, а по рабочим силам (40 процентов всего лежащего на обществе оклада) и по имуществу (остальные 60 процентов), облагая податью силы всех крестьян от 14 до 60-летнего возраста, а податью с имущества всех без исключения пропорционально количеству земли, которой они владеют. Помещикам автор полагает предоставить право самим обрабатывать свою землю или отдавать ее в арендное содержание вместе с следующими от крестьян днями по контрактам, утверждаемым уездным комитетом и под наблюдением его. Мы полагали бы, что уже довольно и того, если барщина останется принадлежностью самого помещика, — обязательный труд не такая вещь, чтобы его можно было передавать по контрактам из рук в руки да еще арендатору. Если остается обязательный труд, помещик остается не просто собственником земли, а попрежнему лицом, которому правительство вверило известную степень власти над людьми. Известно, что гражданское право не допускает власть над людьми, то есть обязанность, вверяемую правительством, передавать по контрактам из рук в руки.

Затем автор делает расчет доходов, которые наделенное по принятой им норме семейство может получать с своей земли, и исчисляет, что с трех десятин, полагая 15 коп. с каждой умолотом по четыре меры или по четыре пуда зерна, получится 45 коп., или 180 пудов, из которых на годовое продовольствие потре-

буется 140 пудов, а остальные 40 могут быть проданы и принесут 8 руб. серебром, сумму, достаточную для уплаты лежащих на семействе податей; притом получится соломы достаточно для прокормления трех штук крупного скота и шести овец. За отведенную семейству землю оно обязано дать помещику около 200 мужских рабочих дней, а так как хозяин имеет в год 300 дней, жена его, считая ее работу в половину против мужской, 150, и остальные члены семейства, которых полагается примерно четыре, принимая их день за $\frac{1}{4}$ дня, еще 300, всего 750, для обработки же собственной земли достаточно 200 дней, то остается 350 дней, в которые посредством посторонних заработков могут быть приобретены средства, достаточные на одежду, обувь и прочие крестьянские надобности.

Помещик, имеющий 450 десятин земли, на которых поселены 100 душ крестьян, употребляя из числа следующих ему от крестьян 7750 рабочих дней только 3948, по расчету автора может продавать хлеба примерно на 1209 руб. 60 коп., шерсти и овец на 500 руб. и сверх того получать за остальные 2802 дня по 10 коп. серебром за день, что составит всего дохода с имения 1989 руб. 80 коп.

В расчетах г. Капниста прежде всего поражает нас огромное количество барщинного труда, которое он считает возможным положить на крестьян за отводимую в пользование их землю: по существовавшему при крепостном состоянии порядку помещик не имел права требовать более 150 или даже 140 мужских и столько же женских рабочих дней с тягла, а на практике получал обыкновенно значительно меньше, каким бы количеством земли крестьяне ни владели; и этот размер работы ныне почти всеми признается преувеличенным и превышающим ценность отдаваемых крестьянам земель, так что общее мнение требует уменьшения рабочих дней по крайней мере до двух в неделю. Между тем г. Капнист полагает еще большее число мужских дней, примерно до 200 с тягла; правда, что он зато вовсе не предполагает женских рабочих дней, которые, следовательно, могут отчасти заменять собой мужской труд, но, считаясь в половину против мужского дня, весьма мало облегчат отбывание наложенной на семейство барщины, так что хозяин, чтобы уменьшить число своих барщинных дней хотя пятьюдесятью, до прежнего размера, должен послать на господскую работу свою жену на 100 дней. Притом самое назначение земли не по тяглам, а по душам, и рабочих дней по количеству земли требует усвоения крестьянами общинного понятия до крайних его последствий, так как барщинные дни должны будут отбываться по особому сделанному внутри самой общины распределению, совершенно независимо от количества отведенной каждому семейству земли; иначе крестьянин, имеющий много детей и получивший по числу их самый большой участок, отбывал бы столько барщинных дней, что ведение собственного хозяйства

и прокормление семьи сделались бы для него невозможными. Происходящая от этого сложность расчетов необходимо должна производить частые споры и несогласия между крестьянами. Что же касается до самого размера, в котором их должно наделить землей, то, по нашему мнению, едва ли не лучше всего было бы, не принимая никакой общей нормы, оставить надел в том виде, в каком он был сделан тогда, когда интересы крестьян были ближе связаны с выгодами владельца.

Замечательна еще обыкновенно дешевая оценка крестьянского труда, по 10 коп. за мужской рабочий день, без различия работы пешей или на волах. Весьма сомнительно, чтобы в Полтавской губернии существовала такая средняя цена, между тем как в пограничных с ней уездах Харьковской (ст. г. Данилевского в том же номере «Харьковский поселянин в настоящее время») летний мужской день стоит от 20 до 30 коп. сер., а зимний — от 10 до 20.

Что касается до предположения г. Капниста о переселении некоторых из крестьян малоземельных имений на казенные земли других владельцев, то оно, с одной стороны, нарушило бы общий порядок оставления крестьян на тех же местах, а с другой стороны, при отводе им, конечно на общих правах государственных крестьян, земель из казенных дач, могло бы подать повод к неудовольствию тем, которые остались бы на землях помещика с обязанностью так или иначе выкупить усадьбы и отбывать барщину. Проще было бы в подобных имениях или оставить весьма незначительную по количеству остающейся земли господскую запашку, или даже разделить всю землю крестьянам с обложением их соответственным оброком.

Эту статью мы потому разобрали так подробно, что хотя и невозможно согласиться с основными положениями автора ее, но она заключает довольно полное и со всех сторон обработанное предположение о будущем устройстве поземельных отношений.

Статья г. Николая Чарыкова «Об улучшении быта помещичьих крестьян в Пензенской губернии» заключает в себе много жалоб на леность крестьян и расположение их к нищенству, которым многие из них, по удостоверению автора, занимаются систематически: нанимают для прошения милостыни мальчиков, с которыми отправляются в более или менее далекие путешествия, и возвращаются с несколькими сотнями рублей. Какие странные люди! Имеют расположение к нищенству! Не имеют ли они также расположения к голоду, холоду или к лежанию больными? Предположение г. Чарыкова о будущем устройстве крестьян заключается в том, чтобы им для образования оседлости дать, конечно с выкупом через какое-либо кредитное учреждение или банк, усадьбы и по возможности выгон и сверх того по десятине на душу полевой земли с тем, чтобы они за нее работали на помещика 1½ дня в неделю и обрабатывали ее миром для уплаты госу-

дарственных податей, процентов за выкуп и образования капитала. Этот оборот автор рассчитывает таким образом. Полагая на 100 душ 100 десятин пашни в трех полях, на каждом поле будет $33\frac{1}{3}$ дес.; при хорошей обработке уродится сверх семян ржи 6 четвертей и овса 10 четв. на десятине, итого 200 четв. ржи и 330 четв. овса; из этого количества в первые три года следует исключать для образования хлебного мирского запаса по четверти ржи и овса на душу; поступит в продажу ржи 100 четв. по 2 руб. сер. и овса 233 по 1 руб., всего на 433 руб. На уплату податей потребуется 200 руб. сер. и столько же на проценты и погашение долга в кредитное место, уплатившее за выкуп усадеб; останется, таким образом, в первые три года 100 руб. сер., а затем в следующие 9 лет к окончанию переходного времени за вычетом ежегодного расхода по 400 руб. составитсЯ капитала с нарастающими на него процентами 4'368 руб. 76 коп. сер. — сумма, достаточная на покупку значительного участка земли в собственность общины. Для обработки означенной мирской земли весьма достаточно $1\frac{1}{2}$ дня в неделю, так что крестьяне имели бы для прокормления себя с семействами посредством наемной работы у помещика или воздвизывания снятых у него по добровольным условиям земель остальные три дня.

В заключение г. Чарыков говорит, что можно бы было обществу дать и более земли, но пришлось бы ему тогда гораздо больше работать на помещика — до трех дней и более; работа, как принужденная, исполнялась бы небрежно, возникали бы с обеих сторон жалобы, и вследствие того отношения крестьян к помещикам сделались бы враждебными. На это мы можем возразить, что если бы кредитное учреждение, давшее капитал на выкуп усадеб, выкупило и достаточное для прокормления крестьян количество полевой земли, то они, зарабатывая сверх доходов от своей земли, для воздвизывания которой достаточно бы было половины тяглов, довольно значительные по их быту деньги наемной работой у помещиков, могли бы посредством мирской запашки или ежегодных взносов в течение известного числа лет погасить долг и тогда без принужденной работы, о которой говорит автор, сделались бы независимыми собственниками отведенной им земли. Вообще же, хотя многие опровергают все проекты, основанные на мирских запашках, тем, что мирские земли будут скупо удобряться и плохо обрабатываться, а потому не принесут ожидаемых урожаев, — предположения г. Чарыкова можно было бы признать довольно практичными, если бы крестьяне могли понять освобождение с сохранением барщины. А если необходимо отменить барщину, то, конечно, надобно несколько изменить расчет. Во всяком случае, назначаемый крестьянам размер работы на помещика $1\frac{1}{2}$ дня в неделю за землю, отведенную в количестве одной десятины на душу, следовательно от $2\frac{1}{2}$ до 3-х десятин на тягло, нам кажется преувеличенным.

Статейка помещика Старобельского уезда г. Гаршина заключает в себе развитие одной весьма справедливой мысли, а именно, что если земли, отводимые крестьянам, не будут выкуплены и крестьяне должны будут за них работать на помещика, то лучше вместо определенного оклада работ назначить оброчную плату с предоставлением помещикам и крестьянам по обоюдному соглашению заменять денежную плату работой, отчего эта работа потеряет характер принужденного труда.

Статья г. Ильи Никифорова «Об усадьбах» заключает в себе ответы на некоторые вопросы, предложенные в № 1 «Журнала землевладельцев». Так как между этими вопросами большая часть таких, которые общественным мнением уже решены окончательно, то мы обратим внимание только на один из них, о котором до сих пор происходят нередко горячие споры.

О пространстве усадебных земель, которые должны быть отведены крестьянам, автор говорит, что, как известно ему на практике, в настоящее время усадьбы средней мерой простираются от 1 400 до 1 600 сажень и что первая из этих цифр могла бы быть принята за норму. А как в настоящее время многие хозяева, чтобы иметь особое обеспечение в исправной уплате крестьянами податей, прибавляют к каждой усадьбе 1 000 саж. земли, которая за неуплату отбирается, то г. Никифоров предлагает принять эту меру и при переходе крестьян в срочно-обязанное состояние.

Предполагаемый автором размер усадеб, основанный на сведениях о ныне принятом среднем пространстве их, нам кажется почти достаточным; что же касается до прирезания к каждой усадьбе добавочного участка, то главное неудобство, по нашему мнению, заключается в том, что если так или иначе выкупятся полевые земли, состоящие в пользовании крестьян и окружающие деревню со всех сторон, то эти мелкие участки, данные им для обеспечения уплаты податей, но принадлежащие собственно помещику, будут находиться посреди крестьянской земли и, следовательно, образуют чресполосное владение.

В статье г. Персианова «Оценка вознаграждения за труд крестьянина в барщинном имении Тульской губернии» автор делает расчет, по которому оказывается, что крестьянин, наделенный на тягло 6 десятинами полевой земли, $1\frac{1}{2}$ десятины сенокоса и усадьбой в $\frac{1}{2}$ дес., получает примерно валового дохода 71 руб. 20 коп., а за исключением того, что стоит обработка земли по наемным ценам — 29-ти руб. 98-ми коп., остается чистой прибыли 41 руб. 22 коп., следовательно вознаграждение его землей составляет ровно половину действительной ценности его работы. Этот результат был бы поразителен, если бы из расчета г. Персианова не было видно, что он принял за норму господской запашки $2\frac{1}{4}$ десят. на тягло в каждом поле; мы не можем не усомниться, чтобы в большей части имений Тульской губернии действительно существовали такие огромные запашки, требующие по самому рас-

чету автора 200 мужских и стольких же женских дней, а, по нашему мнению, едва ли не более, следовательно по меньшей мере 50 мужскими и 50 женскими днями более дозволенного законом.

«Журнал землевладельцев», № 8

Статья г. Кривцова «Мнение орловского и саратовского помещика» заключает в себе мысли автора по поводу некоторых §§ предложений г. министра внутренних дел начальникам губерний об открытии комитетов для улучшения быта крестьян; так, например, по поводу § 1, в котором сказано: «устройство крестьян должно быть произведено не вдруг, а постепенно, для того крестьяне должны быть в переходном состоянии», — автор говорит, что «ни в каком случае не должно допускать крестьян к участию в составлении каких бы то ни было условий, ...так как от столкновения интересов по невежеству крестьян могут произойти разные неприятности и беспорядки». Но мы полагали, что по Своду законов только те дела считаются правильно веденными, в которых одинаково выслушивались обе стороны, и только те контракты признаются действительными, в которых условия не продиктованы одной стороной без согласия другой. Относительно натуральных повинностей, которыми крестьяне должны быть обложены за землю, автор находит, что прежнего порядка трехдневной работы не должно изменять, ни ограничивать никакими инвентариями, разве только для того, чтобы поравнять общие интересы, назначить в тягла всех без исключения крестьян и, заведя запашку по числу этих новых тягол (которых будет более прежнего по крайней мере в полтора раза), отделить половину земли для помещика с тем, чтобы из каждых двух тягол одно постоянно находилось на барщине, которая, таким образом, составит гораздо большее число рабочих дней, чем могло быть при прежнем порядке (заметить должно при этом, что говорит помещик многоземельной губернии Саратовской, где количество пашни большей частью ограничивается только числом рук), и сверх того еще предоставить помещику право требовать на 12 дней каждый год все тягла сгоном в уплату долга за усадьбы, который таким образом должен быть платим в течение 12 лет. Предоставляем читателям оценить мысли г. Кривцова.

Статья г. Кичеева «Мысли по крестьянскому делу» заключает в себе почти те же предположения. Автор сверх того признает справедливым обрабатывать господские и крестьянские поля сообща и урожай делить пополам, а в оброчных имениях меру крестьянской повинности предоставить определять помещикам с правом изменять ее при каждой ревизии и с тем, чтобы даже те из крестьян, которые уже выкупили свои усадьбы (выкуп предполагается отдельный по семьям), не имели права отказываться от ле-

жащих на них повинностей, а за отказ облагались двойным оброком. Эти предположения, кроме ограничения права прибавлять оброк временем ревизий, ничем не разнятся от порядка, существующего при крепостном праве.

Статья г. Бэля «А что сделать с крестьянами нищими?» начинается описанием состояния двух имений, доведенных до совершенного разорения: одно необдуманно нововведениями, бесполезными постройками и т. д., а другое постоянным выжиманием из него крайних возможных выгод всеми средствами, в числе которых была поголовная барщина по пяти дней в неделю с вычетом ненастных дней и наверстаньем их в хорошую погоду. От положения самих имений автор переходит к нравственному состоянию крестьян, которые, по его мнению, так унижены и убиты духом, так сроднились со своей нищетой, что не только по бедности своей не имеют никакой возможности выкупить усадьбы или без постороннего пособия обзавестись всем нужным для успешного хозяйства, но даже и при оказании им помощи не способны употребить ее в пользу без учреждения над ними строжайшей опеки. В пример трудности, которую представляет улучшение состояния подобных крестьян, г. Бэль приводит одно небольшое имение в Московской губернии, которое после нескольких владельцев, разорявших его, наконец досталось благонамеренному человеку: несмотря на неусыпные труды и значительные пожертвования помещика, едва в десять лет удалось ему несколько улучшить состояние крестьян; а до тех пор все, что он давал им для поправки их хозяйства, пропивалось в Москве. В виде первого шага к улучшению состояния нищих крестьян и вознаграждения их за понесенные сверх законной меры труды автор предлагает отдать им усадьбы безвозмездно.

На это редактор «Журнала землевладельцев» в сделанной им выноске возражает, что хотя, конечно, помещик, посредством злоупотребления крепостного права доведший крестьян своих до нищенства, еще весьма немного вознаградит их, если отдаст им усадьбы даром, но сделать такое пожертвование обязательным невозможно по самой невозможности доказать, что разорение крестьян произошло именно от этого злоупотребления, а не от других причин; относительно же имений, переходивших в разные руки, — доказать, что настоящий владелец расстроил имение, а не один из его предшественников; и если бы даже это было вполне доказано, то как разуверить соседних крестьян, что они не имеют права на такое же снисхождение?

Ответа на это возражение — сознаемся с прискорбием — мы не находим кроме того, который может быть найден в Своде законов, именно в тех статьях, которые говорят о превышении и злоупотреблении власти и о взысканиях за то. Но единственным средством к открытию истины могли бы быть показания соседей: можно ли ожидать от них беспристрастия? Нам кажется, что

возможно, потому что было бы оскорбительно для помещиков предполагать в большинстве соседних помещиков расположение давать фальшивые показания; притом о фальшивых показаниях есть статьи в XV томе Свода законов. Не забудем также, что и соседние крестьяне также соседи. Притом могут быть свидетелями разные чиновники, купцы и разночинцы; в каждом уезде можно найти множество людей разного звания, хорошо знакомых с бытом окрестных деревень и хозяйством помещиков. А по закону достаточно показание двух свидетелей. Можно бы также спросить: как, — не говоря уже о лицах, спокойно умерших, — привлечь к ответственности тех, которые, выжав из крестьян последний сок (техническое выражение) и составив иногда таким образом значительные капиталы, продали выгодно имения, хотя и за несколько меньшую цену против благоустроенных и наслаждаются теперь плодом своих праведных трудов? На это в Своде законов также есть правила, которые были бы достаточны для большей части подобных случаев (о вознаграждении лица, потерпевшего убыток по взысканию с имущества, проданного ему другим и подвергшегося взысканию). А если бы некоторые немногие из лиц, продавших такие имущества, и могли ускользнуть от взыскания, то эти исключения не могли бы служить препятствием действию общего постановления: нет такого проступка, по которому некоторые виновные не успевали бы укрыться от действия закона. Надобно, впрочем, вообще сознаться, что еще не скоро могут быть излечены все язвы, нанесенные России крепостным состоянием. Но во всяком случае излечение самой глубокой между этими язвами — нравственного унижения крестьян, под гнетом нищеты потерявших сознание человеческого достоинства, — должно ожидать от благотворного действия времени и новых, истинно человеческих отношений, в которые они будут поставлены, а не от предполагаемой г. Бэлем опеки, которая в глазах крестьян составила бы продолжение крепостного состояния, в то время как вокруг себя они видели бы других свободными. В высокой степени желательно было бы, чтобы нашлось средство подкрепить этих несчастных на пути к исправлению только действительным, хорошо рассчитанным пособием, а не опекой — да и кому поручить эту опеку? Лучше предоставить их собственным силам, предполагая, конечно, что им была бы дана в ссуду с рассрочкой на известное число лет сумма, нужная на выкуп усадеб и необходимого количества полевой земли, так как мы и вообще считаем это единственным хорошим способом к прочному улучшению быта помещичьих крестьян. При этом выкупе владельцам разоренных имений, от которых отошли бы во владение крестьян разоренные также усадьбы и истощенные поля, могло бы быть назначено вознаграждение в меньшем против других помещиков размере, и, следовательно, крестьянам пришлось бы уплачивать меньшую сумму. Затем можно надеяться,

что сначала опомнятся между ними самые энергические натуры и при свойственной русскому крестьянину практичности поймут, что положение их уже не безвыходно, а нашедши счастливый исход, покажут пример и подадут руку помощи остальным. Известно на практике, что иногда обогащение одного двора в деревне распространяло благотворное влияние на целую общину, так что многие помещики нарочно не отпускали на волю семейство, могущее заплатить за себя значительный выкуп, чтобы с удалением его не иссяк источник выгодных занятий для остальных.

«Журнал землевладельцев», № 9

В этом номере, между прочим, находится статья г. Данилова «Практические замечания на статью «О новых условиях сельского быта», помещенную в февральской книжке «Современника». Не желая вдаваться в полемику, мы не станем в подробности разбирать опровержения, приводимые г. Даниловым против выраженных в помянутой статье мыслей, предоставив суждение об них читающей публике, а ограничимся тем, что бросим взгляд на самые главные из этих возражений.

Г. Данилов находит несправедливым мнение, что избранные дворянством в разные должности по местному управлению чиновники хотя и знали о происходящих в некоторых имениях вопиющих злоупотреблениях помещичьей власти, но большей частью не вступались, чтобы не восстановить против себя людей, от которых зависит их выбор и в зависимости от которых они находятся постоянно во все время отправления своих должностей. Автор говорит, что зависимость этих чиновников от избирателей с окончанием баллотирования их также оканчивается, — вероятно, потому, что от избирателей не зависит сменять чиновников до окончания срока их службы. Сменять их, конечно, избиратели не могут, но перестанут посылать им почти окладные пособия птицей, маслом, овсом и пр., на которые низшие между выборными чиновниками привыкли также рассчитывать как на свое жалование, а потом ни за что не выберут в другой раз: последнее опасение, равно как и уверенность за беспристрастный разбор крестьянских жалоб быть поставленными на враждебную ногу не только с лицами, злоупотребляющими помещичьею властью, но и с большинством других дворян, которые по сословному самолюбию примут их сторону, и иметь вследствие того неприятности на следующих выборах, удерживало и многих предводителей. Такие объяснения мы сами неоднократно слышали от благонамеренных, но слабых характером людей, служащих по выборам.

Не соглашается еще г. Данилов и с той мыслью, что практическая польза образованности наименее чувствительна для отца, оставляющего своим детям крепостное состояние, и делает для

опровержения ее сильнейшее нападение на людей (исключительно?) светски образованных и схоластически ученых. Но спросим мы, если бы крепостное состояние не существовало, то было ли бы возможно наше рутинное, невежественное хозяйство? Не сделалось ли бы для помещика необходимостью знание науки сельского хозяйства, а следовательно и других естественных наук? Наконец, возможно ли предположить, чтобы человек, приобретший основательные познания в этих науках, остался бы совершенным невеждой в других предметах?

Далее г. Данилов восстает против того мнения, что обязательный труд или, что то же, крепостное состояние было одной из главных, а может быть, и самой главной причиной накопления долгов на дворянских имениях; автор приписывает это явление исключительно расточительной жизни помещиков и пренебрежению их к собственным делам. Но мы убеждены, что ни при какой другой организации сельского труда это расстройство дел не могло сделаться столь всеобщим. Или помещики сами вынуждены были бы более или менее заниматься своими имениями и, встречая постоянную нужду в капиталах для затрачивания их на хозяйство, зная, что без чистых денег и получение текущих доходов для них невозможно, тем самым были бы останавливаемы от истощения своих денежных средств бесполезными издержками или, может быть, водворился бы у нас какой-либо порядок, сходный с фермерством на Западе: тогда строгая определенность доходов, не увеличивающихся ни при каком урожае, полагала бы предел расточительности. Между тем при крепостном состоянии крестьян помещик, имеющий нормального дохода, положим, около 5 000 руб. серебром, в неурожайный год получал иногда менее трети — каких-нибудь 1 500 руб. и должен был кормить 300 или 400 душ. А подобных годов бывало иногда в течение пяти лет три. Прибавьте к этому убеждение, свойственное людям, не привыкшим рассчитывать, и никогда, впрочем, не оправдывавшееся на деле, что один год хорошего урожая все вознаградит и что, как бы ни были расстроены денежные дела владельца имения, хозяйство, движущееся единственно обязательным трудом, будет идти своим порядком, и вы получите целый ряд причин разорения нашего дворянства, которых общий корень — крепостное право.

Опровергать одно за другим все возражения г. Данилова против статьи «О новых условиях сельского быта» значило бы, с одной стороны, доказывать давно признанные всеми истины, с другой — далеко перейти за пределы настоящего обозрения. Скажем только, что цель этих доводов одна: доказать во что бы то ни стало необходимость, хотя относительную, обязательного труда. Не имея уже явно никакой возможности отстаивать этой мысли для целого государства, автор опирается на мнение Тенгоборского, что в тех местностях, где торговля и промышленность

слабы, крестьянину удобнее отбывать свои повинности работой, нежели деньгами. Разделив подобные местности, обыкновенно называемые глухими сторонами, на два вида: на хлебородные, но очень удаленные от торговых пунктов, и на не-хлебородные и вместе не-мануфактурные, автор говорит, что в первых хлебопашество при отмене обязательного труда должно значительно уменьшиться в размере, а в других оно может существовать только при этом условии и с уничтожением его вовсе прекратится. Если бы это даже было справедливо, то, кажется, жалеть не о чем, так как уменьшиться при отмене неестественных условий может только производство, искусственно развитое сверх должной меры, а уничтожиться — совершенно излишнее; но мы и с тем не согласны, так как местности первого рода с улучшением путей сообщения, которое мы надеемся увидеть в весьма непродолжительном времени, перестанут быть глухими сторонами, а сделаются житницами России; в краях же, отнесенных ко второму роду, где земледелие и теперь производится преимущественно женщинами для прокормления их самих, детей и стариков, между тем как мужчины находятся на заработках в столицах, оно в настоящем виде своем обуславливается не крепостным правом, а необходимостью и, несмотря на уничтожение этого права, будет существовать в том же виде.

Статья г. Клеофаса Дымши «О необходимости введения ипотечарной системы» заключает в себе кроме доводов об этой необходимости, в которой все более или менее убеждены, некоторые предположения о самом способе введения ипотек. Для этого автор предлагает:

1. Чтобы все кредитные учреждения, правительственные и судебные места и, наконец, частные общества и лица в назначенный срок дали знать надлежащим уездным судам о всех числящихся на каждом имении взысканиях и претензиях, причем помещики, владеющие несколькими имениями в разных уездах, должны указать, на которое из них они желают отнести обеспечение каждого из своих долгов, а если не пожелают это сделать, то немедленно бы уплатили долг.

2. Чтобы в то же время все помещики предъявили судам актовое право свое на владение имениями со всеми относящимися к ним нужными сведениями.

3. Чтобы судьи, заведя алфавитные долговые книги и внося в них полученные сведения, дополняли их извлечением из дел своих и местной гражданской палаты, внося в эти книги выписки о всех производящихся по имениям спорах и тяжбах.

4 и 5. Чтобы впредь до составления общей оценки имениям владельцы не имели полного права ответственной ипотеки, но получали из суда выписки, удостоверяющие только меру свободы их имений; в самой же капитальной ценности имущества частные лица, желающие вступить в какие-либо сделки с вла-

дельцами, могут удостоверяться сами, а казенные места и кредитные учреждения — принимать ее на основании установленных правил.

Эти предположения нам кажутся совершенно соответствующими своей цели и вполне заслуживающими внимания. Только введение ипотечарной системы может положить твердое основание столь шаткому у нас частному кредиту.

В двух статьях своих «Земля в пользование» и «Назначение работ по оценке за землю» г. Н. Никифоров сначала доказывает, что при существовавших до сих пор условиях хозяйства ни наемная, ни продажная цена земель не могут дать верного понятия об истинной ценности их, которая может быть выведена только из среднего дохода; потом, полагая, что чистый доход от хлебопашества можно с некоторой верностью принять в половину валового, так как во многих местностях России земли отдаются под обработку из половинного урожая, автор исчисляет, что помещичий крестьянин в центральных губерниях, наделенный на тягло $1\frac{1}{2}$ десят. в поле, $\frac{1}{4}$ десят. конопляника, 1 дес. луга и сверх того пользующийся выгоном, получает всего дохода с пахотной земли 71 руб. 64 коп., половина которых составляет 35 руб. 82 коп., а прибавив за луг наемной платы 3 руб. 50 коп. и за выгон 1 руб., всего 40 руб. 34 коп. Принимая же во внимание, что к цене барщинных работ, которые крестьянин отбывает за право пользования этим доходом, следует прибавить стеснение в употреблении свободных дней, происходящее для него от необходимости работать на помещика в назначенное время, автор считает справедливым по примеру Остзейских губерний убавить за это одну шестую, вследствие чего из 40 руб. 34 коп. следует отчислить 6 руб. 62 коп., и останется 33 руб. 62 коп. На основании этой цифры, считая мужской день

летний конный в	25 коп.
» пеший »	20 »
зимний конный »	15 »
» пеший »	0 »
женский день в житво в	20 »
» летний и весенний кроме жнива в	10 »
» зимний по короткости времени »	5 »

г. Никифоров полагает справедливым обложить крестьянина, владеющего угодьями в предположенном у него размере, барщинной работой по 134 летних конных дня, заменяя некоторое число этих дней пешими, зимними и женскими днями, соразмерно с ценностью их, так что выходит всего мужских дней 120, в том числе конных 79, и женских 123. В доказательство же справедливости своего расчета г. Никифоров приводит ныне существующее в Эстляндии положение о барщинных работах, исполняемых крестьянами за землю, и, переводя употребляемые в нем размеры

угодий на русские, выводит, что отношение между количеством земли и числом рабочих дней в нем то же самое.

Кроме несколько уменьшенной оценки крестьянских рабочих дней (в большей части местностей центральной России конный день в рабочую пору стоит 35 коп.), расчет г. Никифорова кажется нам не совсем верен уже и по своему главному основанию, полагающему чистый доход равным целой половине валового. Известно, что чем теплее климат, тем больше часть дохода, остающаяся на долю ренты. В Англии и Франции климат теплее, нежели в России. Но по де-Лаверню (*Essai sur l'économie rurale de l'Angleterre*, 3-е издание. Париж, 1858, стр. 98) чистый доход составляет менее одной третьей части валового дохода, именно только 30 %. Каким же образом у нас можно считать его в целую половину? Один из сотрудников самого «Журнала землевладельцев», г. Волков («Ж. з.», № 12, отделение IV, стр. 99), находит, что одна только наемная плата за обработку, не считая процента на другие статьи оборотного капитала (то есть не считая семян, ремонта, амбаров, издержек по управлению), поглощает более двух третей валового дохода; стало быть, мы должны считать чистый доход менее чем в одну треть валового. А если так, то расчет г. Никифорова совершенно изменяется, и по его собственным основаниям следует считать на крестьянине вместо 33 руб. 82 коп. только 23 руб. 20 коп. или еще менее. Это значит, что и число рабочих надобно по его же основаниям уменьшить на третью долю. Из этого мы видим, что если увеличить крестьянский надел хотя до двух десятин в поле, то все-таки согласно с замеченной нами разницей в цене рабочего дня итог барщинной работы нужно уменьшить на третью часть против того, что кладет г. Никифоров.

«Журнал землевладельцев», № 10

Из числа статей, помещенных в этом номере, мы заметим статью г. Протасьева «Предположения об устройстве крестьян Сапожковского уезда Рязанской губернии». За надел земель примерно по семи десятин на тягло автор полагает назначить барщинной работы 93 дня, или 28 руб. серебром оброка с обеспечением помещика круговой порукой мира, имеющего право принимать против неисправных членов своих понудительные меры, из которых первая — принуждение их зарабатывать недоимочные деньги в свободное время по определенной таксе; сверх того, автор считает нужным постановить, чтобы при рекрутском наборе на второй очереди после штрафных состояли недоимщики, конечно за исключением тех, которые пострадали от каких-нибудь несчастных случаев: пожара, падежа скота и т. п., а совершенно неисправные отдаваемы были в солдаты или в распоряжение пра-

вительства с продажей всего их имущества на покрытие недоимки, и чтобы отказывающиеся от установленной работы подвергались наказанию как ослушники закона. Помещикам, по мнению автора, следует по возможности устранять себя от столкновений с отдельными лицами, а стараться действовать на них посредством мирского управления, которое не должно безусловно подчиняться власти помещика, а только состоять под его контролем вроде того, как присутственные места второй инстанции подчинены начальнику губернии; только в важных поступках против своего лица помещик должен иметь право представлять крестьян в уездное присутственное место для отдачи в рекруты или удаления из имения. Подати должны быть взыскиваемы особым избранным крестьянами сборщиком, а помещик совершенно освобождается от ответственности за них. В случае такого требования со стороны помещика, которое покажется крестьянину неправильным, он может обратиться в мирское управление с просьбой указать ему статью устава, на которой требование основано, и если статьи не окажется, то ему предоставляется жаловаться уездному правлению, а на определения этого присутствия апеллировать высшему начальству, но независимо от жалобы он должен исполнить требование, за неправильность которого помещик отвечает уплатой убытков втрое.

Крестьяне каждого прихода составляют общество, подведомственное одному мирскому или вотчинному правлению, состоящему, если в приходе около 1 000 душ, из трех, а если около 1 500, из пяти членов, избираемых сходкой хозяев и носящих название старшин, которые при вступлении в должность приводятся к присяге и изъяты на все время службы от рекрутства и телесного наказания, а жалованья получают 30 руб. серебром в год. Тому же правлению присваивается и судебная власть: оно имеет право подвергать крестьян за проступки наказанию розгами не свыше 40 ударов, налагать на них штрафы работой или деньгами до 5 руб. и отдавать их в смиренные дома и арестантские роты сроком до 6 месяцев. Впрочем, дела, касающиеся собственного хозяйственного порядка, обслуживаются отдельно обществом крестьян каждого помещика. Участие в делах мирского управления принадлежит из числа владельцев прихода только одному, избираемому прочими дворянами на три года и называемому помещиком-расправником, или вотчинным начальником, который утверждает членов вотчинного правления и обязан наблюдать за ходом дел, но без права решительного голоса, так что в случае его несогласия с старшинами дело переходит в уездное правление, составляющее вторую инстанцию. Оно состоит из трех членов от крестьян, избираемых на три года предварительно выбранными по одному от каждого прихода представителями, и столько же от дворян и собирается, если нет особенно спешных дел, раз в неделю; почему дворяне, не отвлекаясь

этой службой от управления своими имениями, могут служить без жалованья, а крестьяне получают по пятидесяти руб. Если же по многочисленности дел признано будет нужным установить ежедневные заседания с тем, чтобы члены жили в городе, то дворянам назначается содержание по 500, а крестьянам по 120 руб. в год. В порядке судебного уездное правление никакому другому месту не подчиняется и дает отчет в своих действиях только по требованию министерства внутренних дел, но апелляции же дела правления переходят к начальнику губернии.

Дворовых людей автор разделяет на три разряда. К первому относятся собственно слуги и должностные, никакому мастерству не обученные, которые могут быть или отпущены на волю без земли и без всяких ограничений, или с их собственного согласия обращены в крестьян. Ко второму — мастеровые, за обучение которых платил помещик; они должны оставаться в обязанном состоянии, если помещик того пожелает, пока не внесут уплаченной за них суммы или соразмерного с ней выкупа: год службы по выходе из учения зачисляется мужчинам за 25 руб., а женщинам за 15 руб. Дворовые третьего разряда — земледельцы увольняются на тех же условиях, как крестьяне. Старики свыше 55 лет остаются на попечении владельцев, равно и сироты, которых они обязаны стараться обучить ремеслам без платежа денег посредством отдачи на года с тем, чтобы по выходе из учения молодые люди могли приписаться к мещанским или сельским обществам.

Относительно всего этого мы должны заметить: за неуплату повинностей отдавать в солдаты с продажей всего имущества — не мало ли такое наказание? Не лучше ли было [бы] колесовать или по крайней мере ссылат в каторгу? По мягкости сердца мы готовы были бы согласиться на назначение каторги; но справедливость, как нам кажется, требует колесования. Боже мой! Неужели мы до сих пор не совестимся не понимать, что по гражданскому иску уголовные наказания не могут быть назначаемы?

Для распространения грамотности г. Протасьев полагает сначала обязать сельских священников принять на себя обучение хотя двух мальчиков на каждые 100 душ в приходе и обратить особенное внимание на трех-четырех из способнейших с тем, чтобы они могли со временем быть хорошими учительскими помощниками, а в вознаграждение назначить священникам около 60 руб. в год. Автор не определяет, из каких средств должны производиться эти расходы, но, повидимому, полагает отнести их на особый сбор с крестьян, так как далее он говорит, что через семь или восемь лет, когда взносы крестьян облегчатся, можно будет учредить училища в большом размере. На тот же источник, повидимому, предполагается отнести и расход по содержанию при каждом приходе богадельни, а в каждом стану больницы: последний должен простираться до 1 600 руб. серебром. Хорошо,

если все это действительно должно быть содержимо на счет крестьян. Мы, люди образованные, желаем просветить их, — так пусть они платят деньги. Кажется, прежде всего надобно бы сообразить, тяжелы или легки для них повинности и подати и без этих прибавок.

В заключение своей статьи г. Протасьев говорит, что тогда только быт крестьян можно будет считать приведенным в удовлетворительное состояние, когда:

1) в каждом селе будет училище, в котором все без исключения могут получать умственное и нравственное образование;

2) в каждом приходе будет больница и богадельня;

3) застрахуются крестьянские строения от огня, скот от болезней, поля от града;

4) под рукой у крестьян будут фермы, где они могли бы научиться на опыте улучшенному хозяйству, и заведения для обучения ремеслам и мастерствам;

5) когда уничтожат кабаки, губящие их нравственно и материально, или по крайней мере разрешат вольную продажу вина, которая доставит им средства без больших расходов удовлетворять столь сильной в народе склонности к пьянству, что она может казаться врожденной. В доказательство пагубного влияния кабаков можно указать на государственных крестьян.

При всем нашем сочувствии к первым четырем желаниям г. Протасьева мы, однакоже, не можем разделить мысль, выраженную в пятом: по нашему мнению, не кабак вреден, а происходящие в продаже питей злоупотребления, и если с отменой откупной системы и введением вольной продажи вина он сделается просто местом розничной торговли хлебным вином, где крестьянин будет иметь возможность за сходную цену удовлетворять не страсти к пьянству, а естественной потребности северного жителя, то пускай кабак продолжает свое существование. Что же касается до упоминаемой автором страсти, то она при таком понижении цен на вино, которое даст возможность крестьянину употреблять его ежедневно, будет встречаться гораздо реже, а при постепенном распространении в народе образования даже сделается исключением.

Г. Протасьев, говоря о барщинной или оброчной повинности крестьян за занимаемую ими землю, ничего не говорит о выкупе усадеб; вероятно, он думает, что при взимании платы за пахотную землю и полевые уголья платеж за усадьбу был бы двойным взиманием за одну ценность. Мы не можем не одобрить такого мнения. Некоторые из его предположений об устройстве мирского управления нам кажутся довольно основательными. Тем не менее, при этой организации, как и при всякой другой, крестьяне, обрабатывающие чужую землю не по добровольному, а по определенному извне договору, неминуемо будут поставлены в неприятные отношения к землевладельцам; для этого не нужно ни

особенных притязаний со стороны помещика, ни большого своеволия со стороны крестьян: враждебность отношений явится необходимым последствием сложности и неопределенности их. Чтобы убедиться в этом, достаточно несколько вникнуть при рассмотрении всевозможных проектов такого рода в смысл статей, определяющих степень зависимости мирского управления крестьян от помещика. Единственное средство, могущее устранить эту запутанность отношений, — выкуп земли чрез посредство кредитной операции погашением долга в более или менее продолжительное время, который сразу обеспечит прочным образом благосостояние помещиков и поставит общину в независимое и совершенно определенное положение.

К статье г. Протасьева приложено составленное им по применению к местным условиям края урочное положение и дополнительная записка об обработке земли наймом, из которой видно, что наемный работник с работницей, которые заменят собой два полных мужских и женских тягла, со всеми причитающимися расходами на содержание и ремонт лошадей, орудий, строений и пр., будут стоить помещику 88 руб. серебром; при поденном же найме обработка полевой десятины с обмолотом хлеба и доставкой на пристань, принимая в круглом счете и паровую десятину, обойдется в 5 руб. 14 коп., а уборка луговой в 1 руб. 60 коп.

«Журнал землевладельцев», № 11

Статья г. П. Сумарокова «Данные для поземельного кредита в хлебобородных губерниях России» в числе разных сведений об иностранных и русских кредитных учреждениях заключает в себе весьма любопытную таблицу курса закладных листов, выданных обществами Силезским, Бранденбургским, Померанским, Западной Пруссии, Восточной Пруссии и Познанским с 1807 по 1848 год. Изложив вообще недостатки нашей системы поземельного кредита, автор обращается к вопросу о выкупе крестьянской земли и указывает на удобства, представляемые лучшей организацией кредита, для приобретения крестьянами с весьма незначительными чистыми деньгами участков, достаточных для обеспечения их благосостояния.

Из других статей этого номера заметим статью «По крестьянскому вопросу» князя Шаховского. Автор, выразив свое полное сочувствие к мысли о выкупе земель, находящихся во владении крестьян, в собственность их с немедленным освобождением их от власти помещиков изъявляет сомнение в том, чтобы они при многолетней привычке к постоянному за ними наблюдению и при недостатке энергии, произведенном в них крепостным состоянием, были способны настолько усвоить себе свое новое положение, чтобы, ведя свое хозяйство совершенно самостоятельно, без-

недоимочно уплачивать проценты и капитал лежащего на них за выкупленную землю долга. Для избежания недоимок и доставления им возможности приобретать самостоятельность по мере развития в них трудолюбия и надлежащей расчетливости князь Шаховской полагает: оценить все состоящие в пользовании крестьян земли и угодья и составить подробную таксу на все полевые работы, обложить сначала каждое тягло барщинными работами в таком размере, чтобы стоимость их, считая не по дням, а по обработанной земле, составила на ценность состоящей в пользовании тягла земли семь процентов. Из числа этих семи процентов автор полагает шесть собственно в доход помещика как нормальный размер ныне получаемого дохода с населенных имений и один на составление выкупного капитала. За работы, составляющие седьмой процент, помещик обязан вносить приходящуюся сумму в губернское присутственное место, которое будет учреждено для заведывания крестьянским делом. Между тем крестьянам должно быть объявлено, что кто из них желает освободиться от барщинной работы, тот должен к 1 марта внести сполна вперед за год оброк, равный ценности причитающихся с него работ. С переходом на оброк соединяются все права свободного состояния; только за накопление значительной недоимки крестьянин опять переводится на барщину. Естественно, что первые воспользуются этим предложением самые зажиточные между крестьянами; но затем и другие, побуждаемые их примером, будут стараться также освободиться от барщины; а для того, чтобы в имениях, где много зажиточных крестьян, [от] внезапного перехода слишком большого числа тягол на оброк не произошло затруднения в работах, предоставляется помещику право перечислять с каждым годом на оброк не более одной двенадцатой полного числа; таким образом, автор надеется, что в несколько лет большая часть тягол перейдут на оброк, на барщине же останутся только самые бедные и неспособные, но и те, постоянно побуждаемые желанием освободиться от нее, наконец найдут средство достигнуть этого. Из оброка, так же как из цены работ, помещик обязуется вносить седьмую часть на составление выкупного капитала, и из этих ежегодных взносов, составляющих один процент с ценности всех крестьянских земель, будут составлять значительные суммы. Губернское место, заведывающее ими, будет ежегодно вызывать желающих к получению капитальной суммы. Если явится желающих больше против количества собранных денег, то преимущество отдается тому, кто сделает против оценки большую уступку. Получивший сполна всю оценочную сумму теряет всякое право на крестьян и земли их, а они продолжают платить попрежнему до окончательного выкупа всех земель в губернии. Не разобранные владельцами деньги могут быть отдаваемы для приращения процентами в Опекунский совет. При самых благоприятных для

этого денежного оборота условиях, то есть если вносимые на выкуп суммы будут каждый год разбираться, все крестьянские земли могут быть выкуплены через 33 года, а при самых худых, предполагая приращение 3-мя процентами, в 47 лет, 4-мя в 41 год. По окончании этого срока останутся невыкупленными только те земли, которых владельцы не захотят их продать. Крестьяне таких имений могут или положить составившийся для них капитал в кредитное учреждение, тогда проценты будут почти достаточны для уплаты владельцу ренты, а при более выгодном употреблении даже превзойдут ее, или купить земли в другом месте и перейти на них, причем имеют право перенести с собой все свои постройки.

Если бы мы разделяли с князем Шаховским его недоверие к практическим способностям русского крестьянина и если бы считали возможным растягивать существование барщины и обременительных уплат за выкуп на 33 или более года, то, может быть и нашли бы в его проекте какие-нибудь стороны преимущества перед некоторыми другими проектами подобного рода; но и в этом случае мы признали бы необходимым сделать уступку этих земель за уплату стоимости их по оценке из крестьянского капитала, обязательной для помещиков, так как крестьяне, выплатив эту сумму деньгами или работой и сверх того платя столько лет на нее обременительный процент, неоспоримо приобретают право на возделываемую ими землю, тем более, что к истечению выкупного срока цены на землю должны значительно возвыситься, вследствие чего крестьяне с своим капиталом не будут в состоянии приобрести тогда такое количество земли, как ныне, и сочтут себя (впрочем, весьма справедливо) обиженными против соседей.

«Журнал землевладельцев», № 12

Статья г. Селиванова «Об усадьбах». Автор начинает исчислением различных неудобств, могущих оказаться при отводе усадеб и полевых земель крестьянам в тех имениях, где дом помещика и все хозяйственные строения его находятся посреди деревни. До сих пор, говорит г. Селиванов, три поля, принадлежащие крестьянам, располагались около деревни таким образом, чтобы к каждому из них можно было проехать, не переезжая другого, и чтобы во время нахождения его в пару скот мог быть прогоняем без потравы других полей. Но земли ближайšie к деревне, будучи ежегодно лучше других удобряемы, приобрели большую ценность, и потому нельзя ожидать, чтобы помещик нашел возможным эти земли отдать крестьянам, а вероятно, будут отделены им другие, более отдаленные. Таким образом, не только уничтожится прежнее удобство особого проезда к каждому полю, но еще усадьбы крестьян будут отделяться от выде-

ленных им полевых земель землями помещика, по которым они должны будут ежедневно и сами проезжать и прогонять скот.

Сверх того, при слишком близком соседстве лиц, ведущих совершенно разный образ жизни, могут беспрерывно от всевозможных мелочей встречаться поводы к столкновениям, имеющим чисто личный характер. Для избежания этих неудобств автор предлагает, чтобы в подобных имениях помещику предоставлено было право отвести крестьянам место для усадеб вне деревни, где окажется удобнее, и непременно к тем полям, которые будут отведены им в пользование, но зато без всякого вознаграждения и с принятием на его счет всех издержек по переселению. Принятие этого пожертвования, где помещик пожелает его сделать, автор полагает признать для крестьян обязательным, а самый выбор мест предоставить добровольному соглашению.

Мы должны сделать об этом следующие замечания. Если слишком близкое соседство помещичьей усадьбы с крестьянскими окажется для кого-нибудь неудобным, когда крестьяне будут освобождены, недовольному соседством будет полная воля переселиться куда ему угодно; разумеется, если он хочет, он будет иметь полное право испытывать и другое средство: он может убеждать неприятных ему соседей переселиться от него; разумеется, тут будет уже полюбовная сделка, которая тогда будет действительно добровольной, — качество, которого не имела бы она при переселении крестьян до освобождения. Во всяком случае, мы не находим, чтобы в предполагаемой безденежной уступке крестьянам мест для усадеб заключалось действительное пожертвование, потому что помещик взамен приходившегося ему вознаграждения, которое за какие-нибудь 1 400—1 600 квадратных сажен полевой земли не может быть слишком значительно, приобретает не только старую селитьбу, составляющую несколько десятин превосходно удобренной земли, которая стоит в пять или шесть раз дороже, чем такой же участок в другом месте, но еще сверх того лучшие из крестьянских полей. В имениях, расположенных таким образом, как описывает г. Селиванов, обыкновенно примыкают к селению с одной стороны господские, с другой — крестьянские поля, и потому нам казалось бы, что чересполосности тут еще нет. Невыгодность предполагаемого автором обмена видна уже и из того, что он предлагает сделать принятие его для крестьян обязательным. Вообще переселение крестьян с возделанных ими мест на невозделанные мы полагали бы допустить не иначе, как по освобождении крестьян. Если же делать переселение принудительным для крестьян при самом освобождении, крестьянские хозяйства расстроятся от принужденного переселения.

Г. Башкатова «Предположения о будущем устройстве помещичьих крестьян в губерниях хлебородных и густо населенных». Автор находит, что для сохранения хороших отношений между помещиками и крестьянами надобно, чтобы они были как можно менее связаны искусственным образом, и потому полагает развязать настоящие отношения их способом простым, но невозможным в исполнении по своему решительному несогласию с национальными обычаями и всем бытом нашим, а именно он полагает: наделить крестьян на душу таким количеством земли, которое бы вместе с усадебной составило на душу ценность в 50 руб. серебром; немедленно заложить эту землю на 33 года в кредитном учреждении в полную цену и удовлетворить за нее помещика, обязав крестьян уплачивать проценты и погашать долг; перевести их на новые места, где окажется нужным, с пособием от владельца по назначению комитета, и затем прекратить все обязательные отношения между помещиками и крестьянами. При этом автор полагает ценить старую усадебную землю, где она останется за крестьянами, 50 процентами дороже полевой и надеется, что переход их в новое положение мог бы быть совершенно окончен в три года. Но если выкупается полевая земля, то за усадьбу уже не должно полагать еще особенной платы: ведь они собственно не приносят никакого дохода помещику отдельно от земли, да и сами по себе не имеют для него никакой продажной ценности. Сверх того, если надел по 50 руб. на душу предполагается автором менее настоящего надела, такое освобождение было бы для крестьян хуже крепостного права; отбирать у крестьян часть той земли, которой они теперь пользуются, значило бы не улучшать, а сделать худшим прежнего их быт. Но, быть может, автор полагает, что и за настоящий надел вместе с усадьбами не надобно полагать более 50 руб. на душу? Если так, он действительно желает пользы крестьянам да и самим помещикам, которые останутся сами в убытке, если освобождение станет производиться невыгодным для крестьян образом. Что касается его мысли о необходимости развязать всякие обязательные [и принудительные] отношения между помещиком и крестьянами, этот взгляд есть единственный справедливый и практичный взгляд.

Статья г. С. Волкова «Об отдаче земель в аренду и о вольнонаемном труде» начинается весьма справедливыми соображениями о невыгодах барщины, на которой, по мнению автора, ежедневно пропадает по крайней мере четвертая часть употребляемых на хлебопашество рабочих сил, что составляет в год ничем не возмездимого убытка до 28 600 000 руб. серебром. Затем автор исчисляет неудобства, могущие встретиться при отдаче земель крестьянам в аренду; из них главное, по его мнению, и служащее корнем всем прочим есть отдаленность полей, ныне составляющих запашку помещика, от крестьянских дворов,

вследствие которой крестьяне не будут иметь возможности унавоживать их, и земли, истощаемые в продолжение нескольких лет, совершенно потеряют цену. Что же касается до обработки наймом, то она, по мнению г. Волкова, не для всех возможна, потому что требует затраты значительных капиталов и независимо от того поглотит две трети валового дохода, до 25 руб. серебром с десятины, — цена до такой степени огромная, что она может относиться разве только к самым промышленным уездам Московской губернии. По всем этим причинам автор полагает, что самым выгодным способом хозяйства как для Московской губернии, так и для всего Северного края следует признать половщину или половничество, между прочим и потому, что при этой организации сельского труда работник, который должен получить половину урожая, имеет прямой интерес трудиться добросовестно. Стоимость этого способа обработки для землевладельца та же, что при наемной обработке, так как кроме земли он даст и удобрение; но зато он избавляется от большей части предварительных расходов. Впрочем, автор сознается, что в настоящее время еще нет возможности безошибочно судить как о стоимости наемной обработки вообще, так и о том, что будет выгоднее: содержание ли постоянных батраков, или наем поденщиков.

Половничество — система вовсе несправедливая в наших северных землях; оно обременительно даже и в Южной Франции. У нас чистый доход, как мы уже замечали, едва ли составляет и 30 процентов валового дохода. Как бы то ни было, в промышленных и сильно населенных губерниях, каковы Московская, Владимирская и Ярославская, половничество, по нашему мнению, может быть только скоро преходящим фазисом сельского хозяйства, как бы переходом от обязательного труда к совершеннейшим формам земледелия. Мы не сомневаемся, что с изменением условий сельского быта капиталы, до сих пор никогда почти не сбравшиеся у нас к хозяйству, в числе других путей исхода направятся и на этот, один из самых выгодных; по самому признанию г. Волкова, суммы, употребленные им на хозяйственные улучшения, приносят ему 15 процентов. Тогда указываемое автором затруднение к успешному арендованию крестьянами земель — отдаленность помещичьих полей от деревень — уничтожится устройством среди самих отдаваемых в аренду земель нужного числа отдельных дворов или ферм, которые, конечно, не останутся без сьемщиков; с другой стороны, и самая обработка обширных дач наймом со введением улучшенных способов хозяйства и при существующих уже теперь высоких ценах на все естественные произведения распространится повсеместно и будет приносить значительные выгоды предприимчивым капиталистам.

Г. И. Сабурова «Соображения, касающиеся до улучшения быта крестьян». Из этих соображений мы узнали, что комитетам невозможно будет отчетливо окончить свое дело без точного объяснения того хозяйственного положения, в котором находятся помещики и крестьяне; что дворянство не должно считать этого дела легким; что оно повсеместно будет иметь самое сильное влияние на земледелие, и несколько других столь же несомненных истин. Из мыслей, не принадлежащих к этому разряду, мы заметили одну, также весьма справедливую, что крепостное право в отношении к земледельческим имениям тягостно не столько по юридическому, политическому и хозяйственному своему значению, сколько по тем злоупотреблениям, которым оно служит опорой. Действительно, по злоупотреблениям крепостное право нередко составляло зло решительно невыносимое, а там, где они не доходили до высшей степени, могло быть вынесено, что самым очевидным образом доказывается огромным числом людей, его выносивших.

Статья г. Н. Волкова «Соображения об устройстве крестьян в Черниговской губернии». Эта статья начинается изображением, и, должно отдать автору справедливость, весьма верным, бесчисленных неудобств и затруднений, сопряженных с барщинною организацией сельского труда во время переходного состояния. «Положим, — говорит автор, — крестьянин дурно пашет, неровно сеет, высоко косит и т. д., — нужно тотчас бежать в присутствие, звать члена; иначе через несколько часов не будет уже никакой возможности поправить дело и взыскать с виновного. Явится член, крестьянин станет оправдываться, отнекиваться, сваливать вину на другого и т. д. Что тогда делать?» Если допустить бесконтрольное право взыскивать по жалобе помещиков — это значит оставить крестьян в прежней или еще худшей зависимости; если же члены правления будут находиться под влиянием крестьян, помещик не только лишится всего предоставленного ему по новому положению дохода, но постоянно будет играть жалкую и смешную роль человека, не получающего удовлетворения на свои справедливые жалобы. Наконец, предположив даже невозможное, состав присутствия из членов совершенно добросовестных, какие же взыскания установить за дурно исполненные рабочие уроки? Телесное наказание может быть допущено только за уголовные преступления по суду, а применять его к упущениям в исполнении обязательной работы бесчеловечно, безнравственно и несвоевременно. Денежный штраф также неприменим: у большей части крестьян, особенно у нерадивых, нет гроша за душой. Об аресте даже и говорить смешно: какого размера нужен был бы дом, чтобы ввести систему одиночного заключения? А ввести нужно было бы именно эту систему,

иначе ленивые крестьяне будут стараться попасть под арест. Последний способ наказания — принуждение за дурно исполненную работу отработать лишнее число дней — надавал бы помещикам при неизбежном влиянии их на присутствие столько штрафных дней, что число их далеко превзошло бы размер трехдневной барщины, следовательно улучшение быта крестьян осталось бы одной мечтой.

Единственным средством к избежанию таких ложных и неестественных отношений автор признает выкуп и, переходя к определению следующего помещикам вознаграждения, говорит, что безрассудно было бы требовать уплаты, соразмерной с количеством получавшегося при крепостном праве и злоупотреблениях его дохода от имений, и потому расчет следует делать единственно на основании продажной стоимости их. Для примера г. Волков берет имение в 100 ревизских душ с 450 десятинами земли, которое по настоящим средним ценам 240 руб. серебром за душу стоит 24 000 рублей; если в этом имении наделить крестьян по $1\frac{1}{2}$ десятины на душу, то у помещика останется 300 десятин ценой по 40 руб., всего на 12 000 руб.; следовательно, чтобы быть вознагражденным за понесенную им потерю, он должен получить 12 000 руб., или по 120 руб. за ревизскую душу, вместо которых правительство может выдать четырехпроцентные облигации по 125 руб. серебром с погашением их крестьянами по банковому расчету и с выдачей капитала по тиражу. Для ускорения уплаты автор полагает даже на первое время употреблять на нее капиталы, внесенные в кредитные установления с благотворительными целями, и все дворянские суммы с возвратом израсходованных денег из поступающего с крестьян сбора и сверх того предоставить помещикам облигациями вносить установленный в привилегированных губерниях акциз за винокурение и платить за работу крестьянам, для чего должен быть установлен размер облигаций на известное число контрамарок.

Насколько верна, по нашему мнению, начертанная г. Н. Волковым картина затруднений и беспорядков, сопряженных с барщиной во время срочно-обязанного состояния, настолько же призрачным кажется нам расчет вознаграждения помещикам. Хотя автор и говорит, что это вознаграждение должно быть соображено не с получаемыми при крепостном праве доходами, а с продажной ценой имений, но на чем же основана эта продажная цена, если не на получавшихся до сих пор доходах? В приведенном здесь примере владелец 450 десятин, стоящих, по словам самого автора, по 40 руб. серебром за десятину, за отходящие от него 150 десятин должен бы был получить по ценности земли не 12 000 руб., как рассчитывает г. Волков, а 6 000 руб. серебром с некоторой прибавкой за усадебные земли, если только они не заключаются в предполагаемом наделе по $1\frac{1}{2}$ десятины на душу, остальные же 6 000 руб. составили бы выкуп личности

крестьян, которого в настоящее время перестали требовать и самые настойчивые приверженцы крепостного права. Притом и самый надел по $1\frac{1}{2}$ десятины на душу, следовательно $3\frac{3}{4}$ десятины примерно на тягло, слишком мал, чтобы обеспечить надлежащим образом не только благосостояние крестьян, но и платеж по 6 руб. 25 коп. с души, составляющий 5% на сумму, вдвое большую против ценности отведенных им угодий. Что же касается до предположений автора о платеже винного акциза в казну облигациями и задельной платы крестьянам контрамарками, то первое, кажется нам, могло бы быть принято, хотя с некоторыми ограничениями, и в особенности при повсеместной отмене откупной системы значительно бы ускорило непосредственное удовлетворение помещиков, а второе едва ли оказалось бы удобным на практике по самому неудобству применения к мелким суммам процентного расчета, составляющего главное условие обращения всякого рода облигаций.

«Журнал землевладельцев», № 14

А. Потулова «Общая формула для оценки поземельных угодий и крестьянских повинностей». Основную единицу для определения поземельного дохода автор принимает доход с десятины, засеянной рожью, и сравнительно с ним определяет ценность сенокосов, выгонов, усадебной и огородной земли.

Отношение этих ценностей, также и ценности урожая ярового хлеба к доходу от ржи зависит от местности имения и от местных промыслов, и автор по разнообразию этих условий разделяет имения, во-первых, на исключительно земледельческие, земледельческие и промышленные; во-вторых, на подгородные, близгородные и дальние, и затем еще подразделяет промышленные имения на такие, в которых крестьяне занимаются промыслами дома или по крайней мере в ближайших местностях, и такие, из которых они для промыслов отлучаются в дальние места и на продолжительные сроки. Для каждого из этих разрядов г. Потулов полагает особую норму отношения дохода от земель, состоящих под усадьбами, лугами и проч., к доходу от ржи. Основная идея автора относительно оценки усадеб состоит в том, что, от каких бы промыслов или занятий крестьянин ни получал свой доход, его все же следует считать поземельным доходом, так как получение его обуславливается владением землей или по крайней мере усадьбою, а потому и часть, приходящаяся на долю помещика, должна быть принимаема за доход от земли. Как на самый яркий пример осуществления этой идеи, автор указывает на некоторые имения в промышленных губерниях, где крестьяне вовсе не занимаются земледелием, но живут весьма зажиточно, платя по 10, по 15 и более рублей оброка с тягла, так что по по-

лучаемому с него помещиком доходу полудесятинный участок усадебной земли стоит от 400 до 600 руб. серебром. В таких имениях, считая валовой доход с полудесятины ржи в 10 руб., ренту равною $\frac{1}{3}$ этой суммы — 3 руб. 33 коп. серебром, а оброк с тягла в 20 руб., по расчету г. Потулова доход с усадебной земли в 6 раз более получаемого от ржи — высшая мера этого дохода. Напротив, в селениях исключительно земледельческих и притом отдаленных от городов доход с усадебной земли принимается только в полтора раза против дохода от ржи, а остальные разряды селений находятся между двумя крайностями.

Обращаясь затем к распределению валового дохода между владельцами и крестьянами, автор говорит, что самой справедливой нормы для него надобно искать в местном обычае относительно найма земель с некоторым понижением цены в пользу крестьян, платящих ренту деньгами. Таким образом, в местностях, где наемщики обрабатывают землю за $\frac{1}{3}$ произведений, крестьяне должны быть обложены оброком в $\frac{4}{7}$ (немного менее $\frac{2}{3}$) получаемого ими дохода, а где наемщики отдают половину урожая, оброк должен быть $\frac{3}{7}$ (несколько менее $\frac{1}{2}$).

Чтобы лучше объяснить применение этих положений, автор берет в пример промышленное имение в окрестностях Петербурга, где, по его мнению, доход с усадебной земли в 6 раз более получаемого от ржи, от ярового поля равен ему, а с луга и выгона составляет $\frac{3}{4}$ его; крестьяне наделены $\frac{1}{2}$ десятиной земли под усадьбами, 1 десятиной в каждом поле и $\frac{1}{2}$ десятиной луга с выгоном, всего 5 десятинами. Урожай ржи, за исключением семян, по три четверти с десятины, а цена ржи 4 руб. 50 коп., следовательно доход с ржаной десятины 14 руб., оброк с тягловой земли предположен в $\frac{1}{3}$ валового дохода.

Валовой доход с тяглого участка:

С $\frac{1}{2}$ десятины усадебной и огородной земли	42 руб.	
» десятины ржи	14 »	
» десятины ярового	14 »	
» $\frac{1}{2}$ десятины луга и выгона	15 »	75 коп.
<hr/>		
Итого	85 руб.	75 коп.

Оброк с тягла 28 руб. 60 коп.

Для определения стоимости исполняемых крестьянами земледельческих работ автор предполагает, что хотя она в действительности менее дохода, получаемого от тягловой земли, но ее следует считать равной этому доходу с тем, чтобы крестьяне имели копейку на черный день и работали на помещика не по точному расчету стоимости работ, а несколькими процентами выше; при этом условии, по мнению автора, труд их во время

переходного состояния не будет ниже свободного труда. Согласно с этим положением г. Потулов считает, что самая справедливая цена рабочего дня получится, если цифру валового дохода, получаемого крестьянином от тяглового участка, разделить на все число рабочих дней, необходимое ему для исполнения как барщинных, так и своих домашних работ.

Мы не видим, к чему бы послужило на практике предположение автора об определении дохода с каждого рода земель по сравнению с доходами от земли, находящейся под рожью, так как эти доходы могут быть всего лучше определены действительною ценностью среднего урожая; принятие же особой, неизменной формулы для каждого рода имений невозможно по бесконечному разнообразию местных хозяйственных условий и по невозможности провести определенную черту раздела, например между имениями исключительно земледельческими и просто земледельческими, следовательно заключающими в себе некоторые начатки промышленности, и между этими имениями и промышленными. Что же касается до огромной ценности земель там, где крестьяне хлебопашеством вовсе не занимаются, основанной на получаемых ими промысловых выгодах от усадеб, то эту ценность мы признаем действительною только в таком случае, если будет доказано, что посторонние наемщики дали бы за эти усадьбы плату, равную получаемому от крестьян оброку, и притом эта плата приходилась бы не за возведенные крестьянами большую частью на свой счет строения, а собственно за местные выгоды. Ежели же оброк много превышает могущую получиться с посторонних наемщиков плату, то он есть налог на промышленные способности крепостных людей, подобный взыскиваемому некоторыми помещиками оброку по 100 и более рублей серебром с особенно даровитых крестьян или дворовых людей, занимающихся ремеслами или торговлей в столице, ничего не получающих от своего владельца, кроме освобождения от полевых или домашних работ, разве только обученных ремеслу на его иждивении и то большую частью посредством отдачи на года, следовательно почти бесплатно. Подобный оброк вовсе не может быть принимаем в соображение при определении ценности крестьянских угодий.

Способ, придуманный автором для определения ценности рабочего дня посредством разделения получаемого крестьянами дохода на сумму барщинных и домашних рабочих дней, нам кажется весьма неудобным, потому что домашние работы крестьян исполняются кроме тягловых людей и полурабочими, а при несколько усиленной барщине почти исключительно лежат на полурабочих, которых отношение к числу тягол во дворе совершенно случайное; таким образом, в одном дворе оказалось бы одно число рабочих дней, а в другом — совершенно иное.

**УСТРОЙСТВО БЫТА ПОМЕЩИЧЬИХ КРЕСТЬЯН, № 10
БИБЛИОГРАФИЯ ЖУРНАЛЬНЫХ СТАТЕЙ ПО КРЕСТЬЯНСКОМУ
ВОПРОСУ**

«Русский вестник», ноябрь, книжка вторая

В этой книжке, между прочим, находится статья Покорского-Жоравко, предводителя дворянства Мглинского уезда Черниговской губернии: «Что стоило нам крепостное право». Автор, не признавая бесправности крепостного состояния, которого законность, по мнению его, родилась в России велением Бориса Годунова, рассматривает это учреждение сначала с нравственной стороны и весьма справедливо выводит из него почти все, что мы находим дурного как в существующих отношениях между крестьянами и помещиками, так и в отдельном характере обоих сословий: с одной стороны, ложное понимание ценности труда и безотчетное употребление его; затем раздражительность, презрение к подвластному сословию и жестокость; с другой стороны, вследствие отсутствия права распоряжаться своим трудом и непрочности самой собственности — отвращение от работы, всевозможные обманы для уклонения от нее и леность, не оставляющая крестьянина и на домашней работе. Затем, обращаясь к цене, в которую обходился помещику труд крепостного крестьянина, г. Покорский-Жоравко говорит, что за эту цену мы бы могли купить правильный, честный и хорошо вознагражденный труд и распоряжаться им с чистым сердцем и неповинными руками, а в подтверждение такого суждения делает следующий расчет.

В имении, состоящем из 200 душ, поселенных в 75 дворах, и выставляющем ежедневно на господскую работу 50 мужчин и 50 женщин, помещик дает крестьянам:

1) Топливо	
2) По две десятины на двор (то же, что в великороссийских губерниях тягло) пахотной земли.	
3) По две десятины сенокосной земли и	
4) По одной десятине огорода.	
Помещику это вознаграждение стоит:	
Топливо на 75 печей по 1 сажени в месяц ценю в 2 руб. серебром	1 800 руб.
Пахотная земля по 2 руб. 50 коп. за десятину, принимая плату только за четыре десятины из шести	750 »
Сенокосная земля по 6 руб. 70 коп. за десятину	1 005 »
Огородная земля по 30 руб. серебром за десятину	2 250 »
<hr/>	
Итого	5 805 руб.

Между тем по существующим ценам для вольного найма 50 работников и 50 работниц стоили бы, полагая на мужчину платы по 30 руб., а на женщину по 20 руб. серебром в год и на

харчи каждому лицу по 18 руб. серебром, не более 4 300 руб. серебром, так что по этому расчету помещик переплачивает за крепостной труд сравнительно с свободным 1 505 руб., то есть по 15 руб. на каждого работника и работницу. От этого излишка платы, по мнению автора, происходит убыточность большей части промышленных предприятий нашего дворянства, основанных на крепостном праве, так как в хозяйстве земледельческого дефицит маскируется невыдачею денег, а в фабричном выражается очевидным убытком и вследствие того упадком заведения.

При внимательном рассмотрении расчета, сделанного г. Покорским-Жоравко, оказывается, что не только его нельзя признать правильным выражением стоимости крепостного труда вообще в земледельческих имениях России, но и для Черниговской губернии сомнительно, чтобы принятые в нем основания могли быть признаны верными. Конечно, в имении, подобном приведенному автором, хотя и было бы по великороссийской норме от 70 до 90 тягол, из которых ежедневно исправляла бы пригон только половина, но с лишними или сгоновыми днями, существовавшими во всех почти хозяйствах, составилось бы кругом немногим менее 50 человек рабочих каждого пола; зато в других цифрах, выражающих получаемое крестьянами вознаграждение за обязательный труд, при сравнении приводимых автором условий с существующими в других краях, оказывается огромная разница. Снабжение крестьян дровами по сажени на двор или на тягло в месяц автор оценивает в огромную сумму 1 800 руб. серебром, между тем как в большей части империи 900 сажень дров поленных могут быть куплены на городских рынках, следовательно со включением в продажную цену стоимости привоза, за сумму от 500 до 800 руб. серебром. Весьма сомнительно, чтобы в Черниговской губернии отопление крестьянских изб производилось столь ценными дровами, так как в лесных местностях для этого употребляется валежник, сухие сучья, в совершенно безлесных — солома, бурьян и приготовляемые из навоза кирпичи. Равным образом, и за луговую землю автор полагает такую наемную плату, которая за пустошные луга, какими большей частью владеют крестьяне, почти нигде не получается и едва не доходит до платы за поемные луга. Наконец за десятину огородной земли и наем усадьбы г. Покорский-Жоравко назначает примерную плату по 30 руб. серебром на том основании, что за огороды, отдаваемые внаем посторонним лицам, землевладельцы получают иногда до 60 руб. серебром с десятины; но в настоящее время почти все согласны с тем, что огородные земли крестьян, как получившие высшую против полевых земель ценность единственно от потребленного ими труда и удобрения, без всякого участия помещика, должны быть ценны по размеру пространства наравне с полевыми, — следова-

тельно, и при оценке вознаграждения за крепостной труд огороды должны быть принимаемы с той только ценностью, которую они имели, когда были отведены крестьянам. Что же касается до строений, то их можно было бы считать полной собственностью помещика, отдаваемою крестьянам внаем, только в таком случае, если бы помещик прежде заплатил крестьянину за употребленный на возведение их труд, — чего, разумеется, никогда не бывало, — или по крайней мере на соответствующее число дней уволил его от барщины, — что хотя и встречалось, но весьма редко.

Изменив согласно с этими замечаниями выведенные автором цифры, мы нашли бы итог получаемого крестьянами вознаграждения за крепостной труд несравненно меньший против ценности самого труда, и этот итог подтвердил бы мнение, ныне всеми принятое, что при крепостном состоянии крестьяне даже в хорошо управляемых имениях давали работою несравненно более ценности отведенных им угодий. В известной степени равновесие могло восстановиться обязанностью помещика кормить своих крестьян в неурожайные годы, но мы знаем, как эта обязанность исполнялась: в такие годы благодаря всеобщей безрасчетливости помещик большею частию находился в невозможности даже удовлетворить нуждам своего семейства — и только разрешаемые правительством ссуды выручали бедствующий край, вовлекая его в то же время в неоплатимые недоимки на будущие годы. Если кроме вредных нравственных последствий крепостное состояние имело вредное влияние и на материальное благосостояние класса помещиков, то это произошло через посредство нравственных причин, так как возможность вести хозяйство почти без всяких расходов и растрачивать безрасчетно время и труд человеческий произвела в помещиках беспечность и расточительность, а эти пороки, как естественное последствие, привели за собою почти всеобщее расстройство денежных дел и самих имений.

Во второй декабрьской книжке «Русского вестника» помещена между прочим статья г. Ржевского «Опыт разрешения вопроса о выкупе земли». Прежде изложения своего проекта автор считает необходимым разрешить четыре вопроса:

- 1) Желают ли крестьяне купить, а помещики согласны ли продать землю, предоставляемую крестьянам в пользование?
- 2) Каким образом определить размер и цену этой земли?
- 3) Где взять капиталов на ссуду крестьянам для покупки земли?
- 4) Чем можно обеспечить возврат этой ссуды, то есть каким образом устроить, чтобы крестьяне исправно уплачивали проценты и капитал в те сроки, которые будут назначены?

Обращаясь сначала к первому из этих вопросов, автор говорит, что крестьяне будут желать приобретения в собственность

предоставленной им в пользование земли только в таком случае, если от этого не увеличится сумма ежегодных повинностей или платежей и если они увидят на самом деле примеры удобства подобной сделки. Помещики же будут желать продажи крестьянам означенных земель в таком только случае, если им будет предложен капитал, относящийся к получаемому от этих земель доходу так, как относится обыкновенно покупной капитал к получаемым в виде дохода процентам. На основании этих соображений г. Ржевский полагает необходимым поставить правилом, чтобы за основание расчета как постоянная величина была принимаема та сумма, которую крестьяне могут без затруднения вносить ежегодно в виде уплаты процентов и капитала, чтобы эта сумма могла быть уменьшаема только в таком случае, если они пожелают купить земли менее, нежели сколько предоставлено им будет в пользование, и вообще, чтобы ни покупка, ни продажа не были обязательны.

В определение размера и цены земель, имеющих перейти в собственность крестьян, правительству, по мнению автора, вступать не следует: оно должно только удостовериться в том, что договор действительно заключается с полного согласия обеих сторон, для чего г. Ржевский предлагает постановить, чтобы проверка производилась на месте несколькими лицами, друг от друга не зависящими, и чтобы утвержденные условия публиковались и могли быть обсуживаемы в журналах.

Затруднение в приискании капиталов для уплаты помещикам за крестьянские земли, по мнению автора, частью устранится тем, что выкуп будет производиться постепенно, и потому одни и те же деньги, оборотившись, могут послужить к выкупу более нежели одного селения или может быть избегнуто выдачей помещикам вместо денег свидетельств, по которым они будут получать проценты до уплаты капитала. Для доставления же помещикам возможности удобным образом продавать выданные им свидетельства, которые г. Ржевский называет выкупными листами, он полагает раздробить их на небольшие суммы в 1 000 или 500 руб. серебром, принимать их в залоги по казенным подрядам и допустить залог их в местных банках и приказах общественного призрения в $\frac{4}{5}$ номинальной цены.

Обращаясь, наконец, к четвертому вопросу — о том, чем может быть обеспечен возврат ссуды, г. Ржевский сначала опровергает пример, на котором многие основывают свое убеждение, что крестьяне неспособны исправно уплачивать проценты на ссужаемый им капитал, а именно накопление недоимок на крестьянах государственных имуществ. По мнению автора, недоимки накапливаются неизбежно в следующих случаях: а) если места и лица, обязанные взыскивать срочные платежи, не исполняют своей обязанности или по каким бы то ни было причинам находят для себя выгодным допускать накопление недоимок; б) если

сроки платежей слишком отдалены один от другого, а потому и суммы, требуемые к уплате в один срок, слишком значительны; и, наконец, с) если взыскание производится по правилам круговой поруки, которая представляет как бы премию за несостоятельность в платеже податей и притом может служить более или менее действительным обеспечением исправного поступления только в соединении с временным рабством-кабадой или с крепостным состоянием.

По нашему мнению, круговая порука, в особенности при предстоящей ныне самостоятельной организации сельских мирских обществ, не может иметь того вредного влияния, которого ожидает от нее г. Ржевский. На первый взгляд может показаться весьма выгодным для каждого отдельного крестьянина, чтобы другие уплачивали за него подати; но в действительности положение недоимщика до такой степени незавидно, что едва ли кто, за исключением людей совершенно порочных, которых не исправит и никакая личная ответственность, себя поставит в это положение, если только имеет какую-нибудь возможность его избежать. Обмануть помещика притворной бедностью было возможно и во многих случаях даже легко; но обмануть мир, знающий о каждом приходе и расходе своих членов, невозможно. Притом действительный, безвозвратный платеж исправных крестьян за недоимщиков может встретиться лишь весьма редко; в большинстве случаев мир, без сомнения, найдет возможным принудить неплательщиков какими-нибудь общественными работами, например, отбыванием за все селение дорожной повинности и т. п., вознаградить сделанное для них пожертвование, а между тем от подобного обязательного труда по мирскому приговору весьма далеко до кабалы. Сам автор, считая необходимым устранить круговую поруку, говорит, что ее должно заменить несколько усиленной личной ответственностью, не прибегая, однакоже, ни к мерам жестокости, ни к таким, которые могли бы привести к пролетариату; но при полной личной ответственности с человеком, накопившим неоплатные недоимки и не старающимся об очищении их, невозможно принять другую окончательную меру, кроме лишения его поземельного участка и, следовательно, обращения в пролетариат или, что почти то же, насильственного переселения. Предположить же, как делает г. Ржевский, отдельную от мирского управления власть, которая имела бы право распорядиться принятием строгих мер против неплательщика или взятием в свое ведение его поземельного участка, — неизбежное последствие отмены круговой поруки, — значило бы окончательно уничтожить всякую надежду на самостоятельное развитие сельских обществ. Впрочем, и г. Ржевский, так горячо восстающий против круговой поруки, не мог обойтись без того, чтобы не ввести в свой проект, как мы увидим ниже, некоторые меры, отчасти основанные на этом начале.

Самый проект г. Ржевского состоит в следующем:

По введении срочно-обязанного положения крестьянам и помещикам предоставляется заключать между собою добровольные условия о цене и количестве покупаемой земли. Совершение подобных сделок ни для той, ни для другой стороны не обязательно. Условие излагается на бумаге, по возможности в кратких и понятных крестьянам выражениях, и рассматривается уездным и губернским предводителями дворянства, начальником губернии, председателем палаты государственных имуществ и, наконец, приказом общественного призрения. Получив условия и планы к 1 сентября, приказ не позже 1 декабря объявляет, согласен ли он сделать ссуду или нет и по каким причинам; затем, рассчитав ссуду с 1 января наступающего года, выдает помещику следующее ему вознаграждение выкупными листами в 500 руб. серебром каждый, а сумму, меньшую 500 руб., деньгами; если имение заложено в кредитном учреждении, то приказ уплачивает долг и удерживает соответствующую часть выкупных листов. Срок займа — 33-летний; крестьяне платят 4% интереса, $1\frac{1}{2}\%$ на погашение капитала и $\frac{1}{2}\%$ в пользу приказа, на усиление его состава. При самом заключении условия крестьяне обязаны представить в обеспечение сумму, равняющуюся годовому платежу, а затем вносят проценты помесечно, за каждый месяц вперед; по окончании же заемного срока внесенная предварительно сумма зачитается в уплату последней части капитала. Наблюдение за платежом крестьянами процентов возлагается ближайшим образом на самый приказ общественного призрения, который между тем независимо от поступающих к нему платежей ежегодно после 1-го января выдает по 4% предьявителям закладных листов и сверх того из полученных им процентов погашения уплачивает по известному числу этих листов капитал, руководствуясь старшинством номеров, а для предварительного извещения владельцев публикует в ведомостях обеих столиц список номерам, назначенным к уплате; такой же список выставляется и во всех присутственных местах губернии. Проценты на билеты, заложенные владельцами в приказе (как выше сказано за $\frac{4}{5}$ капитальной суммы), зачисляются в пользу приказа, а когда эти листы поступят на очередь к уплате, то приказ доплачивает на них владельцам остальные сто рублей.

Следующие от крестьян взносы распределяются помесечно и зачисляются приказом по каждому селению отдельно сначала в уплату процентов до составления полной годовой суммы их, а потом в погашение капитала; в самих же селениях назначаются из крестьян по выбору общества и с утверждения окружного начальника особые сборщики, которым чрез окружное правление выдаются ежегодно контрамарки для раздачи лицам, внесшим причитающиеся с них части платежа; о неплательщиках окружной начальник обязывает сельский сход сделать приговор для

возбуждения их к платежу зависящими от него мерами. Приказ ежемесячно сообщает палате о всех недоимках по сбору, и если к 1 января наступающего года на каком-либо селении останется за истекший год недоимка, то он пополняет ее из суммы обеспечения, а когда она истощится, то уведомляет об этом палату для принятия более строгих мер взыскания. Палата предписывает волостному начальству отдать наиболее неисправных плательщиков в заработки к частным лицам, которые пожелают их взять с уплатой всей условленной за работу суммы вперед. Срок отдачи в заработки не должен быть более одного года, а за побег от хозяина до окончания срока работник наказывается по военным законам, о чем ему объявляется при самой отдаче. В случае недостаточности этой меры к пополнению недоимки палате предлагается отдать часть угодий селения внаем посторонним лицам на более или менее продолжительные сроки, а если количество недоимок накопится до общей суммы сделанной первоначально ссуды, то приказ имеет право назначить половину всей земли в продажу с публичного торга, которая признается действительной и утверждается только тогда, когда предложенная сумма будет равняться двум третям всей ссуды; остальная же часть обеспечивается остальной половиной земли, и платежи за нее назначаются прежним порядком. Если, наконец, за продажей половины земли селение окажется слишком малоземельно, то палата государственных имуществ делает распоряжение о выселении в дальние губернии тех из крестьян, которые были наиболее виновны в накоплении недоимок.

На первый из предлагаемых автором настоящей статьи вопросов — желают ли помещики продать, а крестьяне купить землю, г. Ржевский отвечает за обе участвующие стороны: «да, если только цена будет безобидная». Мы полагаем, что это согласие, кроме справедливого назначения цены, может зависеть и от другого обстоятельства, по влиянию которого или помещик может быть вынужден взять за известное количество земли гораздо менее действительной стоимости его, или крестьяне могут согласиться дать гораздо более. Это обстоятельство есть будущая организация срочно-обязанного положения. Смотря по тому, в пользу которой стороны на самом деле сложится эта организация, та или другая сторона будет иметь явное преимущество в переговорах об окончательной сделке. Далее автор говорит, что за основание расчета как постоянная величина должна быть принята сумма, которую крестьяне могут без затруднения ежегодно платить, в виде уплаты процентов и капитала, и хотя он не договаривает, но так как мысль без этого добавления не полна, то мы полагаем, что означенная сумма в мысли г. Ржевского должна быть признаваема нормой справедливого вознаграждения за количество земли, вполне обеспечивающее благосостояние крестьян. По нашему мнению, эта норма слишком неопределенна, понятие

о затруднении совершенно относительное (в некоторых, богатых промышленностью, местностях крестьяне могут без слишком большого стеснения платить ежегодно, как и платят ныне, суммы, далеко превосходящие ценность отведенных им угодий) и по невозможности во всех тех краях, которых население живет не исключительно земледелием, определить, какое именно количество земли составит достаточное обеспечение. Проще было бы принять за основание доход, действительно получающийся от отдачи внаймы разного рода земель, и по расчету процентов, как говорит несколько выше сам г. Ржевский, вычислить продажную цену.

Относительно денежных средств, необходимых для выкупа, г. Ржевский полагает, что сумма их должна значительно уменьшиться от того, что выкуп будет не понудительный, а основанный на добровольных сделках, и, следовательно, даст время возврату и обороту капиталов. Нам кажется, что подобный оборот мог бы произойти в таком только случае, если бы назначение ссуд разделено было на несколько десятков лет; но такое предположение едва ли возможно допустить, а надобно полагать, напротив, что если только сопряженные с выкупом повинности не будут слишком стеснительны и в особенности если они, как, вероятно, и будет, не превысят установленных по срочно-обязанному положению, то в течение каких-нибудь трех или четырех лет во всех имениях крестьяне, обязанные и без того выкупить усадьбы и пробыть 12 лет в срочно-обязанном состоянии, изъявят желание выкупить землю, кроме разве некоторых исключительно промышленных селений, которых жители и теперь не занимаются земледелием, да и те если бы отказались от выкупа земли, то сделали бы весьма вредную для будущности их самих и их потомства ошибку. К изъявлению этого желания побудит крестьян даже и самое, сопряженное с получением ссуды, освобождение от личной зависимости. Конечно, могут быть и действительно есть в селениях отдельные личности, которым по особенной способности их к ремеслам или торговле, вообще к промыслам городским, выгодно как можно скорее и проще разорвать связь, прикрепляющую их к земле; но чтобы целому селению могло быть полезно отказаться от выкупа земель, могущего положить прочное основание благосостоянию его на несколько поколений, мы никак допустить не можем. Весьма трудно также предположить, чтобы крестьяне, отказавшись от выкупа той земли, которая им была отведена в пользование, без пособия кредита, приобрели землю в другом, более выгодном для них месте; так что вопрос заключается единственно в том, выкупить им эти земли или остаться вовсе без поземельной собственности? Между тем даже в тех краях, где теперь земля имеет весьма малую ценность и где хлебопашество почти исключительно производится женщинами и детьми, приобретение земли весьма важно для крестьян, так как

Оно доставит им возможность, отправляясь на заработки в столицу, самым дешевым образом обеспечивать свои семейства, которых содержание в городе стоило бы несравненно дороже, а со временем, при увеличении населения, земля должна приобрести еще большую ценность; разумеется, однакоже, что в этих краях выкупная цена ее будет несравненно ниже, чем в губерниях земледельческих.

Насколько, по нашему мнению, крестьянам выгоден в настоящее время выкуп отводимых им полевых земель, — конечно, за умеренную цену, — настолько же выгодно было бы помещикам оставить их за собой, совершенно независимо от той цены, которая может быть за них получена. Удержание земель в руках помещиков, в особенности в густо населенных губерниях, и если бы на это решились несколько самых значительных владельцев, совершенно изменило бы то отношение, которое должно образоваться между сословиями помещиков и крестьян, и поставило бы последних в столько же почти стеснительную зависимость от произвола первых, какая существовала при крепостном состоянии. Поэтому, хотя, конечно, от выкупа земель стало бы уклоняться только меньшинство помещиков, но во всяком случае, чтобы произвол одного лица, движимого своекорыстными расчетами, не мог лишить несколько семей, а может быть, и несколько тысяч человек, тех прочных основ благосостояния, которые доставляются всему сословию, нам казалось бы справедливым сделать уступку полевых земель в каком-нибудь определенном размере, составляющем *minimum* надела, и за определяемую посредниками из обоих сословий цену обязательной для помещика.

Для удержания предполагаемых г. Ржевским выкупных листов в надлежащей ценности он, между прочим, считает возможным допустить залог их в приказах общественного призрения с выдачей чистых денег в $\frac{4}{5}$ нарицательной их цены, но едва ли средства приказов окажутся достаточными как для этого оборота, так и для уплаты другим кредитным установлениям за все заложенные в них имения. Впрочем, и без этого права, если только взимание процентов на выкупной капитал будет хорошо организовано и платежи будут поступать безнедоимочно, нет причины предполагать, чтобы выкупные листы, принимаемые в залог правительством, не сохранили своей цены и в сделках между частными лицами, подобно облигациям разных земских банков в Германии, в числе которых многие выпущены были для той же цели, то есть для выкупа крестьянских повинностей.

Главную черту в предполагаемой г. Ржевским организации взыскания с крестьян выкупных платежей составляет непосредственное участие в делах сельской общины местного управления государственных имуществ. Нам кажется, что при образовании общины более всего надобно стараться о том, чтобы поста-

вить ее по возможности в самостоятельное положение и оградить ее не только от произвола помещика, у которого для нее выкупаются земли, но и от всякого излишнего вмешательства местной администрации. Что такого рода self-governement * у нас возможен, доказываются примерами многих оброчных имений, в которых владельцы и управители не бывают по несколько лет, а между тем крестьяне под управлением выбираемых ими самими старост, которые только для формы утверждаются помещиком, безнедоимочно уплачивают как подати, так и лежащий на них оброк, иногда довольно тяжелый, и сверх того нередко достигают значительной степени благосостояния. Особенно счастливым обстоятельством для подобных имений бывает то, если владелец занимает более или менее значительное место в службе или носит особенно громкое имя, так как в этом случае имя его ограждает крестьян от притеснения местных властей, которым иногда бывало довольно одного какого-нибудь повода, — совершенного в деревне преступления или даже найденного на земле ее мертвого тела, — чтобы обременить всю деревню. Если при крепостном состоянии крестьяне, предоставленные самим себе, умели так хорошо вести свои дела, где им никто не мешал, то тем более можно ожидать счастливого результата от самоуправления их, когда, сделавшись членами самостоятельной общины, они почувствуют свое достоинство и поймут, что лица, ими избранные в представители, назначаются не к тому, чтобы быть безответными орудиями в руках непосредственно над ними стоящей власти и в случае нужды отвечать за мир спиною или карманом, а к тому, чтобы действительно управлять мирскими делами для общей пользы. Это убеждение заставит крестьян совершенно иначе смотреть на право выбора должностных лиц, чем до сих пор смотрели те из них, которым это право было предоставлено. Старшинами, старостами, вообще под каким бы то ни было названием представителями общины будут самые умные и деятельные люди ее, и если бы даже мир когда-нибудь ошибся в выборе, то необходимость отдавать отчет мирской сходке и в важнейших случаях производить с ее утверждения пресчет в самом начале могущие произойти злоупотребления. Слишком близки всем этим людям интересы, которые будут поручены выборным, чтобы можно было предположить равнодушные общины к дурному управлению ими. Такое равнодушие является только тогда, когда или дела, поручаемые избранным людям, не до всех избирателей равно касаются, или когда избиратели уверены, что, кого ни назначь, никто не будет в состоянии принести истинную пользу; а это убеждение вселяется в них только тогда, когда над выборными лицами слишком близко стоит другая, чуждая общине власть. Конечно, для самоуправления, по крайней мере при том

* Самоуправление. — Ред.

положений, в которое будут поставлены наши сельские общины, необходимо существование в том или другом виде круговой поруки; но мы старались доказать, что это начало в действительности не имеет тех дурных сторон, которые в нем находят некоторые теоретики. Более того, мы даже убеждены, что при хорошей организации мирского управления, — а первую чертою такой организации мы признаем самостоятельность его внутри самой общины, — и при умеренном размере платежей за выкуп земли вовсе не представится надобности в тех крайних мерах, какие предполагает г. Ржевский относительно селений, на которых накопятся значительные недоимки, и что мир сам сумеет справиться с недоимщиками. Необходимо только, чтоб ему не мешали.

«Библиотека для чтения», 1858, декабрь

В декабрьской книжке «Библиотеки для чтения» окончен начавшийся еще в июне ряд статей г. Тернера под заглавием «Очерки современных сельскохозяйственных вопросов». В этих очерках, разделенных на 13 отделов, автор сначала обобщает и обсуждает по каждому из частных вопросов, на которые распадается общий вопрос об устройстве быта помещичьих крестьян, мнение других писателей, а потом излагает свои мысли о спорном предмете. Мы не будем следовать за г. Тернером в этом обозрении, заключающем в себе довольно полный свод всего, что было писано в последнее время о крестьянском вопросе, а ограничимся извлечением из всего ряда очерков главных его мнений.

Необходимую предварительную мерою к освобождению крестьян от крепостной зависимости г. Тернер признает введение срочно-обязанного состояния, которое, по его мнению, должно иметь весьма важное нравственное значение: оно приучит обе участвующие в нем стороны к почитанию взаимных прав и исполнению своих обязанностей, увеличит приверженность крестьянина к отводимой ему земле и сделает его достойным предстоящего ему нового положения. Независимо от того срочно-обязанное состояние предотвратит как необходимость в единовременном выкупе, так и недостаток рабочих рук, могущий произойти от внезапного прекращения барщины.

Необходимую принадлежность этого положения составляет выкуп усадеб и отвод крестьянам полевых земель в пользование; для достижения же при том и другом должной правильности нужны справедливые оценки как, с одной стороны, усадеб и полевых земель, так, с другой стороны, и самой работы. Относительно оценки усадеб г. Тернер полагает, что строения должны быть включаемы в нее только в таком случае, если они возведены с помощью денежной ссуды от помещика; если на купленный им за свои деньги лес — тогда к оценке усадебной земли может быть

прибавлено от 30 до 90%; самую же землю автор считает нужным ценить значительно выше полевой, уже и потому, что она на деле в настоящее время стоит гораздо дороже. В тех краях, где усадьбы имеют промысловое значение, по мнению г. Тернера, для правильной оценки следует отделить от получаемого ныне помещиками оброка часть, приходящуюся на полевые земли, — она будет большею частию весьма незначительна, — а остальное капитализировать или даже для сокращения расчетов капитализировать вместе весь оброк и обязать крестьян примерно в течение 30 лет платежом сверх оброка или процентов интереса одного процента погашения выплатить составившийся капитал. (Хорошо улучшение быта: заставить крестьянина, платящего ныне 25 руб. в год, платить в продолжение тридцати лет — целого поколения — по 29 рублей!) Для оценки полевых земель автор считает лучшим способом исчислить три главные элемента, а именно: 1) продажную цену десятины, или наемную плату при непринужденном договоре; 2) могущий получаться с десятины доход натурой и 3) средний оброк, или среднюю норму барщинной повинности; средний результат, выведенный из всех трех исчислений, будет ближе всех к действительной цене земли. Что касается до оценки барщинного труда, то г. Тернер для исчисления ее предлагает употребить следующий способ: взять цифру платимого в известной местности среднего оброка и разделить ее на число барщинных дней, — от этого получится оценка самая низкая; потом — цифру средней наемной платы в той же местности и умножить ее на дробь, выражающую отношение работы барщинника к наемной работе (так, например, если 5 барщинников в день сделают столько же, сколько 3 наемных работника, а поденная плата каждому батраку 40 коп., то на каждого из первых приходится в день $40 \times \frac{3}{5} = 24$); наконец сложить это произведение с прежде полученной цифрой и сумму разделить на 2, — последняя цифра и будет приблизительно верная цена барщинного дня.

Независимо от этих исчислений г. Тернер признает заслуживающим уважения и предлагаемый многими писателями способ оценки земель и причитающегося за них вознаграждения по сравнению с ценностью четверти ржи (одно из подобных предположений мы рассмотрели в библиографии, помещенной в февральской книжке «Современника») и, сверх того, советует комитетам обратить особенное внимание на произведенный министерством государственных имуществ при переложении податей с душ на землю так называемый народный кадастр. Этот способ, составляющий нечто среднее между ученою кадастрациею и эмпирическими средствами оценки, при весьма незначительной стоимости — по 8 коп. серебром с десятины — дал возможность министерству оценить весьма скоро и довольно верно все земли государственных имуществ в 13 губерниях.

Обращаясь к конечной цели настоящего преобразования, г. Тернер говорит, что при совершении его необходимо преимущественно иметь в виду:

- 1) Не развивая бродяжничества, облегчить переселение.
- 2) Развить класс крестьян-собственников.

Для достижения первой цели автор считает совершенно достаточным средством выкуп усадебных оседлостей, который, призвав в известной степени крестьян к земле, заставит их решаться на переселение только при очевидной и весьма верной выгоде, а притом еще даст им возможность чрез продажу усадеб приобретать денежные средства на подъем. Что же касается до второй цели, то г. Тернер, признавая, как мы видели выше, весьма полезным, чтобы в местностях исключительно промышленных, где полевые земли имеют весьма малую ценность, выкуп их начался одновременно с выкупом усадеб, для других краев считает достаточным в настоящее время ограничиться последним с тем, чтобы потом, когда экономическое состояние крестьян улучшится, выкуп полевых земель был ими произведен или на собственные средства, или с помощью местных банков. Относительно существующего ныне почти повсеместно общинного владения землями мнения г. Тернера, как он их кратко выразил в 13-м отделе своих очерков, следующие:

1) Общинное владение (от которого, впрочем, совершенно независимо общинное устройство) не имеет в себе элементов постепенного развития и потому постепенно должно перейти в частную собственность.

2) Этот переход должен совершиться естественным путем постепенного преобразования, а потому нельзя и думать о насильственном превращении общинного владения в личную собственность.

3) Так же вредно было бы сдерживать общинное владение насильственными законодательными мерами там, где оно по местным обстоятельствам уже стало вырождаться в личную собственность.

4) В большей части мест переход этот начнется не скоро и будет совершаться целым рядом переходов; но в некоторых селениях уже теперь показываются симптомы перехода к личной собственности.

5) Сдерживать эти переходы — значило бы сдерживать естественное развитие России, потому что производительность земли при общинном владении не может быть так сильна, как при личной собственности; между тем богатство жителей страны прямо пропорционально ее производительности, распределение же богатств играет только вторую роль, следующую за производством.

Согласно с этими убеждениями г. Тернер предлагает для применения их на практике принять следующие правила:

1) Поля должны быть выкупаемы там, где существует общинное владение, сообща всем миром.

2) По совершении выкупа общинники могут переходить постепенно по собственному желанию к системе личной собственности на землю, — такой постепенный переход может совершиться и до окончательной уплаты долга, если помещик или кредитное учреждение изъявляют на то согласие, заменив круговую поруку поземельной ипотекою.

3) Усадьбы с принадлежащею к ним землею должны выкупаться в личную собственность крестьян по состоянию их в настоящее время большею частию в личном потомственном владении крестьянских семей.

4) В случае, если выкуп усадеб происходит при посредстве кредитного учреждения, при встретившемся неплатеже со стороны собственника круговая порука опять возлагается на мир; но затем миру отдается половина огородов, конопляников и вообще всей усадьбы должника на пользование, пока доходы с нее не окупят его долга, причем эта половина может оставаться в пользовании мира или того крестьянина, который внес деньги за несостоятельного должника, и после окончательного выкупа земли от помещика, до уплаты частного долга миру за внесенные им помещику или банку выкупные за нее деньги (на уплату этого долга идет только половина усадьбы, чтобы никогда не оставить крестьянина без крова и без всяких средств к существованию).

5) По окончательном выкупе усадеб собственники имеют право продать их даже постороннему лицу, но только с согласия мира (впрочем, произвольные отказы должны быть ограничены) и при согласии со стороны покупателя подчиниться всем условиям общинного устройства и жизни, связанным с этими клочками земли.

За исходную точку своих предположений об устройстве быта помещичьих крестьян г. Тернер взял введение срочно-обязанного состояния, о неудобствах которого мы уже неоднократно высказывали свое мнение и потому не считаем нужным его здесь повторять. Относительно оценки усадебных земель мы полагаем, что включать в нее стоимость строения на том основании, что помещик на свои деньги купил лес, из которого они построены, было бы то же самое, что взыскивать с крестьян при освобождении их от крепостной зависимости все деньги, употребленные на прокормление их в неурожайные годы, или от дворовых людей требовать возвращения сумм, истраченных на содержание их во все время их службы. Помещик в той же мере был обязан помогать крестьянам в обстройке усадеб, как и кормить их во время голода или содержать дворовых людей. Равным образом не имеет он никакого права на особое вознаграждение за приобретенную усадебными землями, без всякого труда и пожертвования с его стороны, высшую ценность против полевых. Что же касается до определения ценности усадеб в промышленных краях посредством капитализации получаемого ныне оброка, то о неверности этого

мерила не стоит и говорить. Не упоминая уже о том, что в этих именно краях и взимаются те чудовищные оброки, которые мы иначе не можем характеризовать, как назвавши их *налогом на способности*, и, следовательно, составились бы по многим имениям громадные оценки; но чем виноват помещик, который при крепостном состоянии, не желая стеснить своих крестьян, довольствовался умеренным оброком, а теперь должен быть наказан за свою умеренность получением меньшего вознаграждения? Чем виноваты, с другой стороны, крестьяне, платившие до сих пор оброк в преувеличенном размере и осужденные именно за это заплатить несоразмерный выкуп, — разве только потому, что за освобождение от большего зла и заплатить можно дороже?

О русской сельской общине автор говорит, что она не имеет в себе элементов постепенного развития, а потому должна перейти в личную собственность, и будто бы даже в некоторых местах это преобразование началось. По нашему мнению, это заключение весьма преждевременно: если до сих пор община не выказала на самом деле таящихся в ней начал высокого развития, то это нисколько не доказывает, что по снятии тяготящих ее оков она не пойдет к этому развитию быстрыми шагами. Притом не очень блистательны вообще и результаты стоящего рядом с общиной помещичьего хозяйства, которое, однакоже, имеет основую совершенно отдельную, личную собственность. Если нам укажут на несколько отдельных примеров помещичьих хозяйств, доведенных до высокой степени процветания, то мы со своей стороны готовы назвать не мало деревень, в которых при общинном владении землею хозяйство крестьян находится в таком положении, какого только можно желать при настоящих экономических условиях земледелия. Скажем более, почти везде, где бремя крепостного состояния заметно облегчалось, крестьяне, если они только не были совершенно убиты духом от предшествовавшего угнетения, в скором времени приводили свое хозяйство в порядок и достигали весьма удовлетворительных результатов: общинное владение землею, повидимому, им не мешало. Почему же невозможно было бы дальнейшее развитие общины в этом направлении? Если теперь при мало-мальски благоприятных условиях хозяйство крестьян-общинников не уступает помещичьему, то почему с развитием вообще экономических понятий в нашем народе не могли бы привиться к его хозяйству и дальнейшие улучшения, в особенности если бы крестьяне увидели вокруг себя примеры удачного применения этих улучшений? Общинное владение совсем не требует таких частых переделов земли, как хотят доказать противники его; во всяком случае они не могут быть довольно часты, чтобы служить препятствием к тому, чтобы крестьянин хорошо уваживал и тщательно обрабатывал свою полосу, а тем более когда вследствие возвышения цен на землю

обработка ее вообще будет несравненно лучше настоящей. Недостаток кредита также не составит препятствия к улучшению хозяйства, потому что при надлежащем развитии его круговая порука целого общества достаточных землевладельцев будет достаточным обеспечением для довольно значительной ссуды, которая притом по мирскому приговору может быть обеспечена даже ипотекой на какой-нибудь отдельный участок земли. Вообще мы полагаем, что зло, к которому пришли западные народы вследствие чрезмерного развития личной собственности и неизбежно следующего за нею пролетариата, так велико, что для избежания его, — если бы мы и не имели стольких причин, как имеем теперь, верить в будущность нашей сельской общины, — все же следовало бы сделать попытку и не прежде отчаяться в успехе, как тогда, когда несостоятельность этого порядка была бы доказана несомненным опытом.

Что же касается до начавшего уже, по мнению г. Тернера, перехода от общинного владения к личной собственности, которого признаки автор находит в образовании в малоземельных селениях более или менее значительного числа зятяглых, то мы полагаем, что этому факту совсем не следует придавать такого значения. Зятяглые хотя и не владеют непосредственно землею, но все-таки принадлежат к общине и по самой принадлежности своей к семействам, которых другие члены владеют землей, не могут считаться пролетариями точно так, как не должен быть отнесен к этому разряду неотделенный сын достаточного землевладельца. Притом независимо от возможности для каждого зятяглого при будущем переделе получить во владение особый участок земли, — если с распространением лучших понятий о хозяйстве окажется возможным на том же количестве земли посредством увеличения суммы труда прокормить большее число людей, то зятяглые могут вступать в непосредственный состав общины как полноправные ее члены, а не как бездомные батраки. Одни уже эти черты различия, по нашему мнению, достаточны, чтобы резко отделить положение наших зятяглых от безотрадного и безысходного положения западных пролетариев, а следовательно, и образовавшуюся в селениях, к которым зятяглые приписаны, организацию поземельного владения — от полной личной собственности, обуславливающей существование пролетариата.

«Журнал министерства внутренних дел», 1858, декабрь

В декабрьской книжке «Журнала министерства внутренних дел» помещена весьма любопытная статья, составленная чиновниками министерства гг. Колошиным, фон-Шульцем 1-м, бароном Штакельбергом, фон-Шульцем 2-м и фон-Брадтке: «Об устройстве уездного управления и полиции и о круге действий

мирных судей во Франции, Англии и Пруссии». Эта статья, вообще весьма добросовестно и по лучшим источникам составленная, между прочим заключает в себе некоторые сведения об организации общин в означенных трех государствах и об отношениях их к должностным лицам, заведывающим местным управлением. Считаю не излишним привести их в кратком изложении.

Во Франции пространство общин определено в 1789 году на основании прежнего разделения на приходы и муниципалитеты. Число жителей в общинах весьма неравномерно: в некоторых менее 500, а в других более 10 000 жителей. Каждая община, в том числе и города, за исключением Парижа и Лиона, управляется мэром, назначаемым в главных городах и значительных общинах императором, а в прочих — префектом департамента. Заведыванию мэра предоставлена часть исполнительная, а где нет особого полицейского комиссара, — и полицейская. Кроме того, учрежден в каждой общине муниципальный совет из членов, избранных жителями ее на 5 лет, числом от 10 до 36. Этот совет, в котором мэр по званию своему занимает председательское место, разрешает все вопросы, касающиеся до управления общественными имуществами, составляет общинный бюджет и поверяет отчеты мэра о вверенных его заведыванию суммах. Попечителем всех общин в департаменте считается префект, на рассмотрение которого восходят все дела их, даже те, по которым муниципальный совет имеет право давать окончательные разрешения; в случае возникновения жалоб, которые префект признает справедливыми, он имеет право эти разрешения своей властью отменять. Вторую административную инстанцию составляет подпрефект с окружным советом из 9 членов по выбору, к которому он стоит, за исключением права председательства, почти в тех же отношениях, как мэр к муниципальному совету. Третья инстанция — префект с советом префектуры, состоящим из советников от короны, и главным департаментским советом, которого члены избираются всем департаментом по одному от каждого кантона (кантон состоит из нескольких общин, около 10). Судебная власть в низшей инстанции поручается мирному судье, назначаемому правительством из числа трех кандидатов, которых представляет президент местного гражданского суда. На каждый кантон назначается один мирный судья.

В Англии должности местного управления разделяются на исполнительные и судебно-полицейские. К первому разряду принадлежат должности: 1) шерифа, который назначается королем из числа трех кандидатов, представляемых собранием высших государственных сановников, и считается первым лицом в графстве, а на этом основании председательствует в народном собрании его; 2) коронэра, избираемого народным собранием графства и имеющего главным атрибутом власть следственную, и,

наконец, 3) констэблей, которые разделяются на сотских и десятских и избираются общинами; впрочем, сотские констэбли (high constables) нередко назначаются собраниями мирных судей; обязанность констэблей заключается в ближайшем надзоре за полицейским порядком и в сборе податей. Составляющие второй разряд должностей мирные судьи назначаются особою королевскою грамотою; каждый землевладелец, имеющий не менее 100 фунтов стерлингов (625 руб. сер.) дохода с собственной или состоящей в пользовании его земли, имеет право изъявить желание быть мирным судьей. Комплект судей не ограничен, и потому отказа не бывает иначе как по каким-либо особенно важным причинам. Круг действий мирного судьи двоякий: когда он действует один, то сущность его обязанностей, по объяснению немецкого юриста Финке, составляет общая полиция, вспоможествуемая судебною властью настолько, сколько того требует полное и успешное выполнение полицейских обязанностей; впрочем, эта власть простирается до права заключать праздных и беспорядочных людей (idle and disorderly persons) в тюрьму на один месяц, а негодяев и бродяг (rogues and vagabonds) до следующего главного заседания. Конечно, в статутах с точностью определено, кого именно следует разуметь под этими названиями. В главных заседаниях, имеющих кроме весьма обширной судебной власти также и административный характер, собрание всех мирных судей графства рассматривает отчеты разных полицейских чиновников, определяет сумму общего налога на удовлетворение потребностей графства и распределяет его между общинами пропорционально доходу, получаемому ими с земли. Община, которая почтет распределение неправильным, представляет об этом главному заседанию или приносит жалобу одному из государственных судей, причем должна представить сто фунтов стерлингов в залог уплаты судебных издержек на случай, если жалоба будет признана неправильной. Главные заседания также заведывают расходом общего сбора и имеют надзор за всеми содержимыми на счет его общественными заведениями. Сборы на нужды прихода, в числе которых находится подать на содержание бедных, и все распоряжения, относящиеся к управлению приходским общественным имуществом, определяются собранием всех прихожан, которое избирает для заведывания имуществом особых старост. Вообще выборы производятся не по сословиям, а по общинам, и всякий землевладелец, лорд ли он, купец, или крестьянин, одинаково участвует в народном собрании. Способ, употребляемый для самого акта выборов, есть так называемый roll — открытое наименование избираемого лица или написание его имени.

Пруссия в административном отношении разделяется на провинции, которые подразделяются на округа и уезды. Части уездов составляют общины. Главное лицо в уездном управлении —

ландрат, избираемый из числа владельцев дворянских имений собранием представителей уезда, которое состоит из всех помещиков, нескольких городских и трех сельских депутатов. Заведывание полицейским управлением города или селения принадлежит самим обществам, которые избирают из своей среды бургомистров, членов магистрата, шульцов и шепшенов; в важнейших городах, крепостях и в общинах, имеющих более 10 000 жителей, местная полиция может быть поручена по распоряжению министра внутренних дел чиновнику государственной службы, которому и назначается жалованье от правительства, всем же прочим лицам оно производится из собственных средств общины. Власти, заведывающие местной полицией, по совету с представителями общины, имеют право обнародовывать полицейские распоряжения и за неисполнение их налагать штрафы до трех талеров, а с разрешения окружного правления и до 10 талеров. Всякое распоряжение местной полиции может быть отменено окружным правлением, которое при этом обязано только в предписании своем объяснить причины, побудившие его к отмене. Жалобы на полицию могут быть приносимы тому присутственному месту, которому она непосредственно подчинена; а в некоторых случаях, к которым относится, между прочим, нарушение прав собственности, действия полиции могут быть предметом гражданского иска. Следствия о совершенных в общине преступлениях и проступках начинаются местной полицией и затем передаются особым чиновникам, называемым поверенными государства (Staatsanwalt), которых обязанность — преследовать виновных пред уездным судом (Landgericht); для предварительного же рассмотрения дел, равно как и для разрешения маловажных споров, назначаются в Рейнской провинции мирные судьи от короны, а в восточных провинциях чиновники от выбора, с несколько меньшим кругом действия, называемые посредниками (Schiedsmänner).

Рассмотрев эти три различные организации местного управления, мы находим в каждой из них свои особенные недостатки. Во Франции, где даже представитель общины, мэр, назначается от короны, и всякое постановление общинного совета должно быть рассмотрено и утверждено префектом, община совершенно задавлена административной централизацией. В Англии при превосходно развитом самоуправлении в каждой волости присвоено слишком сильное преобладание классу значительных землевладельцев, и если бы не либеральный дух, которым проникнуты все учреждения государства, то это преобладание перешло бы в совершенное самовластие. То же самое замечаем и в сфере политической: несколько десятков лет влияние землевладельцев с успехом противилось отмене законов о пошлине на иностранный хлеб, неоднократно подвергавших бедное население государства гнету страшной дороговизны на все съестные припасы. В Прус-

сии мы находим смешение обоих элементов: с одной стороны, ландраты, представители уездной власти, избираются собранием всех владельцев дворянских имений, в котором участвуют только три депутата сельских общин; с другой стороны, не только общины, но и ландраты совершенно подчинены окружным правлениям, состоящим из коронных чиновников, и даже для заведывания местной полицией в значительные общины назначаются чины от короны. Должно желать, чтобы мы, позже всех народов Европы ставшие на стезю общественного развития, основанного на полноправности всех граждан, избежали в равной мере всех означенных недостатков и показали пример административной организации, вполне обеспечивающей эту полноправность.

«Сельское благоустройство», № 10

«Рекрутская повинность, подати, обеспечение народного продовольствия и распространение грамотности в крестьянстве», г. Голубцова. Статья эта касается вопросов, которые имеют несомненную важность в деле устройства быта помещичьих крестьян и теперь особенно выдвигаются вперед, когда главные основания этого дела (надел крестьян землею за выкуп или в постоянное пользование впредь до выкупа за определенные повинности) уже, можно сказать, почти решены общественным мнением. Вопросы о преобразовании рекрутской повинности и порядка взимания податей г. Голубцовым только слегка затронуты; точнее он разбирает недостатки нынешней системы обеспечения народного продовольствия, которые заключаются, по мнению г. Голубцова, в том, что в сельские запасные магазины хлеб засыпается по числу только душ ревизских, не считая женщин, и что ежегодные взносы хлеба в магазин прекращаются по достижении в магазине известной пропорции хлеба, а именно по одной четверти ржи и по полчетверти ярового на каждую душу. Г. Голубцов думает, что правильного обеспечения народного продовольствия можно бы достигнуть установлением постоянного ежегодного взноса хлеба в магазины с каждой души или устройством мирской запашки. С этим трудно вполне согласиться. Если пропорция хлеба, указанная в настоящее время, мала (г. Голубцов доказывает, что ее может быть достаточно в случае голода на прокормление крестьян лишь в течение трех месяцев), то можно доказывать необходимость увеличить ее; но из этого еще не следует, что нужно отменить всякое указание нормального количества хлеба, какое должно накопиться в магазинах для достижения предположенной цели, а собирать хлеб постоянно, сколько бы его ни накопилось и хотя бы количество его и превышало уже

действительную надобность. Нам случилось года два тому назад лично убедиться в невыгодных последствиях такого порядка. В одной губернии по какому-то административному недоразумению сбор хлеба в магазины продолжается ежегодно, хотя в магазины давно уже засыпано указанное его количество. Что же выходит? Крестьяне, не видя конца сбору, не понимая, к чему ведет такое накопление хлеба, когда им в ссуду выдают все-таки не более четверти наличного хлеба, а остальной лежит так, смотрят на взнос хлеба как на новую повинность и стараются под всеми возможными предлогами и всеми законными и незаконными путями избежать исполнения ее. Мерные магазины, построенные соответственно законной пропорции хлеба, не могут вмещать лишнего засыпа, который ссыпается в амбарах, где поверить количество его невозможно; а как по магазинным книгам весь хлеб, засыпанный как в магазине, так и в амбарах, записывается вместе, то поверить по книгам наличное количество хлеба тоже невозможно. В магазине хлеба мало: вам скажут, что сверх того в амбарах столько-то (а правда это или нет, неизвестно) и что магазинный хлеб роздан в ссуду крестьянам... Вообще всякое требование, основанное на здравых соображениях и на справедливости, должно быть определено и ясно; неопределенное требование всегда представится произвольным.

По нашему мнению, одно из главных неудобств нынешней системы запасных магазинов заключается в затруднениях и формальностях, с которыми сопряжено для крестьян получение в ссуду хлеба. Там, где закон строго соблюдается, где в действительности, а не на бумаге только магазины наполнены указанным количеством хлеба (то есть далеко не везде), там, как мы лично имели случай убедиться, крестьяне считают запасный магазин неприкосновенным казенным имуществом. Ссуды получать из него так трудно, что независимо от так называемого крестьянами казенного магазина крестьяне сами устраивают свой общественный магазин, куда засыпают хлеб добровольно, но зато и получают оттуда без всякого правительственного контроля. Это мы видели в нескольких оброчных помещичьих имениях, где крестьяне были вверены собственному своему управлению и делали это без всякого побуждения со стороны помещика. Стало быть, крестьяне легко могут понять пользу общественных запасных магазинов, а не любят собственно казенных.

На это могут сказать, что предоставление распоряжения хлебными запасами крестьянским обществам без правительственного надзора не может обеспечить народного продовольствия на случай общего голода, что крестьяне будут заботиться об удовлетворении ежегодных своих нужд, будут брать хлеб весною и засыпать осенью, но не позаботятся о составлении большого запаса на случай совершенного неурожая. Это, может быть, и

справедливо; но тогда лучше всего отделить обеспечение народного продовольствия в крайних случаях (что должно составлять предмет заботливости правительства) от обеспечения ежегодных нужд крестьян, что может быть вполне предоставлено обществу с указанием им только некоторых правил для устройства сельских магазинов, но без обременения крестьян при выдаче ссуд обязанностью испрашивать разрешения у начальства... На случай же голода могут быть устроены правительством в известных пунктах особые запасные магазины, которые должны находиться под постоянным надзором начальства и откуда ссуды должны допускаться лишь во время голода. С улучшением путей сообщения общественное продовольствие может быть значительно обеспечено запасными капиталами, с помощью которых при местных неурожаях можно будет выписывать хлеб из других губерний.

Г. Голубцов вполне сознает необходимость распространения между крестьянами грамотности. С этой целью он предлагает вменить в обязанность каждому сельскому обществу делать ежегодно денежный сбор, определенный заранее мирским приговором и достаточный на устройство сельской школы. На это, по мнению г. Голубцова, потребуется незначительная сумма. Изба, нужная для сельской школы, легко найдется; книг, бумаги и чернил потребуется немного; учителя за 25 руб. в год можно найти в сельском священнике или его причте. Многие жены, сестры и дочери помещиков, как полагает г. Голубцов, с готовностью примут со временем на себя обязанности сельских учительниц. Курс учения будет начинаться осенью, после уборки полей, и кончатся великим постом, потому что весной и летом даже дети нужны и полезны в крестьянском хозяйстве.

«*Ответы по устройству быта помещиков и крестьян*», г. Шепелева. Характер и направление статьи этой будут достаточно ясны, если мы приведем из нее буквально некоторые места. Буквально мы считаем нужным привести их для того, чтобы нас не заподозрили (как то сделал раз г. Протасьев по поводу разбора его статьи) в преувеличении несправедливых в отношении к крестьянам предположений автора-помещика; да и в самом деле выражение подобных идей в настоящее время довольно неправдоподобно: *le vrai quelquefois n'est pas vraisemblable* *.

«Теперь наши крестьяне поселены по большей части подле помещичьих усадеб, что было весьма удобно при крепостном праве; но по освобождении крестьян близость эта только послужит поводом к частым неприятным столкновениям и тяжбам. Помещику должно быть предоставлено право указать крестьянам места для их нового поселения; а никак нельзя при этом основываться на обоюдном соглашении помещика и крестьян. Конечно, крестьяне пожелают остаться на теперешних своих местах, ибо помещики для

* Правда не всегда правдоподобна. — Ред.

поселения крестьян, своих крепостных, а не свободных, избирали лучший места в своих дачах; но помещики не могут согласиться уступить эти места свободным крестьянам и перейти со своими, часто многоценными усадьбами в места не столь удобные. Можно положить за правило, чтобы помещик назначал для нового поселения крестьян два или три места, из которых крестьянам предоставить право выбора.

Перенесение крестьянских усадеб вообще должно совершиться на счет самих крестьян, коим помещики даруют свободу.

Собственно оседлость крестьянскую в наших местах составляют не более 200 кв. сажень на душу; но, кроме того, крестьянину нужно иметь выгон и полезно иметь хотя небольшую полевую запашку. Для всего этого в наших местностях достаточно одной десятины на ревизскую душу, больше чего помещики уделить и не могут. Такое количество земли обеспечит крестьянское продовольствие и выполнение обязанностей пред правительством.

Половина крестьян может уходить для заработков в дальние местности, а другая половина будет наниматься в батраки у ближайших помещиков. Таким способом они приобретут для своих домов до 1 400 рублей серебром в год. 40 тягловых работников в наших местностях, нанимаясь жать и вязать хлеб, как это и теперь делается, выработают более 100 четвертей ржи; их поля и огороды легко обработаются затыглами».

Короче сказать, г. Шепелев предлагает сделать из крестьян-земледельцев не землевладельцев, а батраков. Хорошее улучшение быта! И какая польза крестьянам в их усадьбах и огородах, если целая половина их для снискивания себе пропитания должна, по отзыву самого автора, уходить ежегодно в дальние места? Уж тогда лучше бы не навязывать им и усадеб; тогда эта половина крестьян совсем переселилась бы в те дальние места и приобрела бы там оседлость на более выгодных условиях. Понятно еще, что можно говорить о наделении одними усадьбами батраков там, где они теперь есть (например, в тех уездах Витебской губернии, где землей пользуются не все крестьяне, а только хозяева, или фермеры, обрабатывающие свои 20-десятинные участки с помощью батраков); но решиться предлагать образование батрачества там, где его не было, отнятие у крестьян той земли, которой они пользовались и которую они орошали своим потом не одно столетие, и присоединение земли этой к господским полям для образования каких-то огромных плантаций — это уж что-то слишком странно! А что, если помещику вздумается запустить часть этих плантаций под лес: куда денутся тогда крестьяне с своим трудом и с своими дорого выкупленными усадьбами? При фермерном хозяйстве батраку перейти от одного фермера к соседнему недалеко, да и фермер, обязанный платить ренту, не может сократить своего хозяйства. А помещику, имеющему 20 000 десятин земли, нетрудно отделить из них под лес хоть 300 и оставить без работы соответственное число крестьян, которым придется или бросить усадьбы, или ходить далеко на заработки, разлучаясь беспрепятственно с семьею. А г. Шепелев остается своим предположением совершенно доволен и говорит еще, что помещики приносят великую жертву, освобождая лич-

ность крестьян. Хороша жертва! Всякому известно, что свободный и голодный ирландец работает лучше и стоит дешевле, чем негр, работающий из-под палки.

Странно было нам увидеть подобную статью в «Сельском благоустройстве». Впрочем, издатель поместил ее с оговоркой, что он вполне не согласен с автором.

«Соображения по улучшению быта крестьян», г. Еремеева. В небольшой статье этой автор весьма основательно доказывает, что в Киевской губернии уменьшение существующего надела крестьян землею не только будет разорительно для крестьян, но и для всех других сословий. Далее г. Еремеев представляет оценку рабочих дней и делает некоторые, к сожалению, не вполне развитые предположения о превращении натуральных повинностей в денежные.

«О поземельном кредите в Царстве Польском». Главы II и III. Первая глава статьи этой, излагающая сущность и значение гипотечных постановлений, действующих в Царстве Польском, была помещена в 9-м № «Сельского благоустройства» и разобрана нами в ноябрьской книжке «Современника» прошлого года. Во второй и третьей главах изложены довольно подробно правила о производстве обеспечений по гипотечной системе и о порядке, по которому удовлетворяют права, обеспеченные ипотекою.

«Сельское благоустройство», № 11

«Предположение об устройстве быта крестьян», Н. П. В примечании к этой статье издатель «Сельского благоустройства» объясняет, что под буквами Н. П. скрывается имя опытного хозяина, известного своими многосторонними сведениями.

Рассказавши в начале статьи неудавшуюся ему попытку перевести крестьян своих с поденной барщины на круговое обязательство всего мира обработать в его пользу известное пространство земли, г. опытный хозяин Н. П. излагает следующие предположения.

За выкуп усадеб он полагает назначить с тягла по 105 руб. серебром; потому для выкупа усадеб в течение переходного двенадцатилетнего срока крестьянам пришлось бы уплачивать ежегодно по 7 руб. 75 коп. с тягла; а как такая уплата была бы для них слишком обременительна, то автор предлагает предоставить усадьбы крестьянам в постоянное пользование, пока они будут оставаться в составе общества, с уплатой за то по 2 руб. в год; сверх того взимать с каждого двора по 2 руб. страховой премии: деньги эти вносить в уездное казначейство, которое, обращаясь таким образом в страховое от огня общество, обязано было бы выдавать по 100 руб. на каждый сгоревший двор. Крестьян

наделить землей в пользование в количестве двух десятин на ревизскую душу в многоземельных имениях, $1\frac{1}{2}$ десятин в среднеземельных и 1 десятины в малоземельных. Этот нормальный надел назначить в тех видах, чтобы крестьяне имели право приобрести его в полную собственность, когда правительство сочтет возможным совершить выкуп земли; на переходное же время оставить в пользовании крестьян всю ту землю, какой они владели до настоящего времени. Землю разделить по числу наличных тягол с оставлением нескольких запасных тягольных участков для прибылых душ.

Все казенные, денежные и натуральные повинности распределить не по душам, а по поземельным участкам, кроме рекрутской повинности, которая должна лежать на крестьянах и дворовых людях и исполняться по очередному порядку, по каждому селению особо. Для уравниения между семействами тягости рекрутского набора, которая вся ложится на те семьи, где есть рослые и здоровые мужики, и не касается тех, где члены семейства имеют какие-либо телесные недостатки, автор предлагает: при объявлении набора взимать со всех тягол денежный сбор на сумму, которая составила бы по 300 руб. серебром на каждого следующего с общества рекрута. Из этой суммы производить все расходы при сдаче рекрута; затем четвертую часть суммы вручать отданным в военную службу, а остальное — их семействам.

При наделе земли по 7 десятин на тягло требовать с крестьян барщину по три дня в неделю, то есть по 140 дней в году, или оброк в 30 руб. серебром; при меньшем же наделе соответственно уменьшать повинности. Работы отправлять по урочному положению и обеспечить исправное выполнение повинностей круговою порукою мира. Дворовым выдавать во время обязательной службы их сверх пищи и одежды жалованье по состоянию и быту их; срок обязательной службы дворовых ограничить 60-летним возрастом; но новорожденных после IX ревизии считать уже свободными; если же помещик примет на себя попечение о них в малолетстве, то они должны прослужить ему от 5 до 6 лет по обоюдному согласию.

Мирское полицейское управление составить из старосты с помощником. Распределение повинностей и разрешение разных хозяйственных вопросов, касающихся общества, производить на мирских сходках. Для разбора жалоб и проступков крестьян учредить мирской суд из старосты и двух выборных. Полицейскую власть, начальство над обществом и право утверждения мирских приговоров предоставить помещику.

Вполне признавая, что статья эта изобличает в авторе опытного хозяина и помещика, мы не можем не заметить, что он весьма справедливо и основательно назвал статью предположениями об устройстве быта крестьян, а не вздумал, как некоторые

другие помещики, называть статьи подобного содержания предположениями об *улучшении* быта крестьян. Где же тут в самом деле улучшение? Прежде крестьяне пользовались усадьбами даром; г. Н. П. предлагает им платить за пользование усадьбами по 2 руб. в год. Прежде крестьяне работали по три дня в неделю без уроков и круговой поруки; по предложением г. Н. П. они должны впредь работать те же три дня, но по урокам и с круговой порукой, что будет стоить добрых четырех дней. Дворовые остаются на обязательной службе до 60 лет, а освобождаются от нее только родившиеся после IX ревизии. Г. Н. П. забывает, что по истечении 12-летнего срока все дворовые и не достигшие 60-летнего возраста освободятся по воле правительства от обязательной службы; немедленное же освобождение рожденных после IX ревизии составляло бы только освобождение помещиков от обязанности призывать малолетних, потому что к концу переходного срока едва ли кто из дворовых, рожденных после IX ревизии, то есть после 1851 года, успеет достигнуть совершеннолетия.

«О *крестьянском поземельном наделе*», г. *Троцины*. Более нежели самая статья эта, заслуживает внимание напечатанное в выноске к ней письмо, при котором статья доставлена к издателю «Сельского благоустройства».

Приводим небольшую выписку из этого письма, где весьма метко очерчены те побуждения, под влиянием которых составляются помещиками предположения о возможно меньшем наделе крестьян землею:

«В прежнее время, наделая крестьянина средствами к жизни в виде ли земли, или чего иного, мы не принимали строго в расчет ни труда крестьянина, ни его услуг; собственные наши соображения были мерилом в этих случаях; назначалось такому-то столько, такому-то столько; большею частью было общее убеждение, что крестьянину нужно очень мало, и если вследствие недостаточного обеспечения крестьянин вынужден бывал обращаться к помещику с просьбой о пособии, то мы смотрели на оказываемую ему помощь не как на свою обязанность в отношении к нему, а как на акт великодушия. Обязанностей своих к крестьянину помещик не признавал почти никаких, разве каких-то общих, в которых не отказывается и всякому постороннему человеку. От этой-то старой привычки смотреть на крестьянина как на обязываемого нами, а не как на имеющего права, мы и теперь не можем вполне освободиться. При решении многих вопросов об улучшении быта крестьян мы все еще отчасти действуем под влиянием прежних взглядов и убеждений. Например, при определении количества земли, которым крестьяне должны быть наделены, мы прежде всего рассчитываем, довольно ли ее останется у нас. С этим бы еще можно согласиться; естественно, что собственный интерес ближе всего; но беда в том, что нас трудно удовлетворять; нам все кажется, что сколько ни уделаи себе, для крестьян останется слишком много; не легко успокоить нас в этом опасении; правда, до сего времени мы предоставляли крестьянам гораздо более земли, чем сколько теперь мы хотим им дать, но тогда крестьяне были наши, говорим мы, а теперь не то. Основываясь на каком-то внутреннем чувстве, которого я не умею назвать, большинство склоняется в пользу самого ограниченного надела. Такому соглашению много помогает недостаток сознания, каковы те

нужды крестьянина, которые должны быть обеспечены землею. Многие даже хорошо расположенные к вопросу люди опасаются, что крестьяне при достаточном количестве земли, удовлетворяясь ею, не будут иметь побуждения к заработкам, отчего мы лишимся рабочих; так, все соглашается в том, что обязательной работы будет недостаточно. Посреди такого-то довольно пространного расположения к наделу, по моему мнению недостаточному, я написал прилагаемую статью».

В начале своей статьи г. Трощина доказывает, что улучшения быта крестьян должно стараться достигнуть: во-первых, наделением крестьян землей в количестве, достаточно их обеспечивающем; во-вторых, установлением правильной соразмерности между трудом крестьян и предоставляемым им за него вознаграждением и, в-третьих, предоставлением им более свободного времени для собственных работ.

После всего этого можно было ожидать от автора безобидных для крестьян предположений о размере поземельного надела. Между тем, выведя подробными вычислениями, что $1\frac{3}{4}$ десятины на душу едва ли будет достаточно для полного прокормления крестьянина и обеспечения его обязанностей перед правительством и что такой размер надела может быть принят лишь за минимум, автор приходит к заключению, что надел в 2 десятины на душу может быть принят за норму и будет совершенно достаточен. Но неужели такая слабая прибавка к наименьшему, *едва ли достаточному*, наделу может привести к общей, везде достаточной норме надела? Для определения размера надела мало общих теоретических вычислений, надо принять в расчет и существующий надел. Если оставить при прежнем наделе крестьян, у которых было по 5 десятин на тягло, то они, конечно, будут в относительно лучшем положении, нежели те, у которых прежде было 10 десятин и у которых отняли бы половину. Большой размер надела редко происходит без основания, по одному произволу помещика. В многоземельных имениях земля вообще хуже: притом, так как ее слишком много, то на всю нехватает навоза. Скоро ли многоземельные крестьяне, у которых бы отняли часть их земли, успели бы довести свои поля до той степени плодородия, до какой по необходимости доведены поля у малоземельных крестьян; а покуда — чем стали бы питаться лишенные части своих угодий крестьяне? Уменьшать существующий надел можно только в крайних случаях, то есть тогда, когда в пользовании крестьян числится более земли, нежели они действительно могли обработать. Это правило принято было правительством при составлении инвентарных правил; например, в инвентарных правилах, введенных в Витебской губернии (в пункте 5 отдела I), сказано, что если крестьяне имели при введении правил земли менее $4\frac{3}{4}$ десятины на тягло, то им должен быть дополнен надел до этого количества (вот справедливое значение наименьшего надела, который по выводам г. Трощины можно определить для Полтавской губернии в 2 десятины на душу):

если же крестьяне имели от $4\frac{3}{4}$ до 9 десятин на тягло, то надел остается прежний; излишнее же количество земли против 9 десятин на тягло помещик может или отделить себе, или оставить в пользовании крестьян по добровольному с ними условию.

Если бы применить подобные правила к Полтавской губернии и принять за наименьший надел по 2 десятины на душу, то высшим нормальным наделом следовало бы назначить по крайней мере $4\frac{1}{2}$ десятины на душу, то есть норму, принятую в известных случаях существующими законами.

«О ценности крестьянских усадеб», г. Раковича. В этой небольшой статье автор доказывает, что крестьянские усадьбы *de facto* и по обычаю всегда почитались собственностью крестьянина, что они помещику прежде никакого дохода не приносили и в цену не ставились, а что если «уже непременно надобно положить цену приобретению этой мнимой собственности», то нельзя ценить десятину усадебной земли дороже, чем вдвое против полевой.

«Упразднение крепостного права и устройство отношений между помещиками и крестьянами в Пруссии», Ю. Ф. Самарина. Статья IV. Первые три статьи замечательного сочинения г. Самарина о крепостном праве и поземельных отношениях в Пруссии помещены были в 1, 2 и 4 №№ «Сельского благоустройства» за 1858 год. Мы довольно пространно говорили уже в прошлогодней июльской книжке «Современника» об этих статьях, где так живо и верно представлены были меры, принятые Штейном к установлению между помещиками и крестьянами правильных и справедливых отношений.

В настоящей, не менее занимательной и поучительной статье г. Самарин говорит о мерах, принятых в Пруссии по крестьянскому делу в позднейшее время. Любопытно проследить, как законодательство о поземельных отношениях помещиков и крестьян в Пруссии, беспрестанно дополняемое и изменяемое после 1814 года, под влиянием изменившегося политического направления и более успешной оппозиции дворян постепенно усложнялось и запутывалось и вместо того, чтобы привести посредством правильного выкупа крестьянских повинностей к удовлетворительному для обеих сторон разрешению вопроса, к устранению общей пользы всех обветшалых остатков феодальных преимуществ, стеснявших и раздражавших крестьян, не принося помещикам соответственной выгоды, послужило одним из главных поводов к смутам 1848 года. Вследствие этих смут 20 апреля 1848 года обнародован манифест к поселянам, которым правительство принимало на себя обязательство в самом непродолжительном времени пересмотреть законы об отношениях крестьян к помещикам с целью ускорить и удешевить упразднение повинностей. Опасность была так очевидна, что те самые

помещики, которые прежде всех успешнее противодействовали мерам правительства, теперь сами просили порешить вопрос о повинностях и удовлетворить крестьян.

В государственной конституции, обнародованной в 1850 году, объявлено крестьянам право неограниченного распоряжения недвижимой собственностью и выкупа повинностей, безвозмездное упразднение вотчинной юрисдикции и полицейской расправы, а также и сохраненных некоторыми владельцами вотчинных прав, основанных на феодальной подчиненности им сельских обывателей. 2 марта 1850 года утверждено заменявшее собою все прежние постановления новое положение: вместе с тем указана финансовая операция для окончательного освобождения крестьян от личной зависимости и предоставления им полной поземельной собственности посредством выкупа поземельных повинностей, лежащих на владеемых ими участках. С этою целью учреждены в каждой провинции, за исключением левого берега Рейна, *рентные банки*.

«Сельское благоустройство», № 12

«Мысли о крестьянском деле», г. Ладыженского. В статье этой автор излагает весьма дельные мысли и соображения о том, что для обеспечения благосостояния крестьян необходимо:

1) По возможности сократить переходное время для скорейшего освобождения труда и личности крестьянина от зависимости помещика и дозволению крестьянам свободно выбирать места и занятия для своего труда, не стесняя их при переходах излишними формальностями.

2) Соразмерить повинности крестьян с предоставленными им в пользование угодьями; причем уравнивать барщинные работы с оброком, а не оброк с работами, потому что трехдневная барщина и сгоны, произвольно прежде налагаемые, не могут служить мерилom для оброка, иначе настоящий оброк должен вдвое увеличиться, а это не покажется улучшением для крестьян.

3) Наделить крестьянам всей земли не менее $4\frac{1}{2}$ десятин на душу, предоставив им по собственному усмотрению принять эту землю в общинное пользование или разделить ее по участкам в личное пользование отдельных семейств.

4) Обеспечить крестьян против притеснений и несправедливостей властей, назначенных для их управления.

5) Принять меры для распространения между крестьянами грамотности.

«Барон Шульц фон Ашераден и доктор Меркель», г. Самарина. Начало этой статьи, где описана замечательная и заслуживающая полного уважения деятельность барона Шульца по вопросу об освобождении крестьян в Лифляндии, помещено в 5-м № «Сельского благоустройства». Мы уже говорили о статье этой

в библиографии, помещенной в 10-м № «Современника» за прошлый год. Во второй части своей статьи г. Самарин говорил о докторе Меркеле, который своими сочинениями много содействовал развитию в Лифляндии мысли об уничтожении крепостного права. Будучи сыном сельского пастора, Меркель с детства насмотрелся на возмутительные примеры злоупотреблений помещичьей власти. Накипевшее в нем справедливое негодование отразилось в его сочинениях. Сперва он выражал свое сочувствие крестьянам стихотворениями. Но вскоре он почувствовал необходимость серьезно заняться вопросом об освобождении крестьян; изучив на месте быт несчастных латышей, он отправился в Германию и там напечатал замечательное сочинение, в котором ярко выставил вредное влияние и жалкие последствия крепостной зависимости и в то же время разобрал постановление лифляндского ландтага 1765 года, указавшего только полумеры, которые не в состоянии были обеспечить благосостояние крестьян. Сочинение это произвело глубокое впечатление в Германии, действовало на многих находившихся там молодых лифляндцев и подготовило будущих деятелей для предстоявшей реформы. В самой же Лифляндии оно, разумеется, было принято дворянством очень неблагоприятно. Но семена здравых идей были все-таки посеяны и принесли со временем свой плод. Этим и последующими сочинениями доктор Меркель возбудил в литературе живое участие к вопросу об уничтожении крепостного права; в этом отношении доктор Меркель своими литературными трудами не менее содействовал освобождению крестьян, чем барон Шульц, который действовал своими речами на дворянских ландтагах и собственным примером.